

Содержание

Вступление

Практическое изучение Востока. — Военная география. — Ближний и Средний Восток. — Ближний Восток. — Средний Восток. — Политическое содержание понятия. — План лекций. — Порядок изложения.

Глава первая

Афганистан. Степень достоверности наших знаний о Востоке. — Литература по Афганистану. — Географическое положение Афганистана. — Границы Афганистана. — Граница Афганистана с Россией. — Граница Афганистана с Индией.

Глава вторая

Поверхность Афганистана. — Гиндукуш. — Сулеймановы горы. — Долины и плоскогорья. — Воды Афганистана. — Аму-Дарья. — Притоки Аму-Дарьи. — Реки Сеистана. — Притоки Инда.

Глава третья

Климат Афганистана. — Средства Афганистана.

Глава четвертая

Население Афганистана. — Прошлое афганцев. — Происхождение народа. — Группировка афганцев. — Характер народа. — Количество народонаселения Афганистана. — Язык афганцев. — Таджики. — Тюркская группа. — Прошлое узбеков. — Тюркские народы и языки. — Газара и аймаки. — Аймаки. — Кафиры. — Заключение о народе Афганистана.

Глава пятая

Форма правления. — Содержание законодательства. — Шариат. — Чиновничья лестница. — Эмир и наместники. — Жизнь властителя. — Министры Афганистана. — Административная машина. Департаменты. — Режим.

Глава шестая

Хозяйство Афганистана. — Зякет. — Херадж. — Второстепенные налоги. — Военно-заводская деятельность в Афганистане.

Глава седьмая

Военные качества народа. — Величина афганской армии. — Комплектование армии. — Офицерский состав. — Дисциплина. — Организация вооруженных сил. — Вооружение

афганской армии. — Форма одежды. — Питание армии. — Денежное довольствие. — Численность афганской армии. — Третья англо-афганская война.

Глава восьмая

Стратегические пункты Афганистана. — Пути сообщения. — Обыкновенные пути сообщения. — Западная группа путей. — Центральная группа путей. — Восточная группа путей. — Пути для связи. — Общий вывод о путях.

Глава девятая

Политическое значение Афганистана. — Отношения России и Англии к Афганистану. — Первый период русско-английских отношений. — Первая англо-афганская война 1838–1842 гг. — Значение Крымской войны. — Второй период русско-английских отношений. — Значение русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — Вторая англо-афганская война 1878–1882 гг. — Третий период среднеазиатских отношений России и Англии.

Предисловие

Настоящий труд является стенографической записью моих лекций, читанных осенью 1919 и весной 1920 гг. на восточном отделении Академии Генерального Штаба. Чтобы не задерживать появления в свет этого труда, все дополнения и подробности отнесены ко второму тому, который появится дополнительно, и в который войдут и новейшие сведения по Афганистану, ныне имеющиеся в нашем распоряжении благодаря завязавшимся сношениям с этой интересной страной.

Лекции предназначались для слушателей, еще совершенно не ознакомленных с миром азиатских явлений, почему в изложение предмета вошло немало пояснительных примеров и неизбежных повторений, столь свойственных всякому популярному изложению, но сильно мешающих цельности и сжатости общей картины. Для устранения этих недочетов путем радикальной переработки лекций автор, к сожалению, не имел ни времени, ни возможности.

А. Снесарев

Москва, 22 ноября 1921 г.

Вступление

Практическое изучение Востока. — Военная география. — Ближний и Средний Восток. — Ближний Восток. — Средний Восток. — Политическое содержание понятия. — План лекций. — Порядок изложения.

Прежде чем я перейду к изложению своего предмета, я позволю себе остановиться и остановить ваше внимание на оттенении той стороны дела, того основного принципа, который будет положен в основу изучения как языков, так и стран на Восточном Отделении Академии.

Практическое изучение Востока

Это изучение может быть названо изучением живых людей и живых языков. Эта идея так называемого практического изучения стран Востока довольно новая. Теперь она получила право гражданства, но еще недавно она очень и очень оспаривалась, и мне, в числе других, приходилось немало ломать копий, чтобы доказать, что изучение стран Востока, изучение тех народов, которые там копошатся, изучение языков, часто может быть грубых и неправильных, на которых говорят живые люди Востока, что оно: 1) имеет за собою большой интерес и 2) оно так же научно, как и то изучение, которое считалось до сих пор единственно научным, а именно изучение Востока теоретическое. Еще в 1908 году я выступал на международном конгрессе ориенталистов в Копенгагене с докладом по одному вопросу, связанному с практическим изучением стран Востока, и я помню, что среди членов конгресса я встретил к себе самое внимательное отношение, а в конце моего доклада меня обступила масса корреспондентов, засыпавшая меня различными вопросами. Мне кажется, что не самый характер моего доклада, который мог быть не так уж интересен и удачен, а самая тема и именно трактование темы с точки зрения живого изучения стран заинтересовало столь многих.

В чем состоит разница между практическим и теоретическим изучением? Разница в следующем: всякое теоретическое изучение старается уклониться в прошлое стран, в эволюцию языка народа, в его происхождение; при изучении географии страны и пространства, которые расстилаются перед глазами, оно углубляется в далекие уснувшие времена, ищет всестороннюю базу, чтобы из углубленного анализа, из сравнений, из аналогии между существующими явлениями и прошлыми сделать нужный для исследователя вывод, выяснить народный язык в его общих, очищенных формах. Конечно, нельзя отказать в значительной пользе и несомненной научности этому методу изучения, но он является слабым с точки зрения насущных нужд жизни и того практического изучения, к которому теперь все приходят. **Практическое изучение берет страны такими, какими они есть, оно ищет живых людей настоящего, с их нравами и обычаями, оно изучает те действительные неумершие языки, на которых действительно говорит и не одно только привилегированное меньшинство, а большинство, масса, — словом, оно изучает страну без микроскопа и телескопа, а живыми, пусть несовершенными глазами, проникая во всю глубину ее серой, но реальной и переживаемой действительности.** Изучение практическое подвергается укору в том, что оно является изучением мимолетным, что язык, например, изучается не в обобщенных серьезных формах, а в невежественном грубом отражении, которое дает ему тот или другой народ, что оно ловит текущий момент, часто неинтересный для истории, изучает типы, которые могут оказаться чисто случайными. Затем, часто говорилось, что те люди, которые практически изучают страну, часто не знают истории языка, прошлого данной страны, не знают, какая в данной народности течет кровь и т. д. Но такой взгляд на

практическое изучение ныне отжил свое время, и о нем можно вспоминать, как об явлении чисто историческом. Теперь практическое изучение страны имеет за собой прочную научную оценку и достаточный опыт, например, таких учреждений, как “Институт живых языков” в Париже, “Семинарий” в Берлине, отделения при университетах в Англии или умершая теперь “Практическая Восточная Академия” в Петрограде.

Мы на нашем Восточном Отделении будем преследовать только этот способ изучения стран Востока. Почему? Потому, что это подведет нас скорее и прочнее к порогу тех стран и языков, которые вам придется изучать; вы получите возможность, благодаря практическому усвоению языков и обычаев, на первых же шагах вашего сближения с народами Востока вступить с ними в общение, сумеете скоро ориентироваться в их быте, не испугаете восточного человека нескромными вопросами или манерой, будете знать, как подойти к нему, как иметь доступ к его сердцу и уму. Этот способ, кроме очевидной экономичности, является, сверх того, практически целесообразным, ибо ведет вас прямо к тому объекту изучения, который для вас представляет интерес, не позволяет углубиться в область ненужной вам истории, не отвлекает вас в сторону теоретических деталей... он ведет прямой и скорой дорогой к тем запросам жизни, которые диктует текущая реальная нужда.

Я беру на себя изложение курса военной географии Среднего Востока, а затем, если не будет лектора, буду продолжать и военную географию Ближнего Востока, стараясь свое преподавание связать с теми принципами, о которых я только что сказал.

Военная география

Прежде всего несколько слов о военной географии. Военная география это есть описание страны, народа и переживаемого народом момента истории под военно-политическим углом зрения, т. е. описание общегеографической обстановки под углом предположения, что на такой-то территории такого-то государства или по соседству с ним возможно возникновение той или другой войны, безразлично войны ли наступательной или оборонительной, или даже войны чисто партизанской, какой-нибудь мелкой. Те из вас, которые являются слушателями Академии, уже получили картину общих принципов и основных приемов, необходимых для военно-географического исследования, и я не буду останавливаться на этом вопросе, я только хочу задать один связанный с этим существенный вопрос. Если я буду читать военную географию Среднего Востока, то какая будет разница между тем, как я буду читать здесь вам этот курс, и тем, как бы я читал его на общем курсе Академии Генерального Штаба? В чем будет разница, и какая лежит обязанность на мне, как представителе практического изучения Востока, при выполнении задачи, которую я себе наметил? Я скажу, что принципиальные мотивы военно-географического исследования остаются одними и теми же; значит, прежде всего остаются те же объекты географии, как и в другом общем случае: географическая обстановка, народная масса, движение и распределение народонаселения, народный труд и т. д., причем все это должно быть рассматриваемо под углом военного интереса. Например, если будет изучаться народ, то я буду его рассматривать как большую трудовую силу, которая служит, между прочим, и общим резервом для создания силы военной, с одной стороны, и с другой — является орудием для создания тех разнообразных ценностей, которые необходимы для войны. Если я подойду к другому элементу географии, — к местности, я рассматриваю ее сначала в ее целом, т. е. в какой мере она по своему общему рельефу, по свойствам своих гор, рек, по климатическим условиям, по характеру народа и т. д. отвечает стратегическим требованиям. Это будет обзор географического материала с широкой военной точки зрения. Я могу спуститься к

деталюм: изучая в подробностях направление хребтов, их складки, их прерывность, рассматривая характер рек в определенном масштабе, открытые или лесные пространства, я смогу остановиться уже и на вопросах тактики. Изучая пути сообщения страны, я буду их рассматривать с точки зрения их пригодности для передвижения войск и военных грузов в разное время года и т. д. Вот канва, по которой производится военное изучение всякой страны, а также и стран Востока.

Какую же особенность я внесу в свое преподавание военной географии при том условии, что принадлежу к школе людей, считающих необходимым применять метод практического изучения страны? Тут будут две особенности. Прежде всего, при всех описаниях военно-географических элементов, будет ли это народонаселение, будут ли это дороги и реки, языки и т. д., я к ним подойду более вплотную, более реально и ближе, может быть, с более детальными бытовыми подробностями, чем я сделал бы это при чтении курса военной географии на общем курсе Академии Генерального Штаба. У вас, может быть, я отброшу некоторые цифры, опущу исторические справки, то, что отдает теорией, но тем с большим вниманием я остановлюсь на серой жизни народа, на том, от чего отдает действительностью, на том, что есть. Вот эту мою обязанность — подойти ближе к укладу жизни народа и страны — я и должен поставить на первый план.

Вторая сторона касается лекторского стажа. Я считаю, что с военно-географическими описаниями можно познакомиться, прочтя несколько книг, а затем, пожалуй, приняться и за профессорство, и это допустимо и в действительности практикуется при масштабе теоретического изучения страны, но когда лектор берется обрисовать военную географию какой-либо страны, придерживаясь той школы, которая в основу кладет практическое изучение, то тем самым он несет на себе неизбежную обязанность практически быть знакомым с этой страной. Тут нельзя ограничиться тем, что он где-то слышал или вычитал нужный ему материал или даже говорил о нем с теми, кто сам нужное видел. Этого мало. Он должен в свое время сам видеть описываемую им страну, видеть ее природу, находиться в сношениях с теми людьми, которые там живут, беседовать с ними, даже пережить с ними их маленькие горести и радости. Только в соприкосновении с ними, наблюдая солнце вместе с ними или терпя с ними дождь и бури, человек может сказать впоследствии свое уверенное слово об этой стране и ее людях.

Я собираюсь читать вам военную географию Среднего Востока. Вы спросите меня, был ли я в этом районе? Да, я был. Все, что я вам буду повествовать, в значительной мере, я сам видел, чего не видал — обойду молчанием или оговорю. В Индии я прожил семь месяцев, проходил по разным углам северной Индии, которую потом изучал специально, был в глухих углах восточной Бухары, жил на Памире почти два года, был в Кашгарии, Афганистане и т. д. Поэтому все, что я буду говорить, мною пережито, люди, о которых я буду повествовать, я их знал, я вступал со многими из них в сношения, и, даже больше, между ними я имею немало друзей, и, если они сейчас не пишут мне, то только потому, что писать не умеют, но каждый раз, когда кто-нибудь едет в Азию или обратно, я восстанавливаю с ними духовное общение. Словом, я буду говорить, об этих странах не как теоретик, а как практик.

Ближний и Средний Восток

Таким образом, осветив перед вами главную идею, которая положена в основание изучения стран Востока на нашем Восточном Отделении, и, указав в чем будет состоять наш метод военно-географического исследования и поскольку он отличается от обычного теоретического метода, я подойду ближе к своей теме. Перед вами, прежде всего, вопрос о так называемом Ближнем и Среднем Востоках, и вы вправе задать вопрос: что это за

термин? какие страны и какие народы он объединяет, и почему в литературе, особенно политической, издавна мелькают понятия “Дальний Восток”, “Средний Восток” и “Ближний Восток”? Какие страны, например, входят в Средний Восток, с которого я начну? Входят наш Туркестан, Хива, Бухара, Тибет, Кашгария, Памир, Афганистан, восточная Персия, Белуджистан, Индия. Если я назову эти страны, то опять же у вас возникает вопрос, что объединяет их? Какой смысл в том, что эти страны, разные по языку, по управлению, по истории, соединены под объединяющим словом “Средний Восток”? Я должен остановиться на этом, чтобы перед вами оправдать то название, которое мы будем употреблять впоследствии и которое мы должны употреблять сознательно.

Ближний Восток

Ближний Восток, о котором нужно сказать, хотя бы мимоходом, имеет длинную историю. В дальние времена существования великих монархий Ассирии, Вавилона и Персии он являлся колыбелью, в которой выявлялись эти державы. Правда, некоторые из этих монархий отбрасывали свои хвосты далеко вне первичных границ, в Европу и северо-восток Африки, но общим для всех монархий оставалось то, что мы называем Ближним Востоком. Если вам придется знакомиться с историей римской империи, когда Ближний Восток вошел в сферу ее влияния, то вы увидите, что в этот период им обнимался цикл своеобразных проконсульств или полуавтономных государств, совсем не похожих на проконсульства или провинции Африки, Испании или нынешней Средней Европы. Малоазиатские государственные единицы носили особую физиономию, переживали особую историю, и к ним слагалось особое политическое отношение Рима [Определенную роль Восток играл, например, по отношению войн, которые вел Рим и которыми создавалось его могущество. Восток являлся в этом случае золотым мешком, огромной кассой, которая финансировала римские войны. Виппер Р. Ю., публичная лекция “Гражданские войны в древнем Риме”, июнь 1920 г.]. Характерно, что в страны Востока назначались особые люди или туда сами собою подбирались особые люди, укреплявшие свою последующую карьеру накоплением огромных сокровищ, но заражавшиеся обычно слабостью и пороками управляемых народов. Влияние Востока на Рим было огромно и в смысле переноса в недра последнего сложных духовных ценностей, и в смысле создания, может быть, главного, хотя и косвенного, разрушительного удара по гранитной твердыне вечного города. [Об этом см. классические труды Гиббона (“История падения Западно-Римской Империи”) или Момзена (“Римская история”).]

Если перейти затем в средние века, то вы увидите, что судьба и лик Ближнего Востока меняются в зависимости от тех исторических требований, которые к Ближнему Востоку предъявлялись. В свое время волна арабская бурливым потоком залила Ближний Восток, но в Европу не передалась, а покатила по северной Африке и замерла на территории Испании. Она сделала Восток арабским, воинственным, привила ему пышную, хотя мимолетную культуру. С появлением тюркской волны, после арабского властвования, Европа начинает снова обращать внимание на Ближний Восток. Это был тот момент, когда она впервые должна была насторожиться и стала отбиваться от угрожающего наступления народов Востока; это единоборство Византии при слабой помощи юго-восточной Европы с турками является центром внимания всей тогдашней Европы и тесно связано с вопросом о тогдашнем Ближнем Востоке. К тому времени и относится первое создание в таких городах, как Венеция или Вена, школ, в которых изучались языки Востока — турецкий, арабский и персидский. Когда настала эпоха крестовых походов, то все внимание к Ближнему Востоку концентрировалось около совершенно новой идеи — борьбы за Святую Землю. Вы скажете, что в основе крестовых походов лежали и другие пружины — и экономическая, и раскрепощение масс крестьянства... это совершенно

верно, но пространство, к которому устремлялись волны крестовых походов, была известная сумма территорий, под общим названием — Ближний Восток.

Но до сих пор, как вы видите, в интересах к Ближнему Востоку содержались различные идеи, которые бессвязно сменяли одна другую и не отличались постоянством. Но после того как Турция перевалила в Европу, и когда окреп слух, что где-то далеко найдена страна несметных богатств, страна исключительная, которую ныне мы называем Индией, когда она стала в воображении народов чем-то реальным, то с этой страной в умах народов связались новые факторы и упования, которые с XVII столетия выливаются в определенное политическое представление. Эта политическая тенденция хотя для общества не всегда ясно, но для специалистов совершенно отчетливо с указанного момента связывается с вопросом об обладании Индией и ее богатствами. В конце XVIII столетия Мирабо, который находил время всем заниматься, и Наполеон, имевший слишком наивную мысль через Россию пробраться в Индию, первые создали специальную ценность Ближнему Востоку и он с первых годов прошлого столетия стал уже совершенно определенным политическим фактором. Под Ближним Востоком, с политической точки зрения, разумели с тех пор два вопроса: один, связанный с судьбами Турции, — то была наглядная для всех легко уловимая идея; и другой — более серьезный и более закрытый: под Ближним Востоком разумели вопрос о странах, заключающих в себе пути, ведущие к Индии. Я должен заметить, что теперь, когда вы изучаете эти далекие вопросы, вас должно поразить то нервное отношение, которое тогда проявлялось к вопросу о Ближнем Востоке и в реализации которого замечалась значительная доля легкомыслия. Ведь трудно представить себе, чтобы Египетский поход Наполеона, который так безжалостно оборвался на Сирийском побережье, мог окончиться завоеванием Индии. А проект Павла I, которого некоторые историки называют больным, разве этот проект завоевания Индии не нужно отнести скорее к области психопатии?

Во всяком случае, Ближний Восток с начала XIX века занимает всеобщее внимание, как включающий в себя территории подступа к Индии. Конечно, в этом вопросе, главным образом, была заинтересована Англия, и первую половину XIX столетия она проявила исключительную нервность. Но после того как в Индии корона взяла все в свои руки, наиболее сильные государства северной Индии были завоеваны, великое возмущение сипаев было подавлено, благополучно была закончена первая афганская война (1839–1842), был уничтожен наш Черноморский флот и Суэцкий канал перешел во власть Англии, вопрос о Ближнем Востоке, как подступе к Индии, перестал быть таким нервным, как прежде. Правда, он вызывает к себе и по сию пору интерес мира, но таковой почти ограничивается текущими задачами, вроде соперничества Англии с Германией. Внимание мира перешло в ближней Азии к новому центру тяжести, к новому детищу Европы, которое стало называться Средним Востоком.

Средний Восток

Насколько литература Ближнего Востока велика, насколько понимание его широко выяснено, это можно вывести уже из того наблюдения, что эта тема стала достоянием даже ученических тем. Не так дело обстоит со Средним Востоком. Я в первую голову буду читать о Среднем Востоке, и нужно сказать, к чему сводится тут существо дела. Я уже перечислил те страны, которые входят в содержание Среднего Востока. Мы видим, что эти страны между собой очень резко отличаются и по величине, и по политическому значению. Что же объединяет эти страны? Почему мы вправе их соединить под общим названием стран, относящихся к Среднему Востоку? Прежде всего я должен сослаться на историю. Оговорюсь сначала, что долго вопрос о Среднем Востоке, очевидно, был недостаточно ясным. Только Керзон, нынешний министр иностранных дел Англии, в

своих политических трудах окончательно, с неопровержимой уверенностью, подчеркнул весь смысл и значение Среднего Востока.

Я не говорю о его последующих политических планах, в которых он, между прочим, намечал, чтобы железная дорога, прорезывая Аравию, от Куэйта поворачивала бы к северу, огибала Персидский залив и от Бушира шла бы поперек Персии и Афганистана через Шираз, Керман, Нусирабад и Кандагар на соединение с сетью индийских железных дорог, которые в свою очередь соединялись бы с сетью железных дорог Китая, имея выходной порт в Шанхае, т. е. чтобы грандиозная, но обязательно английская стальная лента прорезала весь азиатский континент и в Каире смыкалась бы с линией трансафриканской — Каир—Капштадт.

Отнесем этот проект к области политического донкихотства. Но ранее, в молодые годы и еще в дни своего вице-королевства в Индии, Керзон был менее фанатичен и, как исследователь, более объективен. И вот его трудами (*Russia in Central Asia, Persia and the Persian question, the Pamirs and the source of the Oxus*) содержание Среднего Востока было намечено определенно и вразумительно. Труды его предшественников — Роулинсона, Мак-Грегора [*“England and Russia in the East”* первого и *“Оборона Индии”* второго.] и им подобных — были слишком нервны и односторонни, чтобы выявить в ясной форме широкую политическую проблему Среднего Востока. После Керзона идея о Среднем Востоке перешла к массам и стала достоянием широких кругов, до тех пор долго оставаясь уделом разве только специалистов.

Каковы же данные, говорящие за объединение перечисленных мною стран под общим понятием Среднего Востока?

Если всмотреться в историю, то перед нами возникает целая череда огромных государств, замыкавшихся на территории современного Среднего Востока, как, например, империя Александра Македонского. Посмотрите, какие вензеля описывает этот великий полководец при своих походах. Начинает он походом вдоль Сирийского побережья, на Египет, а затем он производит свой нажим на сердце древней Персии, скользит позднее вдоль юга Каспийского моря, перебрасывает часть своих полков к Мерву, через Аму-Дарью проникает в нынешний Туркестан, путается в углах восточной Бухары, в районе Куляба, и затем уже двигается через Гиндукуш к Индии... в чем смысл всех этих передвижений и маневров?

Стратегия в свое время (Леер) хотела обосновать эти ходы македонца, как расширение и углубление базы перед походом на Индию. Я понимаю это явление иначе. Для меня это — возможное исчерпывание своим посещением и установлением власти всех тех районов, которые составляли в своем взаимоотношении нечто целое, такое целое, которое надо было, в конце концов, взять под общую правящую руку. И когда Александр переносит свою резиденцию в Вавилон, территория, на которой установлена его власть, оказывается включающей в себя именно Средний Восток. Правда, ему еще нужна Македония [Об этом интересно говорит Mahaffy, *The Progress of Hellenism in Alexander's Empire*. — Chicago, 1905.], как источник пополнения кадра военачальников пехоты и конницы, ему нужен Египет, который был для него экономической базой, но вся его власть сосредотачивалась именно на той территории, которую мы ныне называем Средним Востоком.

Если подойти к нашему времени ближе, следя за жизнью Среднего Востока, то пройдет много новых монархий перед вашими глазами, заполнявших последовательно территорию этого Востока. Укажу на более яркие. Перед вами монархия Чингиза, где-то зародившаяся в глубине Азии. Европейская история, часто неудачная и злая по отношению к Востоку,

скажет вам, что из-за недоразумения с властителем Хорезма (нынешняя Хива) Чингиз овладевает им, затем летит в погоню за Джелалудином и доходит до Индии: он строит мировую державу... и всюду кровь, ужасы и погибшие царства! Я сейчас не буду распространяться об этом европейском способе исторического живописания. В конце же концов, когда вы рассматриваете один из улусов Чингиза, переданных своему внуку, вы увидите, что в нем выкроился опять тот же Восток, который нас интересует.

Но еще ярче наша мысль выделяется при следующей волне, при волне Тимура или Тамерлана, как его насмешливо прозвали персидские историки. Тюрк по происхождению со стороны отца, а по матери отдаленный монгол, он умер в начале XV столетия. Он воссоздал страну, которую когда-то имел под своим владычеством Александр Македонский. Если мы посмотрим на территорию власти Тимура, то увидим, что она включала в себя следующие страны: русский Туркестан, Афганистан, восточную Персию, вероятно, весь Памир, Кашгарию; к ней временно принадлежала и северная Индия, правда, не вся, — долина Ганга в своей нижней части Тимуру не принадлежала, так как по своей первобытности никого тогда не интересовала. Вы видите, что чаша Среднего Востока была снова наполнена до краев. Это подводит вас к признанию, что в эпоху создания в ближней Азии больших держав они почему-то приурочиваются к определенной территории. Очевидно, были какие-то данные в условиях этой территории, которые давали возможность великим завоевателям объединять именно ее под своей властью, управлять ею, замыкать народные массы в ней, т. е. в той территории, которую мы называем Средним Востоком. А затем миновала пора для такого явления, и все рассыпалось в куски, до нового властителя.

Если для вас эта картина неубедительна, то я вас подведу к другой стороне, к вопросу о национальной канве. Когда я буду говорить об этом, то перед вами на первый взгляд развернется сложное явление: на пространстве Среднего Востока, кроме иранской и тюркской народностей, вы найдете и арабов, и евреев, и монголов, в лице хазарейцев или в лице калмыков и даже цыган. Конгломерат достаточно смущающий. Но, если вы, отбросив этнографические прослойки и мелочи, посмотрите, какие главные группы народностей заполняют Средний Восток, то перед вами вырисуются две основные группы — одна тюркская, другая иранская, и тогда вас не смутит, что в некоторых районах вы найдете горсть неожиданных гостей — потомков монголов или евреев. Они попали сюда, очевидно, из какого-то другого гнезда, и их здесь ничтожное количество. А общий этнографический фон ясен. Средний Восток есть вмесртилище двух народностей — иранской и тюркской, первой, лежащей на дне, и второй, наслоенной наверху, и они выявляют его как определенную этнографическую единицу.

Еще третье основание имеет под собою наш вопрос — религиозное. Если вам придется когда-нибудь заняться вопросом о том, какими путями возвращается религия, то перед вами вскроется интересное явление: религия развивается часто не там, где ее начали проповедовать, и не там она пускает свои глубокие корни, где она была основана. Она блуждает по земле, часто долго ищет приюта и закрепляется, наконец, совсем в другом месте, чем это можно было бы ожидать. Это одна из географических загадок, наиболее глубоких. Я всегда считал, что религиозный фактор является одним из наиболее серьезных, более серьезным для выяснения стран и народов, чем фактор, например, языка. Вы увидите, что в некоторых странах, на одном и том же пространстве и часто незначительном, проживающие там народы, очень сходные между собой, говорят на 2–3 языках; с другой стороны, есть страны, где молодежь говорит на одном языке, а шамкающие старики на другом; и в этом случае на наших глазах проходит интереснейший процесс вымирания одного языка и замена его другим. Религия же есть фактор более крепкий, устойчивый и всегда объединяющий большие группы народностей. Если вы

посмотрите на Средний Восток с этой точки зрения, то увидите, что здесь главной религией является магометанство. Правда, для специалиста с этим понятием связана пестрая картина, большое многообразие толков — в одном, например, шиизме несколько разновидностей, но не будет греха сказать, что народная масса Среднего Востока исповедует ислам. Прослойки других верований — еврейство, христианство, буддизм здесь ничтожны. Ислам царит и накладывает определенную краску на весь Средний Восток. Вы можете определенно сказать, что Средний Восток это — сумма стран, подвластных велению Пророка.

Политическое содержание понятия

Таким образом, вот пока те данные, которые помогут понять, почему создано название Среднего Востока. Но есть еще одна сторона дела, которая эту мысль выявляет выпукло и которая доказывает еще более убедительно, что Средний Восток не есть какая-нибудь выдумка, какое-либо вымученное понятие, но что с этим понятием соединяется совершенно определенный географический и этнографический объем. Это новое доказательство, новая сторона дела — политическая. Обрисовалась эта политическая сторона достаточно ясно в 70-х годах прошлого столетия, но намечалась гораздо раньше. На континенте Европы впервые Мирабо [В 1786 г. “*Histoire secrete de la Cour de Berlin*”. *Ouvrage posthume, tome premier, lettre XXIX.*] и Наполеон указали, — один теоретически, другой практически, — на тот смысл и значение, которые для мира имеет Индия, главным образом, ее естественные богатства, а затем и то ее огромное количество народа, который может явиться объектом для эксплуатации. Но, пока русские не продвигались в Среднюю Азию, пока они стояли еще где-то далеко, эта мысль недостаточно объективно выявлялась даже для широких кругов Англии. Мы видим это, например, из такого факта: когда Наполеон завязывал сношения с Персией, англичане только тогда со своей стороны послали в Афганистан миссию Эльфинстона, ту миссию, заметим к слову, которая много порадела для изучения Афганистана и заинтересовала этой страной специалистов.

Но для всего мира эти далекие страны Среднего Востока стали более ясными только с шестидесятых годов прошлого столетия, когда Россия начинает продвигаться в Среднюю Азию, занимает Хиву, Ташкент, Коканд, позднее Памир и создает тем картину планомерного приближения к Индии. Тогда началась тревога. Эти завоевания, выясненные на пути их политические и другие препоны, а также последующие изучения стран, объяснили нам — русским, а затем и всему миру все значение тех областей, которые здесь заключаются, и выяснили вместе с тем центр их общей ценности; и тогда мы в первый раз поняли, сначала специалисты, а затем и общественные круги, что политическая ценность и весь политический смысл завоеванных территорий заключается не столь в их непосредственных богатствах, сколько, главным образом, обуславливаются тем обстоятельством, что они являются общей территорией подступов к исключительному источнику богатств, — к Индии, что они соседят с нею. Как только это стало ясно, то появилась и новая иллюстрация того, что нужно разуместь под Средним Востоком. С политической точки зрения нужно разуместь под ним, во-первых, Индию, во-вторых, кольцо тех государств, маленьких, несильных, небогатых, которые окружают Индию (это будут Белуджистан, Афганистан, налегающий над Индией в виде четырехугольника, Памир, Кашгария и затем Тибет); наконец, в-третьих, нужно еще включить лежащий к северу русский Туркестан, который в отношении возможности наступления или угрозы Индии рассматривается англичанами, как база.

Таким образом, многогранная и необъятная ценность Индии вызывает жадное желание англичан удержать ее в своей власти и обезвредить все подступы к ней, а со стороны России вызывает естественное тяготение к странам, окружающим Индию не для того,

чтобы овладеть ими, проку в них мало, а чтобы иметь возможность влиять на Индию, или, будет возможно, захватить ее. Англия и Россия столкнулись в Средней Азии, и их полуторастолетнее соперничество является главным узлом всей проблемы Среднего Востока.

Повторю, чтобы быть более ясным, с политической точки зрения под территорией Среднего Востока разумеют ту большую территорию, в которую входит сама Индия, как объект для ее обладания, удержания или достижения, группа тех стран, которые окружают ее со всех сторон и которые известны в литературе под специальным названием государств-буферов, или государств-гласисов, и, наконец, огромный русский Туркестан, который рассматривается, как база подготовительных операций к овладению Индией. В своем труде, который знаком некоторым из вас, “Индия, как главный фактор в среднеазиатском вопросе”, я выявил в этом отношении с достаточной ясностью свою точку зрения, и кто из вас найдет время прочесть этот труд, увидит, с одной стороны, поскольку мы, русские, стремились двигаться к Индии, — не говоря об успешности или неуспешности этих предприятий, с другой — вы увидите, кто и как этому противодействовал; затем одна глава этого труда посвящена выяснению значения Индии для англичан с точки зрения экономической, а одна из глав говорит о господстве англичан над черными, народа-господина над народом поработленным.

Таким образом, кроме тех причин, которые я привел раньше, чтобы выявить территорию Среднего Востока, я привожу еще четвертую — политическую. По указанным причинам и смыслам в настоящее время Средний Восток и толкуется, как определенное политико-географическое понятие. Главной данной является, конечно, политическая. Эта сторона дела выявлена в бесконечном множестве сочинений. Когда мы перевезем всю библиотеку Генерального Штаба из Петрограда, вы в ней, вероятно, найдете массу политических сочинений на эту тему, особенно английских, которые трактуют этот вопрос со всех точек зрения. Правда, вы натолкнетесь на то, что в этих сочинениях будет много пережевывания, повторения, нервозности, пристрастия и национальной узости, но много и серьезного, и глубокого. Все это показывает только, насколько Индия важна и для Англии, и для всего мира, и насколько правильна та точка зрения, которая ее и окружающие ее страны объединяют под одним общим термином, притом с Индией, как центром всего вопроса.

План лекций

Итак, я буду считать, что вопрос о Среднем Востоке достаточно перед вами выяснен, почему и перейду теперь к его рассмотрению. Но раньше я должен остановиться на том, какого плана я буду держаться при прохождении курса военной географии Среднего Востока. Перед вами, как я сказал, несколько стран: Индия, восточная Персия, Афганистан, Белуджистан, Памир, Кашгария, Тибет и русский Туркестан. Естественно, что вы почувствуете себя сбитыми с толку: какого же плана держаться, с какой страны начать, в каком масштабе вести беседу? Чтобы в этой сумме стран не разбросаться, необходимо установить какую-нибудь отправную точку, которая будет лежать в основе построения моего курса. Я буду исходить из военно-политических соображений, на основании которых я говорю, что на территории Среднего Востока главным объектом является Индия. К ней прилегают страны, которые называются буферами, т. е. теми территориями, которые включают в себе непосредственные подступы к Индии, а далее к северу лежит та страна, которая является источником ресурсов, необходимых для проведения военных операций по отношению к Индии в исполнение.

Я разумею, конечно, только возможность или вероятность войны с Индией. Оговариваюсь потому, что слышу в Англии за человека, который проповедует наступление на Индию во что бы то ни стало, почему в постановке этого вопроса я должен быть совершенно ясным. При построении нашего курса, так или иначе, нужно держаться какого-нибудь плана, иначе изложить столь сложную тему не представляется возможным, без основного стержня обойтись нельзя; я буду строить мой курс на предположительном наступлении на Индию, как основной идее, а в ней, конечно, ничего нет невероятного.

Но, углубляясь в этот план, мы можем натолкнуться в военно-оперативном отношении на два вопроса: в наших ли интересах, т. е. в интересах ли республики атаковать Индию, или больше интереса и смысла англичанам атаковать наш Туркестан? Я утверждаю, что вторая возможность совершенно исключается, так как англичане не могут задаться слишком отдаленной для них целью овладения Туркестаном, во-первых, потому, что это для них недостижимо, а во-вторых, потому, что в Индии у них самих по горло дела; отсюда я делаю вывод, что не имеет и смысла изучать Средний Восток под углом зрения, что англичане могут двинуться на Туркестан, т. е. под углом обороны нами Туркестана от англичан. Остается рассмотрение этих стран под углом возможности осуществления огромной операции, направленной на Индию. На основании этого я и буду рассматривать страны Среднего Востока в перспективе возможности, хотя бы и очень далекой, больших военных операций на Индию.

Исходя из этого предположения, я остановлюсь на Индии, как конечном объекте этих операций, на прилегающих к ней странах, как на районах подступов к Индии и, наконец, на Туркестане, как на базе для выполнения операции. Если я остановлюсь на таком приеме, то вы увидите, как мое изложение получит известную связность и последовательность; устанавливается определенная система изложения и сложная тема достаточно упрощается.

Теперь является вопрос: в виду сложности темы, с чего мы начнем? Я думаю, что нам удобнее будет начать с тех стран, которые включают в себе подступы к Индии, и вот по каким соображениям: сама Индия, во-первых, слишком далека и будет лишь последним этапом в завоевательных предприятиях; во-вторых, перешагнуть через прилегающие к ней страны, прежде чем попадем в Индию, мы не можем. Вот одна совершенно реальная причина, которая заставляет меня уклониться пока от разговора об Индии и начать с одного из буферов. Что касается Туркестана, то он в нашей власти; его мы знаем достаточно; там имеются наши организации, штабы, войсковые части, недавно туда поехали представители туркестанского университета; наконец, мы не боимся, что там начнутся военные операции. Значит, можно повременить и с Туркестаном. Итак, среди всех объектов Индия оказывается слишком далекой, Туркестан достаточно нам знаком, почему мы в праве начать с одного из буферов.

Я начну с Афганистана, который сейчас вызывает к себе наибольшее внимание, после него перейду к Памиру, расскажу об особенностях этой небольшой страны, затем вкратце скажу о Кашгарии, потом о Тибете, который представляет немножко больше интереса, и закончу цикл рассказом о восточной Персии. На этом я буду считать свой первый отдел курса оконченным. Затем я перейду к главному объекту содержания нашего курса — к Индии, но замечу, что здесь я поневоле должен буду сузить свое изложение, потому что Индия, как объект исследования, необъятна, и я буду в силах дать только конспект этого изучения, но во всяком случае все, что нужно, я постараюсь вам изложить. Моя мысль сведется к тому, чтобы не завести вас в дебри Декана, не поехать с вами на остров Цейлон, который для нас не интересен, а, главным образом, чтобы обратить ваше внимание на Индо-Гангскую долину и на северо-западную и северную границы Индии, —

границы нас должны интересовать, как последние барьеры перед Индией, а чудесная и необычайно богатая долина интересна, как необъятная сокровищница богатств и как постоянный объект многократных завоеваний. Индия составит второй отдел курса. Покончив с Индией, я, наконец, перейду к Туркестану.
Порядок изложения

При чтении лекций я буду держаться такого порядка: приступая к описанию какой-нибудь страны, я постараюсь указать сначала на источники по изучению этой страны, выбирая из литературы самое существенное, в кратких словах буду характеризовать эти источники, а затем уже перейду к военно-географическому описанию страны, держась для каждой из них соответствующего масштаба.

Глава первая

Афганистан. Степень достоверности наших знаний о Востоке. — Литература по Афганистану. — Географическое положение Афганистана. — Границы Афганистана. — Граница Афганистана с Россией. — Граница Афганистана с Индией.

Афганистан. Степень достоверности наших знаний о Востоке

Перехожу, наконец, к Афганистану. Должен прежде всего сделать то общее замечание, что сведения об Афганистане, как вообще об азиатских и, в частности, о мусульманских странах, не дают точных данных или точного географического материала ни об устройстве поверхности, ни о климатических условиях, ни о народе и т. д. Мы должны заранее сказать, что, изучая азиатские страны, вы будете иметь вообще иной материал, чем изучая европейские страны. И на это есть много причин. Вся литература, на которую я вам укажу, когда вы найдете время ее проштудировать, страдает всяческими неточностями. Возьмем, например, книгу капитана Иета о северном Афганистане [Iate, Northern Afghanistan, 1888 г.]. Я совершенно разочаровался, когда ее прочел. Это болтовня англичанина, совершающего переходы по известному маршруту и записывающего все виденное и слышанное. В ней вы не получите определенных сведений ни о народе, ни о характере страны, ни о путях сообщения. В его дневнике имеется указание о тех дорогах, по которым он следовал, и бесконечное множество всяких роскозней и политики. Есть книга “Афганистан” Гамильтона [Afghanistan, by Agnus Hamilton]; это есть ряд картин с политической и этнографической точек зрения, но нет отчетливой научно-обоснованной канвы ни о нравах, ни об обычаях страны, ни о происхождении народов; автор много списывал и много компилировал, но лично ничего не видел и не пережил.

Поэтому я должен вас предупредить, что о странах Азии вы не можете найти в литературе точных и определенных сведений. Почему? Возьмите какую-нибудь азиатскую страну. Здесь нет печати, нет больших городов, курортов, ярмарок, исключая разве небольших базаров с небольшим районом влияния, нет таких источников или центров, где можно было бы достать литературу или хотя бы услышать об этой стране, изучить народ, его нравы, обычаи и т. д. Если вы посмотрите, как селятся здесь люди, то увидите, что они приурочены к известному району, к бассейну реки или к пастбищным районам, но редко живут в городах или большими селениями. Связь между ними есть, но связь маленькая. Возьмем, например, Гиндукуш: люди здесь пристегнуты к разным долинам, между которыми часто нет никакой связи. Из этого вы видите, что в азиатской стране нет общей культуры, экономической связи, нет центров осведомления.

Затем, это люди, говорящие на различных диалектах и наречиях, живущие различными укладами. Если они обитают в долинах или на высоких горах, то возделывают злаки, если

живут в горах или степных районах, то занимаются скотоводством. Разнородность занятий и различие языков ведут к слабости связи и разъединенности народных групп. Изучая одну группу, вы не знакомитесь с другой группой. Каждую группу нужно изучить отдельно.

Далее. Имеются ли какие-нибудь письменные источники, по которым можно изучать ту или другую современную страну Востока? Нет, таких почти нет. Европейские путешественники — англичане или русские, — посещая страну, должны двигаться по определенному маршруту, сопровождаемые конвоем, и ночуют в определенных пунктах, по политическим соображениям мало соприкасаются с местным населением, а если с таковым и встречаются, то это будут или подсланные люди, или слишком мало интеллигентные и с общими вопросами об их стране совершенно незнакомые. Вы можете иногда сманить туземца для исследований или осведомления, но туземец желает прежде всего заработать деньги, и, удовлетворяя ваше любопытство, он на все ваши вопросы наврет три короба, а при отсутствии знаний начнет фантазировать. Словом, местное население не может помочь вам разобраться.

Наконец, есть причины чисто религиозные или национальные. В азиатских странах, странах ислама, по преимуществу, вы имеете дело с постановлениями религиозными, которые не позволят вам близко подойти к изучению того, как живут туземцы. Когда вы подходите к изучению быта народов, вы должны начать с изучения семьи, ее уклада, ее структуры, со взаимоотношений между членами семьи, даже с постройки жилья; по характеру расположения окон, устройству печей иногда ярче определяется быт данного народа, чем по другим признакам. Вообще, этого масштаба вы не минуете, когда будете проводить изучение строго научно. Но в этом отношении вы в Азии встречаетесь с большими затруднениями, если вы находитесь в стране ислама. Потомки Магомета блюдут строго его предписание, чтобы женщина ходила с закрытым лицом, чтобы она не разговаривала с чужими мужчинами. Вот почему во время путешествия вы часто станете в тупик и не можете получить объяснений того или другого явления только потому, что лишены возможности получить объяснение именно от женщины. Женская половина населения по духу ислама вам помочь не может, хотя часто и является лучшей носительницей домашних преданий и особенностей, которые могут быть интересны для изучающего страну, хранительницей более чистого языка, лучшим источником народных сказаний. В то время, как мужчины начинают скорее забывать язык страны, ее обычаи, женщина, как более консервативный элемент, долго еще помнит старый язык, нравы, предания. И этот лучший авторитет вы не можете спросить ни о быте, ни о семье, ни о прошлом страны, — считается неприличным для нее говорить с мужчиной. Нужно быть или магометанином, или родственником, чтобы иметь право входить в семью и разговаривать с женщиной. Отсюда понятно, что вы, лишенные помощи такого авторитета, как женщина, если и видите многое, то далеко не на все можете получить разъяснение, и многое, в конце концов, остается для вас в мусульманской стране покрытым мраком неизвестности.

Поэтому все, что я буду вам дальше говорить об истории страны, о топографии местности, о климатических условиях, о состоянии торговли, о заводах и фабриках, о месторождениях драгоценных металлов, руды, — все это будет недостаточно точно, все это базируется на тех источниках, которые недостаточно определены и достоверны.

Литература по Афганистану

Теперь я перейду к вопросу о том, какие книги заслуживают внимания, если кто-нибудь из вас особенно заинтересуется узнать об Афганистане больше, чем я скажу это на лекциях; какие книги нужно будет ему прочесть? В этом отношении я должен сказать, что

главная литература об Афганистане почти вся перенесена нам из английской литературы. Все, что имеется на немецком и на французском языках относительно Афганистана, все это является перепевами с английской литературы, которая достаточно обильна. В последней же я укажу только то, что заслуживает внимания и что не включает в себе слишком много несуразностей. Укажу следующие книги: *The Life of Abdur Rahman Amir of Afghanistan* и *Laws and Constitution of Afghanistan*, написанные Султаном Магомет-ханом, секретарем Абдуррахмана. Наиболее свежая книга по Афганистану: *Afghanistan*, by Agnus Hamilton; имеется русский перевод, издание Березовского. Нужно сказать, что Гамильтон был молодым корреспондентом, когда ему, очень бывалому и хорошо пишущему корреспонденту, Лондонское Королевское Географическое Общество дало поручение объехать Средний Восток. Он проехал через Туркестан — я его видел в Оше — и ему удалось попутно кое-что видеть. Относительно Афганистана он очень искусно использовал многое, что имелось в англо-индийской литературе, сумел найти источники наиболее подходящие и написал эту книгу. В ней собрано все, что английская литература могла дать интересного по этому вопросу, но сам Гамильтон мало что видел, потому что слишком быстро проскочил через Туркестан в Индию, да и в ней был мало. В книге нет ничего солидного и глубокого. Все, что говорится, например, о нашем Туркестане, мало интересно и полно ошибок, а что касается Афганистана, тут сведения более серьезные. Эта книга может служить достаточно хорошим источником при изучении Афганистана. Но этот труд, как и все английские по этому вопросу, слишком тенденциозен; например, тон о русских недопустимо лжив, об англичанах — сплошное расточение похвал.

Затем я делаю прыжок к прошлому и назову книгу *Elphinstone, Account of the Kingdom of Cabul*, изданную в 1815 году [Имеется “new and revised edition” (London, 1839).].

Вы спросите, к чему такая старая книга? Дело в том, что восточные страны живут глубоко консервативным укладом, особенно заметных перемен ждать не приходится. Люди, входившие вместе с Эльфинстоном в состав экспедиции, были люди даровитые, как, например, Macartney, Irvine, Strachey, занялись страной серьезно, изучали языки, этнографию, архитектуру Афганистана и создали очень удачное и обстоятельное сочинение. С этнографической точки зрения, с точки зрения географической, быта, с точки зрения характеристики народов, этот труд, хотя и старый, но не потерял своей ценности и поныне.

Для общих справок об этнографии Афганистана, я рекомендую Белью (Bellew). У него несколько трудов. Более интересны *The Races of Afghanistan*, 1880 [На русском языке имеется перевод или скорее переделка. Л. Игнатьев, Краткий очерк племен, населяющих Афганистан.] и *An Inquiry into the Ethnographic of Afghanistan*. Я должен все-таки сказать, что хотя Белью и достаточно серьезен, но не располагал очевидно достаточным материалом, и его книги похожи скорее на сборник газетных статей.

Для знакомства с этой страной с той же этнографической точки зрения на русском языке мы имеем сочинения Аристова “Англо-Индийский Кавказ” (1900) и “Об Афганистане и его населении” (1898). Труды Н. Аристова глубоко интересны, так как в них исчерпана до краев вся нужная литература и не упущена из виду ни одна мелочь, но они относятся более к области антропологии и являют собою крупные, но чисто теоретические обобщения. Практической ценности для нас эти труды, к сожалению, почти не имеют, разве только отдаленную.

Затем, вас должны интересовать афганские войны. По этому вопросу имеются сочинения: Kaye, *History of War in Afghanistan*. 1878; Hensman, *The Afghan War of 1879–80*. London, 1881; Forbes, *The Afghan Wars 1839–42 and 1878–80*, London, 1892. Все эти работы, за

исключением разве труда Кауе, производят впечатление сборников сырого материала, с ненужными подробностями, с большим иногда политическим придатком, словно они все написаны гражданскими людьми — что в известной мере и правильно; в трудах нет ни военно-технического анализа, ни вообще определенного военного критерия, но подробностей такая масса, что нужные выводы сделать есть из чего. Затем, если хотите познакомиться с историей Афганистана, могу указать на Malleson's History of Afghanistan. Очень объемистая, но несерьезная книжка, более занятая историей правящих, чем историей народа, но она может все же служить руководством.

Затем, я говорил, что есть много политических трудов, которые рисуют взаимоотношения англичан и России к Афганистану. Таких сочинений бесконечное множество.

Укажу на наиболее солидные работы и в свое время производившие большое впечатление:

- 1) Russo-Indian Question. By F. Trench. 1869.
- 2) England and Russia in the East. By H. Rawlinson. 1875.
- 3) Russian Turkestan etc. By E. Schuyler. 2 тома 1876.
- 4) Invasions of India from Central Asia. Anonymous. 1879.
- 5) Russian Campaigns against the Akhal Tekke Turkomans. By Charles Marvin. 1880.
- 6) Russia in Central Asia (перевод) By Hugo Stumm. 1885.
- 7) Coming Struggle for India. By A. Vambery. 1885.
- 8) Russian Central Asia. By H. Landsell. 2 т. 1885.
- 9) Russia in Central Asia. By G. Curson. 1889.
- 10) Rival Powers (перевод). By S. Popowski. 1893.
- 11) Asiatic Neighbours, By Thorburn. 1894.
- 12) Russia in Asia. By Alexis Krausee. 1899.
- 13) The Heart of Asia. By F. H. Skrine and Ed. Den. Ross. 1899.
- 14) The Middle Eastern Question. By Val. Chirol.

Не имея времени для обстоятельной характеристики этих книг, ограничусь лишь несколькими ориентирующими мыслями. Из приведенных книг наиболее страстными и русофобскими являются отмеченные №№ 2, 7, 9, 12, наиболее же умеренными, а также и более правдивыми книги за №№ 10, 11 и 13. Книга Торнборна интересна еще и тем, что она не упускает из виду, трактуя Средне-Азиатский вопрос, связывать его существо и различные его фазы с вопросом об Индии и с ее политикой, что глубоко правильно, и делает трактовку темы более обстоятельной и углубленной. В труде Скрайна и Росса, благодаря участию второго — профессора персидского языка, — мы находим хорошо раздвинутую и освещенную историческую перспективу, чего не хватает многим из

приведенных сочинений. Книга Керзона, кроме ее пикантного содержания, еще интересна приложенным к ней обстоятельным библиографическим указателем.

Как я сказал, я привел лишь перечень более видных трудов. Есть целая серия небольших работ, вроде Malleson'a *The Russo-Afghan Question*; Jerningham'a, *Russia's Warnings*; Colonel Hanna, *Can Russia invade India*; Noyce, *England, India, and Afghanistan* и т. д., которые в свое время отвечали политическому моменту, но не имели длительного значения. Есть, наконец, немало интересных статей, рассеянных по английским ежемесячникам, статей, мимо которых трудно пройти специалисту, но которых нельзя и перечислить в нашем очерке.

О Северном Афганистане могу рекомендовать Iate, *Northern Afghanistan 1888*, о которой я уже говорил. Затем, кто интересуется афганским языком, я могу указать на работы Dorns'a, Lich'a, Raverti, Trumpp'a и Darmstater'a. Трудami этих ученых разработана грамматика афганского языка, его состав, его принадлежность к семье иранских языков. Это уже область теоретического ведения, и сказанного мною для нас достаточно.

Вот труды, которые я могу рекомендовать прочесть на английском языке. Они заслуживают внимания.

На русском языке я могу указать Гамильтона, тем более, как мне сейчас сказали, он имеется в русском переводе. Затем "Автобиографию Абдурахмана", которая написана на персидском языке и имеется в английском переводе, и в переводе Грулева на русском с 1910 года. Сочинение написано Магомет-ханом, секретарем эмира. Это труд интересный. Но тут нужно подчеркнуть две стороны: прежде всего, большое вранье и самохвальство азиата, проникающее все сочинение, за которыми трудно уловить правду, а затем тот английский колорит, который так часто встречается в английских трудах, и который вольно или невольно перенял и Абдурахман. Затем, нельзя пройти мимо старого труда Григорьева, — Кабулистан и Кафиристан [Перевод соответственного тома Риттера (Землеведение), но значительно исправленного и дополненного классическими примечаниями. Заслуживает также внимания Э. Реклю — Земля и Люди. Том 9.]. Вы имеете перед собой в лице автора очень начитанного секретаря Русского Географического Общества, который сумел исчерпать все материалы по Афганистану, начиная с древнейших времен. Теперь многое в книге почти смешно читать, но многое и ныне не утратило своего интереса. Что касается в этой книге непосредственно Кафиристана, то эту часть лучше совсем отбросить. С Кафиристаном лучше всего познакомиться по книге Робертсона *The Kafirs of the Hind-Kush*; в русском языке имеется перевод, сделанный мною и А. А. Половцовым. Для знакомства с афганскими войнами под русским освещением рекомендую прочесть Соболева "Англо-Авганская распря", I–IV тома, 1882.

Для выяснения экономических вопросов, связанных со Средним Востоком и, в частности, с Афганистаном, нельзя миновать книги М. П. Федорова "Соперничество торговых интересов на Востоке". Очень полезна для краткого ознакомления со страной книжка П. А. Риттиха "Авганский вопрос" (1905), изданная на правах рукописи. В ней имеется недурно подобранный перечень источников по Афганистану. Кто желает иметь исчерпывающую картину таких источников, найдет ее в "Библиографии Авганистана", изданной под моей редакцией Обществом Востоковедения в Петрограде. Много бытовых картин и особенностей, касающихся двора и власть имущих, отчасти и народа можно найти в книге наблюдательного Яворского, бывшего врачом при миссии генерала Столетова ко двору эмира Шир-Али-Хана "Путешествие русского посольства по Авганистану в 1878–1879 гг."

Укажу еще, наконец, на труд капитана В. Орановского “Авганистан” (Асхабад, 1895), составленный на основании как данных общедоступного материала, так и на основании секретных материалов. Эта небольшая работа теперь устарела.

Те, которые захотят углубиться в изучение Афганистана, должны будут, конечно, не довольствоваться предложенным кратким перечнем материалов, а значительно его расширить. Им нельзя будет пройти также мимо периодических изданий вроде “Сборника материалов по Азии”, который издавался Главным Штабом, “Сведений, касающихся стран, сопредельных с Туркестанским военным Округом”, издаваемых штабом этого округа, вплоть до газет, вроде бывших “Туркестанских Ведомостей”, “Закаспийского Обозрения” или индийской Аллахабадской “The Pioneer”, лагорской “Times of India”, лагорской же “Civil and Military Service Gazette” и др.

Много интересного, особенно с политической точки зрения, можно найти на страницах английских газет, вроде: “The Times”, “Morning Post”, “Standard” и др.

Географическое положение Афганистана

Теперь я перехожу к описанию самого Афганистана. Прежде всего в военных очерках, обычно, определяется географическое положение страны, т. е. положение ее относительно географической сетки. В этом отношении мы располагаем, во-первых, данными английского происхождения (Statesman’s Yearbook за 1910 г.), по которым Афганистан лежит между 61° и 72° восточной долготы, с узким отрезком, протягивающимся до 75° (Вахан) и затем от 29° до $38^{\circ}20'$ северной широты [Насколько неустойчивы эти цифры, видно из того, что в том же сборнике за 1904 г. фигурируют цифры предельных долгот $60^{\circ}30'$ и $74^{\circ}30'$, а предельных широт — 30° и $38^{\circ}20'$. Площадь Афганистана в сборнике 1904 г. показана равной 215 тысяч кв. миль.]. Я должен оговориться, что здесь на лекциях я не буду утомлять вас ни цифрами, ни подробностями, которые все равно исчезают из памяти, но в своих же лекциях, которые я потом издам, я буду в приложениях делать ссылки на различные источники, давать исчерпывающий материал, приводить цифровые данные и развивать более детально некоторые стороны моего изложения.

По тем же английским источникам площадь Афганистана вмещает в себе 250 тысяч кв. миль. Если мы обратимся к русским источникам (например, словарь Брокгауза и Ефрона, т. I), то увидим, что наши данные несколько расходятся с английскими: по долготе те же градусы и только разница в минутах, а по широте расхождение значительно. По русским источникам северная граница простирается до $37^{\circ}15'$, т. е. цифра несколько меньше английской, а южная только 28° , т. е. на 1° меньше английской. Нужно сказать, что все эти цифры взяты из разных источников, часто еще не согласованных между собою, а некоторые просто взяты из данных путешественников, данных часто гадательных. Все же можно поставить вопрос: чем вызвана такая разница? Она вызвана расхождением углов зрения, обычным в практике по отношению к странам восточным. Одна европейская страна гнет в одну сторону, а другая в другую, смотря по тому, как та и другая находит нужным делать это по политическим соображениям.

Если мы теперь посмотрим на эту площадь в 250 тысяч кв. миль, то увидим, что она представляет собою нескладную фигуру, приближающуюся к четырехугольнику. По размерам Афганистан будет несколько меньше Венгрии и в 8 раз больше Бельгии. Если вы интересуетесь по отношению к Афганистану более подробными географическими обобщениями, вытекающими из его географического положения и других данных, то упомяну, что Афганистан представляет собой переходную ступень от Индии к собственно

Ирану. Что это значит, об этом вы найдете немало интересных страниц в труде Григорьева — “Кабулистан и Кафиристан”.

Границы Афганистана

Следующая тема, которая нас может интересовать, это тема о границах Афганистана. Даже при беглом взгляде на границы Афганистана вам должно броситься в глаза следующее обстоятельство: западная граница с Персией проведена почти прямой линией и только на юге линия эта имеет изломы. Также элементарно проста граница Афганистана с Белуджистаном. Совершенно иная картина получается при взгляде на границы Афганистана с Россией и Индией. Линия крайне изломана, меняет ход в зависимости от рек, хребтов и перевалов. Но тут чувствуются не затруднения с природой, а скорее какая-то политическая борьба. Вы знаете, что границы в военно-географическом отношении имеют большое значение. Это — линия, по которой передовые отряды армий государств соприкасаются и в мирное время. Здесь тот или другой народ располагает источники разведок, авангарды политической борьбы, таможенный надзор и т. д. Это та линия, с которой сочетается группировка крепостей и в связи с которой проектируется будущее стратегическое развертывание армий. Наконец, с границей связана видимо мелкая, но часто важная бытовая грань. Нередко у границы уживается сложная сумма политических принуждений, старых недорешенных споров, плохо поделенных благ, осадков лишь временно потушенной вражды. Особенно часто это встречается в азиатских странах, где граница проводится нередко соглашением двух европейских стран, слишком крупных и слишком увлеченных своей империалистической политикой, чтобы искренно и вдумчиво войти в суть приграничных нужд и недоразумений маленьких и темных народных групп Азии. Укажу на один пример.

Между Афганистаном и Бухарой в районе западного Памира граница протекает по реке Пянджу, которая в длинные столетия истории Средней Азии никогда границей не служила. И вот, в 1895 году по предложению Англии эта речка была объявлена границей. С одной стороны залегли афганские или по существу английские владения, а с другой бухарские или по существу русские владения. Поскольку эта преграда была крепка в прошлом, можно судить по таким случаям. Часто бывало, что какой-нибудь таджик, как называются местные горцы, по топографическим условиям имел свою избушку, скажем, на левой стороне Пянджа, а на правой стороне реки у него был небольшой кусочек принадлежащей ему земли; так жили его предки целые столетия, пока не появились на сцену две европейских страны и не сказали, что правая сторона Пянджа доступна только для русских подданных или лиц, которые находятся под русским влиянием, а левая — афганским подданным или лицам, находящимся под влиянием Англии, и что переходить эту речку нельзя ни в коем случае. И вот, человеку, являющемуся собственником земли, оказавшейся на противоположном берегу, приходится прибегать для возделывания своей почти всегда крошечной нивы к такому способу: ночью, вброд или вплавь, он пускается через речку, вспахивает свой клочок земли и к рассвету, как вор, возвращается назад. Он ждет поры, когда созреет нива, тогда опять украдкой он переплывет речку, если случится большая вода, или же переходит ее вброд; жнет хлеб и снова, как вор, возвращается к себе на другую сторону.

Конечно, при подобном положении дела в Азии часто возникают столкновения, имеет место провокация, всегда найдутся люди, которых не устраивает такая граница, появляются споры из-за земли, начинаются распри.

Недалеко от Аму-Дарьи, у кишлака Босага, в свое время происходили непрерывные приграничные споры, кончавшиеся драками и побоями. Внимательное исследование на

месте показало, что первоисточником недоразумений являлась неправильно поделенная поливная вода. Комиссия из представителей афганских и бухарских властей, под надзором нашего офицера Генерального Штаба, выяснила вопрос серьезно, произвела передел воды, и люди зажили мирно.

Граница Афганистана с Россией

Изложенное выше и приведенные примеры показывают, что с военно-географической точки зрения границы имеют важное значение, а особенно в Азии, и мы должны на них обратить серьезное внимание. Рассмотрим сначала границу Афганистана с Россией. Вы видите, что она начинается с какого-то пункта, где сходятся Персия, Россия и Афганистан. Это Зюльфагарский проход, интересный исторически и живописный коридор гор, сжимающий ложе реки. От этого прохода граница идет к востоку по невысоким горам, увалам, степным нагорьям и незадолго перед Аму-Дарьей по пустыне; граница идет дальше по Аму-Дарье. Участок границы до этой реки заключает в себе 615 верст. Из этих 615 верст наиболее интересными для нас являются первые 250. Здесь к границе жмутся далекие отроги западного Сефид-Куха, но они здесь невысоки и всюду проходимы; перевалы через них почти незаметны. Некоторые приграничные районы представляют из себя степные пространства, но отличающиеся по сравнению с европейскими коротким периодом травяного покрова. Несколько серьезно стоит здесь вопрос с водой, но если вы взгляните внимательно в карту, то вы увидите на ней ряд имен с приставками “К” или “род.”; это источники воды, серьезные точки для этих маловодных пространств.

Таких точек здесь много, и они довольно часты, чтобы с успехом миновать эту полосу даже со значительным отрядом, не говоря про малые экспедиции. Далее на пути, южнее границы, станет западный Сефид-Кух (Паропамиз), но он не особенно труднодоступен и имеет несколько перевалов, открытых круглый год для всякого движения. Перевалив же эти горы, вы уже спуститесь в богатую Гератскую долину.

Вы видите из этого, что рассматриваемый 250-верстный участок границы является доступными и удобными воротами в долину Герируда, а оттуда и преддверием так называемого Кандагарского операционного направления. Упомяну сейчас вкратце, что в науке существуют три операционных направления на Индию, — Кандагарское, Кабульское и Памирское, на которых я позднее остановлюсь специально. В первое из них, имеющее очень крупное значение, и ведет прилегающий к Кушке участок границы. Из всех трех это направление самое длинное, но и самое удобное, так как не имеет на пути преград и доступно даже колесу.

Дальше, на пространстве 400 верст, граница идет в северо-восточном направлении и упирается в Аму-Дарью. Здесь колодезей все меньше и меньше, и продвижение по этим пространствам уже много труднее, а в участке незадолго перед Аму-Дарьей и совсем трудно. При ближайшем ознакомлении с этой приграничной полосой вы увидите, что здесь немало людей мучилось и даже погибало, не находя по пути колодцев. Но этого мало. Если бы отряду в этой полосе и удалось преодолеть границу и двинуться далее на юг, то на пути лежал бы хребет Бенд-и-Туркестан, а еще южнее малоисследованная, — что вы и видите по белым пятнам на карте, — и труднодоступная часть Сефид-Куха и его отрогов. Словом, разбираемая полоса в 400 верст малоинтересна.

Упомяну, на основании каких государственных актов была проведена наша здесь граница. У нас с Афганистаном было три разграничительных соглашения; первое в 1873 г. 19 (31) января, второе в 1887 г. в июле и третье в 1895 г. в марте месяце. По первому соглашению Аму-Дарья была объявлена северной границей Афганистана. Второе соглашение касалось

северо-западной границы Афганистана до Аму-Дарьи, главным образом, оазиса Пендэ, из-за которого весь сыр-бор и загорелся. Третье соглашение касалось того участка границы, который примыкает к Памиру.

Приблизительно от кишлака Босага граница России и Афганистана идет по р. Аму-Дарье. Аму-Дарья, как огромная и историческая преграда, как преграда первоклассная, является серьезной и неоспоримой границей, хотя история Средней Азии указывает на много случаев ее форсирования большими и малыми отрядами. Через нее проходили Александр Македонский, Чингиз, Бабур, в верхней части Аму-Дарьи когда-то ее переходил Абдуррахман, уходя из негостеприимных для него пределов России на престол Афганистана. Чтобы вы живее представили себе, что такое эта река, даже в тех местах, где через нее есть переправы вброд, я передам мое личное впечатление при исследовании летом 1904 г. так называемых Чубекских переправ, ведущих из Восточной Бухары в Бадахшан.

Предо мною была бурлящая, как в кипящем котле, грязно-желтая масса воды около 1½ верст шириною; шум от воды стоял невероятный. Это была река гигант, капризная и своенравная, при долгом взгляде на нее вызывающая головокружение и исключая всякую мысль, что человек может дерзнуть идти чрез нее вброд. Но когда мне рассказали, в чем техническая особенность переправы через такую реку, то я понял, что и здесь можно переправиться. Здесь, во-первых, идут не прямо поперек, а вкось, зигзагами, от мели до мели (этапы для отдыха), выбирают для перехода определенное время, берут определенную лошадь и определенного человека. Контрабандисты ходят часто и притом по необходимости ночью, что особенно рискованно. Забавнее всего, что и собаки контрабандистов также умеют переправляться через такие реки, вырабатывая особые сноровки. Если эта могучая река может быть перейдена в своих широких местах, то тем страннее предположить, что ее можно форсировать в узких проходах, где она течет длинным водопадом, но история сохранила в памяти, что легкие кавалерийские части перебрасывались в этих местах даже вплавь. Начиная с запада и до своего крутого изгиба в районе Калаи-Хумба река Аму-Дарья представляет собой во всяком случае серьезную границу и столь серьезную преграду, что форсировать ее в случае войны представит огромные тактические и технические затруднения [Подробности можно найти в труде В. Грулева, “Аму-Дарья”. Труд чисто компилятивный и во многих отношениях не совершенный.].

Начиная же с этого изгиба, с которого она идет в меридиональном направлении, Аму-Дарья носит название Пянджа, т. е. Пятиречье. Граница по Пянджу следует так: сначала 200 с лишком верст по меридиану, у Ишкашима поворачивает на восток и рекой Вахан-Дарья (местное название Аму-Дарьи) следует на восток до слияния с рекой Памиром, своим притоком, затем следует по реке Памиру и озеру Зор-Кулю. У восточного края этого озера водная граница кончается, и далее идет уже сухопутная граница на протяжении 250 верст до перевала Беик, где сходятся границы России, Китая и Афганистана. Этот последний участок идет по высочайшим горам в мире (Беик лежит на высоте 16 тысяч футов).

Я назвал озеро Зор-Куль, приводя старое местное название, которое по кара-киргизски значит “большое” (точнее сильное) озеро; должен оговориться, что буду и далее держаться вообще местных названий, а не европейских или азиатских, более поздних переименований. Нет более смешного плагиата, как это постоянное стремление путешественников — европейцев или азиатов — в целях прославления своего имени, или своих ближних, или власть имущих, подменять какое-либо старинное, всегда очень меткое, название своим новым, часто бесцветным, свидетельствующим лишь о

человеческой суетности. Указанное Зор-Куль имеет много других названий: Большое, озеро Вуда, озеро Виктории — это плоды европейского честолюбия, или Хаус-Каян, Кол-и-Сикандари, Сир-и-Кол — плоды азиатского честолюбия.

Скажу несколько слов о Пяндже. Пяндж составляет границу Афганистана с Россией на пространстве 400 верст и только ниже Калаи-Хумбского излома становится Аму-Дарьей. Проходимость Пянджа зависит от того, в каком месте вы на него натолкнетесь. Если там, где тесно, то перед вами будет бурлящий водный коридор, который вы не перейдете и где на лодке переправиться нельзя, так как ее нет, а на лошади переправляться опасно; в таких местах обычно переправляются на турсуке, — род плота из надутых кож животных. В других местах, где течение не очень сильное, переправиться можно, исключая таких месяцев, как май–август, когда вода стекает с таящих гор и становится бурной; в зимнюю пору Пяндж можно перейти всюду. Словом, р. Пяндж не трудна для перехода, но этот факт доступности реки не имеет особого практического значения, так как крупных путей в широтном направлении нет и преграждать реке нечего.

Теперь я скажу вам о политическом происхождении этой границы. Как я упомянул, она была установлена в марте месяце 1895 г. Это было вызвано тем, что Абдуррахман, эмир Афганистана, злоупотребляя неясностью статей соглашения 1873 года с англичанами, относя к Бадахшану весь Вахан, Шугнан и Рушан, пользуясь также невежеством местного населения и такового же наших дипломатов старого времени, сначала стал упрекать русских, что они, якобы неправильно, отобрали у него Шугнан и Рушан, а затем и занял их отрядами. В 1893 году произошло столь шумевшее столкновение у Соматаши, где полковник Ионов уничтожил афганский пост. Когда стали разбирать дело, то оказалось, что Абдуррахман не прав, что Шугнан и Рушан не принадлежат Бадахшану, и все дело кончилось соглашением 1895 г. По соглашению этому к Бухаре перешли правобережные Вахан, Шугнан и Рушан, а Афганистану был отдан взятый у Бухары левобережный Дарваз. В результате Пяндж стал политической границей. Конечно, когда вы углубитесь во все это дело, пред вами выплывает сплошное комедианство: две европейских державы распоряжались бедными горными людьми, как им было выгодно, не спросив ни у них, ни у истории. Много было при этом, конечно, слез и неправды. Семь лет спустя я был начальником Памирского отряда, и мне пришлось воочию наблюдать, какая судьба постигла туземцев Шугнана и Рушана, отданных в злое ярмо Бухары. Это была тяжелая картина. Я боролся, сколько мог. Нажил себе жестокого врага в лице местного бека, который в своих приемах борьбы доходил до попытки отравить меня, но помочь содеянному Россией греху едва ли сумел. Пусть вас не удивляет эта картина народных неудач и страданий: она взята с натуры, и в глухих углах Средней Азии, верьте мне, такие картины еще не скоро будут изжиты.

Если вы всмотритесь в ту часть нашей границы с Афганистаном, где она ближе всего подходит к границе Индии на юге нашего Памира, то вы увидите, что между обеими границами втиснута языком небольшая страна Вахан, уступленная Англией Афганистану. И по историческим причинам, и по полной политической возможности Англия могла бы оставить Вахан за собою или отдать его России, что было бы по многим причинам справедливо, но она этого не сделала. Какой смысл этого языка, вклепанного между русской и английской границами?

Этот маленький клочок земли является скромным буфером между Россией и Индией, интересным дополнением к длинному поясу буферов, окружающих Индию, дабы система буферов не была нарушена и в этом недоступном месте. Установление таких буферов вокруг Индии является аксиомой для Англии. Маленький Вахан очевидно должен играть ту же политико-стратегическую миссию, которая принадлежит Афганистану, Восточной

Персии, Тибету и т. п. Вы заранее можете быть уверены, что в Вахане афганцев нет, что Вахан и для них совсем чужая страна; здесь есть только одна крепостца Калай-Бар-Пяндж, в которой помещается какой-то “генерал”, а под началом его имеется сотня—другая людей. Страна сплошь таджикская, горная и бедная, настоящими же хозяевами в ней являются англичане, а афганцы разве только часовые на постах. Этим достигается все, что требуется от буфера: контроль, организация разведки, постройка нужных путей, политические махинации всякого рода и, кроме того, надежная перспектива прикрыться лицемерным покровом якобы афганских решений и произвола.

Упомянув вкратце о Кандагарском операционном направлении, я должен сказать теперь два слова и о Кабульском направлении, сеть путей которого идет от переправ на Аму-Дарье до Гиндукуша, затем по одному или группе его перевалов в Кабул и отсюда одним из проходов в Сулеймановых горах в долину Инда. Вы видите, что на этом, сравнительно коротком расстоянии первой преградой является Аму-Дарья, Вторая преграда — Гиндукуш с его перевалами. Наконец, на третьей очереди район Сулеймановых гор, не столь трудных топографически, как мало доступных в смысле продовольствия, топлива и воды, а также из-за его суровых хозяев. Вы видите, что хотя расстояние и короткое, но оно имеет на пути первоклассные преграды. Даже овладение Кабулом, центром жизни страны, встретит много затруднений. Но не нужно думать, что этим достигнуто что-либо крупное и законченное. Надо помнить, что люди живут в Афганистане отдельными общинами, гордыми и свободолюбивыми, связанными в одно целое условно и искусственно. Если вы и возьмете такой центр этой страны, каким является Кабул, то это еще ничего не значит. Войны афганские показали, что взятие англичанами Кабула не знаменовало собою покорения страны или ее усмирения, а, наоборот, всеобщее народное восстание. Словом, Кабульское направление имеет много препон. Тем не менее история показывает, что полководцы обычно двигались на Индию Кабульским направлением, не взирая на то, что здесь приходится преодолевать большие преграды. Так, этим направлением гнался в погоню за Джелалудином, ханом Хорезма, в 1221 году Чингиз, Бабур шел также, и не один раз, по этому направлению. Вы видите, что в истории совершаются интересные вещи, которые идут врозь с современными выводами науки. История опровергает географию, а потому должна быть выслушана.

Наконец, скажу еще о Памирском направлении, которое является по своим свойствам чрезвычайно трудным. На этом направлении, исходя из Ферганской долины, как из базы, вы должны будете пребороть Алайский хребет, затем пройти Алайскую долину, лишь 4—5 месяцев свободную от снежных заносов, затем преодолеть еще более высокий Заалайский хребет. Далее ваша дорога лежит по Памиру, легко проходимому, но бедному, суровому и лишенному всяких продовольственных средств. Допустим, вы все это пребороли, вы перешагнули целый ряд перевалов и перенесли тяготы высоты 12 тысяч футов, но этим затруднения не кончены. Пред вами белая стена Восточного Гиндукуша, доступного лишь в некоторых пунктах и далеко не круглый год. С его снеговых вершин вам придется спуститься в трущобы Дардистана. Если вы прочтете мой перевод труда Дюранда [The Making of a frontier (“Созидание границы”).], то вы познакомитесь со всеми ужасами этой дороги и получите впечатление потрясающее. Это дикие утесы и скалы, по которым ползут люди с ношей за спиной. Лошадь по этим путям не пройдет. Я шел когда-то этими тропами. Переводчик моего друга из свежего и бодрого человека стал стариком, люди седеют от тревог, начинают бояться пространства. В одном месте мне пришлось отстать, и когда я вновь догнал отряд, то в его тылу застал наших двух переводчиков плачущими, они говорили: “Туда страшно идти, мы там умрем”.

Этот маленький эпизод подскажет вам, насколько трудно это направление. Наконец, следуя им, вы спускаетесь в долину Кашмира — красивейшую долину в мире, но ваши

мытарства еще не кончились. После долины вновь горы, хотя уже много скромнее. По существу весь этот путь представляет собой сплошной ужас. Ни артиллерия, ни кавалерия пройти не могут. Самое большое, вы можете пройти с пехотой, и то вопрос, что от нее останется. И все же история говорит, что случаи прохода отрядов этим направлением были. Нужно отметить, что англичане тратят большие деньги, чтобы на своей северной границе устраивать позиции, строить крепости; в их политической литературе мелькают опасения, что по указанным районам русская армия пройти может. Достаточно, говорят они, такому головорезу, как Скобелев, пройти через Гиндукуш с отборным, хотя и небольшим отрядом, и неожиданно явиться в Кашмире... последствия этого шага могут оказаться неисчислимыми. Если это так, если правы англичане, то выбор Памирского направления в полной степени может оправдать те усилия, которые придется затратить на его преодоление. Оно очень трудно, но сумеете продвинуться, и результат будет большой. Принцип неожиданности сыграет свою крупную роль. История, правда, более похожая на легенду, говорит об одном из завоевателей Индии Угуз-хане. Этот завоеватель шел по таким местам, где теперь лошадь со вьюком не может идти. Он прошел по южным отрогам Восточного Гиндукуша, перешел через хребет Каракорум, прошел южной частью Тибета, и через Гималаи, как снег на голову, свалился в долину Ганга. Легенда говорит, что у него было 40 тысяч всадников. Он привел Индию в оцепенение и взял ее налетом. Современные исследователи сомневаются во всем этом, но в преданиях Средней Азии сказание держится упорно, и если оно правдиво, оно доказывает, что горы Азии — не преграда для мужественного и упорного сердца.

Граница Афганистана с Индией

Такова граница России с Афганистаном, и таковы вкратце те операционные направления, о которых будет сказано в своем месте подробно. Теперь мы подошли к границе Афганистана с Индией, т. е. с Англией.

Если я счел необходимым познакомить вас подробно с границей Афганистана и России, то я не могу этого сделать в той же мере относительно границы Афганистана с Англией, потому что здесь многое нам неизвестно и здесь осуществлено слишком много политических хитростей, благодаря которым скрыты существо и цели границы. Из-за какого-нибудь хребтика, перевала или туннеля идет невероятная каша. Тут англичане — господа положения и ведут систематическую борьбу в целях установления нужной им границы. Граница идет в общих чертах от перевала Борогиль через Читраль, Пешавер и далее к Кох-Малик-Сияху, где сходятся границы Афганистана, Персии и Белуджистана. Эта граница установлена договорами, которые были заключены Мортимером Дюрандом в Кабуле в 1893 году. Если вы вдумаетесь в главные пункты этого соглашения — конечно, о подробностях здесь не приходится говорить, то увидите, что англичане отдали эмиру Абдуррахману Вахан, Кафиристан, долину Асмара, Ляльпуру и часть Вазиристана, но за собой оставили станцию Нью-Чаман, Чагех, другую часть Вазиристана, Булун-Кель, Курам, Баджаур, Сват, Дир, Читрал и страну афридиев. Теперь вопрос, по каким соображениям это сделано? Ведь некоторые из этих стран, каковы Сулеймановы горы, являются такими, в которых живет коренное население Афганистана; как мог эмир отказаться от своих близких сородичей?

В этом отношении исследователи Афганистана — Кене и Аристов — приходят к мнению, что Абдуррахман поступил правильно, потому, что афганский народ Сулеймановых гор является тем горючим материалом, который хотя помогал нашествиям на Индию, но которых держать в руках всегда было трудно. Абдуррахман и взвалил эту трудную работу на плечи англичан [Если верить Гамильтону, Абдуррахман сделал это по принуждению и пытался сохранить племена за собою. См. Hamilton, Afghanistan, стр. 409. — London,

1906.]. Опыт войн на северо-западной границе Индии как будто подтверждает такое предположение. За 50 лет англичане истратили более 700 миллионов рупий на одни войны и экспедиции, чтобы обеспечить северо-западную границу с Афганистаном. Так думает Аристов, гражданский человек, который при своем анализе проводит параллель между нашими операциями на Кавказе и операциями англичан на северо-западной границе. Я думаю, что гражданский исследователь ошибается. Англичанам хорошо известна история завоеваний Индии, и свой политический опыт они хорошо сопрягают с историческим прошлым. А оно говорит, что Гиндукуш будущим победителем Индии проходилась обычно без труда, но перед Сулеймановыми горами он останавливался, и иногда надолго, выбирая себе базой для дальнейших предприятий линию Кабул–Газни–Кандагар. Происходила обработка обитателей Сулеймановых гор: переманивание на свою сторону жителей, организация разведчиков, обеспечение путей, создание авангардов и т. д., и только после выполнения этого сложного процесса переработки афганцев, победитель трогался дальше на Индию; ясно, в задаче завоевания Индии восточные афганцы всегда играли большую роль. И англичане это прекрасно учли и, как им ни тяжело и как ни дорого, но грядущий авангард для нашествия на Индию и его территорию со всеми позициями и проходами они удержали за собой. Несомненно правы они, а не Аристов.

Что касается северного района, т. е. Баджаура, Свата, Дира или Читрала, то он имеет другую сторону. Здесь слишком тесно соприкасаются границы Англии и России. Здесь Англия не могла отдать в слабые руки эмира те горные области, управляемые деспотами-князьями, всегда полубожественного происхождения, которые слишком коварны и темны, чтобы их оставить без политического призора. И мы видим, что Англия в конце восьмидесятых и девяностых годов прошлого столетия ведет в Дардистане большую политическую и организационную работу. И опять-таки Англия права — Памирское направление, как мы сказали, очень трудно, но сюрпризы возможны, и Англия старается смягчить их размах и горечь.

Что касается границ Афганистана с Белуджиستانом и Персией, то они очень просты, так как жмутся к районам убогим и никому не нужным. Здесь, при проведении границы, руководятся только техническими соображениями; тут не политика играет роль, а одно удобство. Вот почему мы видим здесь или прямую линию, как на границе Афганистана с Персией, или ломанную, как на границе Афганистана с Белуджиستانом. Только в юго-западном углу Афганистана, в области Сеистана, граница “играет” или, скажем, политиканствует. Этот лакомый кусок не дает покоя англичанам. Когда-то миссия Мак-Магона [Подробности о ней у Гамильтона, стр. 211–222.], под предлогом проведения границы и урегулирования вод Сеистанского бассейна, оставалась в этом районе много дольше, чем того требовали приличия. Здесь и поныне дело не кончено.

Глава вторая

Поверхность Афганистана. — Гиндукуш. — Сулеймановы горы. — Долины и плоскогорья. — Воды Афганистана. — Аму-Дарья. — Притоки Аму-Дарьи. — Реки Сеистана. — Притоки Инда.

Поверхность Афганистана

Я подошел к изложению вопроса о поверхности Афганистана. Напомню, что наш масштаб изложения будет более практический, чем теоретический.

Что из себя представляет Афганистан? В смысле поверхности это — страна, которая на четыре пятых представляет собой горы и утесы, то покрытые лесом, то лишенные всякой растительности. Между этими горами включены пространства, на которых произрастают

злаки, являющиеся главным ресурсом питания жителей, но таких площадей немного, наибольшая же часть — плоскогорья и склоны, которые или обвеваются холодными ветрами, или почва на них неподходящая, или у них слишком крутые скаты, так что влага не удерживается и почва сохнет...

Словом, по той или другой причине, но эти площади чаще всего неплодородны. В общем мы должны сказать, что почва Афганистана скорее неплодородна, его естественные ресурсы скромны, почему исключается возможность и в будущем развития на ней сельского хозяйства в больших размерах; и не надо быть пророком, чтобы сказать, что из Афганистана богатой страны никогда не выйдет.

Если мы всмотримся в общую орографическую карту Афганистана, то увидим, что основой ее, ее скелетом является Гиндукуш, который начинается на северо-востоке Афганистана, идет по направлению к юго-юго-западу, постепенно понижаясь, и теряется в западном и южном районах страны [Роль Гиндукуша в жизни и истории Афганистана очень крупна. Гиндукуш, говорит Торнборн, “с его разветвлениями является господствующей географической фигурой Афганистана. Это — водораздел Аму-Дарьи, Инда и Гильменда. Он также является валом, разделяющим тюркские и афганские народности. В своих скалах он до сих пор сохранил неприкосновенными остатки независимых народов, каковы Газара и Кафиры, что говорит об его естественной силе сопротивления”. См. Thorburn, *Asiatic Neighbours*, p. 95–96.]. От этого скелета идут веерообразно горы на север, запад и юго-запад. Где-то в юго-западном углу страны находится самая низкая часть поверхности. Среднее превышение северо-восточной части 6 тысяч футов, а таковое же превышение юго-западной несколько меньше 2 тысячи футов. В нашем описании нам удобнее всего будет начинать изложение поверхности с описания Гиндукуша.

Но, прежде всего, заметим, что, изучая страну, нужно ясно себе представить, под каким углом зрения мы рассматриваем ее поверхность. Изучая таковую европейских стран, мы ни на минуту не упускаем из виду, что сообщение в них ведется по железным дорогам или по шоссейным путям, в экипажах, телегах, на автомобилях, и только случайно мы упомянем о дорогах для всадников или еще реже о тропе для идущего пешком человека. При рассмотрении же восточных стран, у вас должен быть своеобразный угол зрения. Здесь вы встречаетесь с возможностью пробираться или только верхом, или только пешком и только под этими двумя первобытными типами передвижений вы рассматриваете способы людских сношений. При такой простоте передвижений и отношения к поверхности будут более просты. Здесь мы можем быть не такими требовательными, как в Европе. Здесь человек пройдет почти всюду, как и восточная лошадь, если она горного типа, которая также пройдет почти всюду. Здесь не боятся гор, не ждут специальных проводников, как в Швейцарии, и только скалы, по которым прыгает горная серна, считаются недоступными для человека. В Европе привыкли к другим способам передвижения и поверхность изучается под более утонченным или требовательным углом зрения: приходится не забывать колеса.

Гиндукуш

Перед вами Гиндукуш. Если кто из вас пожелает познакомиться с историей происхождения этого слова, то вы об этом материал найдете у Гумбольда [*L'Asie Centrale*.] или Риттера. Об этом имеется несколько версий. Одно толкование полезно вам запомнить, так как оно общеизвестно; по смыслу его это слово означает “гибель индуса”. История его происхождения такова: когда завоеватели Индии возвращались из победоносного похода на север, то забирали с собой темных невольников и невольниц.

Эти люди, выросшие под знойным солнцем Индии, уже на террасе Кабула чувствовали себя неудобно, когда же они подходили к снеговому хребту Гиндукуша, то мерзли и гибли, откуда и произошло слово Гиндукуш — “гибель индуса”.

Под хребтом Гиндукуша разумеют тот первоклассный хребет, который является водоразделом рек Аму-Дарьи и Инда и имеет протяжение 650 верст, представляя собою извилистую дугу большого радиуса, слегка выгнутую к югу. В восточной части Гиндукуш примыкает к Гималайской системе (Мустаг–Каракорум), которая подходит к нему почти под прямым углом и образует единственное на земном шаре сгущение складок (индийское сгущение) со множеством вершин в 25 тысяч футов и выше.

Я не могу не поделиться с вами воспоминаниями об этом величественном районе. Если вы будете иметь счастье, изучив какой-либо восточный язык или горное наречие, посетить эти страны, то перед вами развернется такая картина, которую вряд ли кому-нибудь из вас удавалось видеть и которую вы потом не забудете. На вашем горизонте перед вами встанут несколько десятков великанов-гор, из которых каждая имеет не менее 25 тысяч футов высоты. Такой семьи гигантов вы нигде еще не встретите. Они поразительны своими размерами, своим величественным покоем и своей белой одеждой. Вы будете беседовать с местными жителями о религии, о старых порядках и т. д., о чем они так любят поговорить, а какой-либо из этих снежных великанов будет словно присутствовать при вашей беседе, хотя в действительности он будет находиться в десятках верст от вас. Вы ведете разговор, а он молчаливо наблюдает за вами, бесстрастный и настойчивый. Не удивляйтесь, что местные люди постоянно говорят о нем в своих народных сказаниях.

Весь Гиндукуш, в более позднее время, подразделяется на два — восточный и западный. Первый составляет южную окраину Памира и имеет среднюю высоту в 19–20 тысяч футов, западный — несколько ниже. Наша речь сейчас идет о последнем. Начинаясь приблизительно около 74° в. д. от Гринвича, этот Гиндукуш состоит из двух хребтов, из которых северный — водораздельный; южная цепь идет в расстоянии 10–20 верст от северной и несколько ниже ее.

На 69½° в. д. Гиндукуш образует огромный узел, в толще которого пролегает перевал Хавак; через него переходили Александр Македонский, Тимур и др. От Хавака отходят отроги в различных направлениях. К западу от названного узла Гиндукуш суживается и сохраняет такой характер до Иракских перевалов, где он очень расширяется, представляя в своем строении крайне запутанную систему. Снеговая линия Гиндукуша, по-видимому, пролегает на высоте 14–16 тысяч футов; его перевалы достигают 12–14 тысяч футов и выше.

Пред нами понятие, на котором мы должны остановить наше внимание и о котором в географии Европы мало говорится. Здесь так мало интересуются перевалами, что не берут на себя даже труда дать ясное представление о том, что такое перевал. Люди переваливают через горы из одной страны в другую, вот и все; при этом даже у хороших географов вы можете встретиться с пояснением, что перевал — это самая низкая точка горного хребта, где более всего удобно переходить горы. Должен сказать, что это заблуждение. Под перевалом следует разумеать вообще тот район (или пункт), где люди переваливают через горы. Что касается того, будет ли это самая низкая точка, или какая-то средняя, или даже самая высокая, это зависит от нескольких предвходящих обстоятельств. Например, на Памирах есть высокий и скалистый Язгулемский хребет, на котором среди других имеется перевал Оудуи, и он занимает в хребте самую высокую точку, остальная часть хребта, хотя и ниже, но представляет собою совершенно вертикальную стену, через которую нельзя перебраться. Если бы вам пришлось издали

наблюдать этот перевал, то вы увидели бы, как проектируется на самой высочайшей точке этого хребта какая-то темная точка... при удаче можете увидеть и караван, переваливающий через хребет, а эта-то высокая одинокая точка и является тем пунктом, где можно перейти через эти горы.

Чем это объясняется? Тем, например, что в других местах горы покрыты снегом, чаще всего столь глубоким, что нет возможности идти, и человек избрал такую точку, как бы она ни была высока, где ветер постоянно счищает этот снег, как метлой, и там лошадь в силах карабкаться по этим скалам. Таким образом, повторяю, под перевалом разумеется вообще точка хребтовой линии, на которой совершается переход с одного склона на другой, но вне условий ее относительного превышения. Когда мы говорим о перевале в Азии, то должны рассматривать его с нескольких точек зрения, во-первых, с точки зрения возможности прохождения его выюком или пешим человеком (при этом не лишнее иметь в виду, разумеет ли мы обычного путешественника или местного горца — здесь нужно делать различие, — поправка будет ясна несколько позже).

Затем мы должны принять во внимание, есть ли это перевал зимний или летний, в том смысле, в какой период года он более доступен или вообще в какой только доступен. Третий угол зрения, под которым приходится рассматривать перевал — длительность его проходимости. Если он открыт для передвижения круглый год, то говорят — “проходим круглый год”, или “проходим только такие-то месяцы”, или “месяц в году”.

Скажу еще раз, что в географии Азии перевал есть одно из важнейших понятий, с которым надлежит ознакомиться. Теперь следует задать вопрос: чем обуславливается практическая важность перевалов?

Рассматриваемые нами районы имеют ту особенность, что они представляют собою горную местность. До тех пор, пока человеческие группы ограничивались теми ресурсами, какие имелись в населяемой ими отдельной долине, вопрос о значении перевала мог быть еще не так серьезен. Но как только возникает вопрос о более широком размещении, как только жизнь населения данного горного района приближается к жизни государства, а только с этой точки зрения для нас и может быть поучительна какая-либо страна (какая-либо кучка людей, затерявшаяся в одинокой долине, для нас не может представлять интереса), когда развиваются духовные и экономические связи в этой стране, то вопрос о перевале приобретает огромное значение. Как на Кавказе, так и на Гиндукуше на каждом шагу встречается такое явление — здесь долина и тут долина, а между ними хребет и нет перевала; в этом случае будет две различных общины, два народа, часто говорящих на совершенно различных языках, не имеющих между собой никакой связи. Нет перевала — и люди живут отдельными мирами. Вы понимаете, как в этих случаях важен вопрос о перевалах. Ведь, помните, нам приходится говорить не о путях сообщения, не о почте или телеграфе, а останавливаться на основном вопросе о том, есть ли в этих горных преградах, отделяющих два государства, хоть какая-либо элементарная связь, т. е. есть ли между ними такие точки, по которым движение обеспечено большую часть года, и этим будет решена судьба их. Ничего нет удивительного, что именно в Азии перевалы являются часто теми узлами, в которых лежит нередко ключ разгадки истории.

Для нас, интеллигентов, из этого уже ясно, что перевал один из существенных факторов географических, но мои наблюдения показали, что это ясно и для простого человека, если он житель горной страны. Когда я жил на Памире и работал над ним, мне приходилось задаваться вопросом, какими первичными темами в области географии заинтересовывается такой примитивный человек, каким является кара-киргиз, и я пришел

к заключению, что прежде всего он интересуется водой, местами пастбищ и перевалами; этим предметам он в первую голову дает наименование. Если приходится ехать одной дорогой с киргизом, разговаривая с ним о стране и спрашивая названия мест, хребтов и того, что вас интересует, то бросается в глаза, что на многие из этих вопросов он вам не может ответить, видимо, не зная названий; про гору скажет: “высокая”, “белая”, а названия не приведет; но когда вы его спросите про перевал, то он вам сейчас же его назовет. Каждый перевал имеет у них свое название, а почему? Потому что ценен, потому что ведет к соседям, к урочищу или к воде. Самое слово “перевал” на киргизском языке имеет 3–4 названия, и это заметьте на таком бедном, неразвитом языке, как каракиргизский. Киргиз приурочивает к этому названию части тела, имена схожих предметов, усваивает персидское слово и т. д., чтобы как-нибудь разнообразнее выразить это понятие.

Словом, понятие о перевале должно быть оттенено для географии азиатских стран. Было бы, конечно, желательно познакомиться с каким-нибудь специальным сочинением о перевалах, с приведением весьма в этом случае ценных исторических справок, но, к сожалению, такой книги нет, и я не могу вам ничего рекомендовать по этому вопросу. Вы можете в моем сочинении, “Северо-Индийский театр”, том I, найти примеры исследования целой серии перевалов (в восточном Гиндукуше) и тот метод, который при этом применяется.

Возвращаясь к западному Гиндукушу. В первой своей части он представляет собой хребет много выше швейцарских гор, но ниже восточного Гиндукуша. Средняя высота 15–18 тысяч футов; на его протяжении располагается более 20 перевалов. В моих лекциях, которые будут изданы, они будут перечислены, но сейчас я буду считать достаточным, если вы запомните некоторые из них.

Прежде всего перевал Хавак (11.640 футов), недалеко от него расположен Таль или Туль, затем перевал Бейгах (12.300 футов), Каушан или Кушан (14.340 футов); Хабардар (Чахардар, Чардара) (13.900 футов) и Шибрский (9.800 футов). Из них исторически наиболее известным является Хавак, по которому по преданию прошли Александр Македонский, Тимур и Чингиз, хотя последний по другой версии прошел западнее. Что касается степени проходимости этих перевалов, то относительно их нет точных указаний. Почти все перевалы допускают вьючное движение, а перевалы Чахардар (Хабардар) и Хавак допускают и колесное движение. Правда, относительно перевала Хавака в свое время имелись в Штабе Туркестанского Военного Округа сведения, что через него идет хорошо разработанная дорога, по которой может проехать даже коляска, и что зимой эта дорога систематически очищается от снега, чтобы сохранить через перевал колесное движение круглый год.

В такой малокультурной стране, как Афганистан, да еще очищать от снега дорогу — это похоже на легенду, как похоже на нее то сведение, которое в последнее время проникло в печать, что будто бы англичане хотят здесь провести железную дорогу из Кабула на Мазар-и-Шериф. Это маловероятно. Зададим вопрос: зачем это будет нужно? Очищать дорогу от снега для пропуска телег? Но много ли их в Афганистане? В Афганском Туркестане, в приамударьинских районах и южнее в невысоких степных — можно еще найти арбу, но далее к югу телег нет. В городах можно найти 1–2 коляски, в Кабуле найдутся и автомобили, но не для них же чистить от снега дорогу. Это была бы затея привилегированных классов, мало для нас интересная, да и в Афганистане, при всей деспотичности его строя, все же не осуществимая. Легкую очистку от снега для сохранения вьючного движения допустить еще можно. Что же касается железной дороги. Кабул–Мазар-и-Шериф, то сначала нужно англичанам провести таковую до Кабула, а

затем уже вести ее дальше. Но какие выгоды — политические, экономические или военные — могут оправдать это многотрудное предприятие, форсирующее первоклассный хребет, идущее по дикой, бедной и враждебной стране и обрывающееся над Аму-Дарьей?

Сказать уверенно, в какие месяцы перевалы западного Гиндукуша открыты для движения, невозможно; литература говорит разное, а систематических наблюдений нет; во всяком случае около 2–3 месяцев — июнь, июль и август — перевалы западного Гиндукуша почти все будут открыты. Что касается перевала Хавак, то он много доступнее других, и через него можно переваливать и в зимнюю пору, особенно в пору слабого снежного покрова или при наличии некоторого наблюдения за дорогой.

Пойдем дальше. Несколько западнее меридиана Газни, от перевала Хаджикак на запад продолжение Гиндукуша служит более низкий и менее мощный хребет Кух-и-Баба, имеющий протяжение 120 верст с вершинами, достигающими до 18 тысяч футов и перевалами высотой от 9 до 12 тысяч футов. Западная оконечность Гиндукуша и Кух-и-Баба, ниспадая к югу и юго-западу террасообразными возвышенностями, рассекаемыми ущельями верховьев р. Гильменда, образуют обширное Газнийское плоскогорье, служащее связью Гиндукушской системы с Сулеймановыми горами. Отроги этого плоскогорья, направляющиеся к юго-западу, входят в связь с южными отрогами Сиях-Куха и заполняют невысокими хребтами и кряжами все пространство до линии Фарах–Гиришк–Кандагар.

Хребет Кух-и-Баба является как бы узлом, связывающим Гиндукуш с горными хребтами западного Афганистана. От него отделяются к западу три горные цепи: северная — Бенд-и-Туркестан, идущая вдоль правого берега р. Мургаба и занимающая своими отрогами пространство до русской границы; средняя — Сефид-Кух, т. е. белые горы, идущая вдоль правого берега р. Герируда, и из трех самая мощная, и южная — Сиях-Кух, т. е. черные горы, идущая левым берегом той же реки. Сефид-Кух древними географами назывался Паропамиз и сохранил это название отчасти и до наших дней. Сефид-Кух и Сиях-Кух дают к северу и к югу значительное число второстепенных хребтов и кряжей, заполняющих Гератскую провинцию и придающих ей во многих местах гористого холмистый характер. Высота этих гор значительно меньше восточных хребтов, и хотя отдельные вершины и здесь достигают 12–14 тысяч футов, но высота перевалов не превышает 7.500 футов, часто спускаясь до 3–4 тысяч футов, отчего проходимость этой горной местности значительно больше, чем Гиндукуша. Среди перевалов через западную часть Сефид-Куха, которых насчитывается более 10, надо упомянуть как наиболее важные и удобные: Зармаст — 7.774 фута, Ардеван — 5.250 футов, Чешме-Себз — 4.810 футов и Хумбоу — 3.100 футов. Западные отроги Сефид-Куха и Сиях-Куха, в виде пониженных и легко проходимых кряжей, тянутся за пределы Афганистана в Персию, где вступают в связь с горными системами северного Ирана, с Эльбрусом по преимуществу, а через него и с Кавказом.

Такова картина Гиндукуша и его ответвлений. Нужно упомянуть еще об его составе. Главным образом это будут: гранит, песчаники, сланцы, известняки. Что касается растительности, покрывающей поверхность Гиндукуша, то она будет представлена разнообразным лесом всех типов — чаще встречаются сосна, кедр, пихта, ель, дуб, фисташки.

Если зададимся теперь вопросом: поскольку Гиндукуш является преградой для движения через него войск, то должны ответить, что для организации серьезных наступательных операций Гиндукуш представляет преграду чрезвычайно серьезную. Форсируя его, вы имеете дело с отдельными точками перевалов, хорошо известными и определенными,

другой связи нет. Это первое затруднение. Несомненно, на тех перевалах, которые являются доступными, нужно ожидать заранее принятых мер обороны. Кроме того, к этим основным перевалам Гиндукуша пути идут узкими долинами тех речек, которые со склонов хребта направляются к Аму-Дарье. Движение по этим долинам представляет значительные затруднения. Затем, кроме основного перевала на пути наступления есть целая серия второстепенных; словом, вы имеете целый ряд физических причин, затрудняющих ваше движение.

Что касается данных о том, найдете ли вы тут воду, фураж, топливо и т. д., то в этом отношении имеющиеся исследования вам ответа не дадут, вы можете, разве, только из истории почерпнуть руководящие указания. Несомненно, Тимур, Чингиз и другие в свое время переваливали через Гиндукуш и, конечно, находили и воду, и фураж; а раз природа за минувшее время не изменилась, то, значит, и теперь все это можно там найти. Является вопрос, в какой мере можно здесь найти другие средства пропитания, например, мясо. Раз большинство этих долин населено и всюду имеются пастбища, значит есть скот, а отсюда можно сделать вывод, что здесь мясо можно найти повсюду. Но в этом отношении вы не должны особенно самообольщаться.

Горные районы представляют собою такую массу закрытых уголков, что, если вы не рассчитываете на привязанность со стороны жителей к вам, — вы рискуете ничего у них не получить и ничего не найти.

Горцы — народ, живущий между собою дружно и обычно очень скрытный. Коллективную тайну жители сохранить сумеют. И если скот, имущество и жены с детьми в военное время будут упрятаны в какой-либо трущобе, то посторонние об этом не узнают, а без проводников, т. е. тех же горцев, туда и не добраться.

Во всяком случае исследователь Гиндукуша с военной точки зрения должен делать довольно осторожные выводы. Хотя история говорит в пользу возможности форсировать этот хребет и найти все нужные средства, тем не менее, Гиндукуш считается в такой мере серьезной преградой, что некоторые предпочитают Кабульскому направлению кружный путь через Герат, Себзавар, Гиришк, Кандагар. Что касается мелких экспедиций, рекогносцировочных партий, которые идут с вьюками, то для таких легких организаций этот район представляет собой большой простор: можно идти когда и где угодно. Строго говоря, нет таких перевалов, через которые нельзя было бы пройти. У меня на Памире был офицер, который, заброшенный в эту глушь, очень тосковал и сильно пил. Чтобы его вылечить, я послал его исследовать перевал, который сами киргизы считали в эту пору непроходимым. Через десять дней мой посланный возвратился измученный, исхудавший, но бодрый духом; он погубил несколько яков, чуть сам не погиб, но задачу выполнил. Вы видите, что когда даже киргизы говорят, что такой-то перевал недоступен, в действительности это еще не значит, что дело обстоит так плачевно.

Вообще во время войны эту возможность форсирования перевала во всякое время нужно всегда учитывать, дабы избежать сюрпризов. На этом в Средней Азии ни один раз зиждился залог боевого успеха. Бабур из Герата идет долиной Герируда и в Гиндукуше пробивается перевалами, покрытыми снегом и “совершенно недоступными” в этот период; будущий основатель империи Великих Моголов преодолевает при этом несказанные трудности, порою идет впереди отряда по грудь в снегу, но зато, не ожидаемый никем, он легко овладевает Кабулом.

Что касается других гор, которые в разные стороны ответвляются от Гиндукуша, то они для нас особого значения не представляют. Все они интересны разве в теоретическом курсе.

И карта подтвердит вам, что эти разветвления никогда не представляли интереса; вы найдете на ней много белых мест, на месте предполагаемой реки только пунктиры и т. п. Главная причина неинтереса лежала в том, что данные районы всегда лежали вне исторических мест и путей, вдали от шума среднеазиатской исторической жизни.

Сулеймановы горы

Только одним разветвлением нам нужно заняться. Я разумею систему Сулеймановых гор, которые имеют общее направление на юго-юго-запад [В учебниках географии горы носят название Солимановых.]. Вся горная страна Сулеймановых гор, протягивающаяся более 700 верст (от Нушки до р. Свата), распадается на довольно обособляющиеся три части: Кветто-Пишинское нагорье (средняя высота 6–9 тысяч футов) с известным Боланским проходом, Сулейманов хребет (средняя высота 9–11 тысяч футов), идущий параллельно течению р. Инда с проходами по долинам рр. Гумала, Точи и Курама и, наконец, горная область Тира (Сефид-Кух, средняя высота 9–12 тысяч футов) с Хайберским проходом. Вся система в целом сначала идет двумя параллельными хребтами, затем разветвляется и у реки Сура число разветвлений доходит до 12. Западные части значительно выше восточных.

Относительно Сулеймановых гор, несмотря на большой интерес к ним, в литературе нет определенных указаний, хотя казалось бы, что во множестве английских сочинений по Афганистану должны быть о них исчерпывающие данные. В чем особенность Сулеймановых гор? Несмотря на то, что они невысоки, между ними мало поперечных путей, а жизнь человека заставляет его двигаться именно в поперечном направлении, в результате Сулеймановы горы являются малодоступными. Главное препятствие здесь не столь в особой трудности орографии, как в том, что эти горы крайне бедны лесом, бедны водой и бедны пастбищем. Все это явилось, между прочим, серьезным фактором для судьбы тех народностей, которые в горах ютятся: суровая природа выковала из них крепкий духом, гордый и свободолюбивый народ. Во всяком случае, несовпадение направления гор с направлением движения человеческих групп, отсутствие в них воды и топлива, отсутствие средств питания сделало то, что Сулеймановы горы оказались и в прошлом, и теперь серьезным барьером на последнем этапе движения в Индию.

Назову теперь наиболее важные из проходов в Сулеймановых горах, начиная с севера [Подробности можно найти у Полозова, в его труде “Северо-Западная граница Индии”]. Прежде всего Хайберский проход, узкое ущелье длиною более чем 30 верст. Курамский проход, ведущий от Кабула через Шутургарданский перевал (11.500 футов) в долину р. Курама и далее в Банну. На северной стороне Тахта-Сулеймана Гомульский или Гуламский проход, ведущий от Газни к Дер-Измаил-Хану, длиною в 200 верст; это большой торговый путь между Индией и Афганистаном. Наконец, большой проход между Кветтой и Якобабадом, так называемый Боланский. Все эти проходы хорошо известны англичанам, по войнам первой афганской (1839–1842 гг.) и второй афганской (1878–1882 гг.), когда их колоннам пришлось рыскать по стране и терпеть поражения частью от своих же ошибок, частью же по причинам особых свойств этого театра.

Исследователи говорят, что в Сулеймановых горах имеется не менее 300 перевалов. Поскольку это верно, трудно сказать, но знать название перевала это еще не значит уметь найти его или суметь им пользоваться. Во всяком случае для занимающегося

практическим вопросом о завоевании Индии исследование Сулеймановых гор является одним из важнейших вопросов, мимо которого пройти нельзя, и выяснение перевалов и их природы, выявление всех обходных путей, даже тропинок, представляется неизбежной темой.

Дело в том, что часто завершение горной операции зависит от перехода гор в той или другой точке, считаемой до того непроходимой или неизвестной. Я могу сослаться на Нильт-Майунскую позицию в Гунза-Нагарской операции 1892 года. Позиция считалась неприступной. Попытки взять ее атакой в лоб или обходом правого фланга противника сорвались. Все рисовало неудачу. Но в одну из ночей маленький сипай-догра, по имени Нагду, поднялся по скале, почти вертикальной (я видел ее со стороны форта Нильт), высотой в 1.200 футов, и отыскал доступную тропу. Произведены были рекогносцировки. За смельчаком пошла небольшая группа других, и позиция противника была обойдена слева. Человек отыскал неведомую до того тропу и по ней привел англичан к победе.

Вот почему подробное знание всех перевалов, обходных путей и даже троп так важно в горах, а в частности в Сулеймановых, в этом прочном засове ворот Индии.

Я остановился на описании рельефа Афганистана, преимущественно на его горах, но я должен объяснить, в каком смысле я считал необходимым оттенить эту сторону общего рельефа Афганистана.

В хозяйственной жизни народа горы имеют значение, как главное сосредоточение запасов влаги, которою живет человек, и тот скот, который работает на человека. Затем горы имеют смысл, давая превышения, а последние являются источником механической энергии, имеющим смысл и в неиндустриальной стране (орошение); горы дают приют лесам. Но я должен все же оттенить, что не горам в Афганистане принадлежит главная экономическая роль; главная роль в этом отношении выпадает на долю тех долин и плоскогорий, которые ютятся всюду в горных массивах этой страны.

Долины и плоскогорья

В этих долинах или плоскогорьях, разной глубины и ширины, зиждется тот источник благосостояния человека, который питает и его, и его животных, а потому и является вместе с тем и историческим, и политическим фактором. Вы вправе спросить: каким образом определить свойства и ценность этих долин, каким образом выяснить их размеры, плодородность и т. д.? Я скажу искренно, как географ, и совершенно ясно представляю себе, хотя в литературе и нет соответствующих указаний, насколько трудно обстоятельное решение этого вопроса, и уже потому, что все эти плодородные оазисы являются секретом страны. Вот вам пример. Вы следуете каким-либо маршрутом и беседуете с киргизом, который случайно провожает вас. Понаблюдайте за ним. В иных местах он поведет своими косыми глазами на горы, словно чего-то ищет: он решает вопрос, куда он должен в ближайшее время перекочевать со своим скотом. Вдруг он предлагает вам остановить лошадь и посмотреть на какое-то далекое пятно в горах. Вы всматриваетесь туда глазами и ничего не видите, и только, может быть, через бинокль обрисуеться перед вами маленький зеленый кусочек меж гор или на горах. Вы спрашиваете: “Разве можно на таком клочке прокормить скот?” — “Да, тюря (т. е. начальник), на две с половиной недели хватит”. А у него, между прочим, скот его состоит из 2000 с лишком баранов, двух верблюдов и двух-трех лошадей. Я привожу этот пример, часто имевший со мною место, чтобы показать, поскольку для наших глаз непонятна и трудно уловима та затерявшаяся в горах площадка, которая кормит местного жителя из года в год. По неуловимым признакам, вооруженный только простым глазом, туземец определяет и площадь, и характер пастбища, и время, в течение которого на нем прокормится его скот. Из этого

примера вы поймете, что выяснение долины для нас трудно, а туземец подчас не может объяснить нам тех своих знаний о долине, которыми он сам располагает, и которые для нас были бы интересны. Почему нам и приходится довольствоваться чисто теоретическими соображениями при объяснении, почему именно указанные долины должны представлять собою большой интерес в хозяйственном отношении, а эти соображения таковы: плодородие долин обуславливается тем обстоятельством, что они всегда имеют орошающую или освежающую воду, которой жители могут пользоваться; благодаря относительной высоте и соседним снеговым массивам долины располагают довольно умеренным климатом, в то время как внизу может все губить жара; затем имеются скаты, а с ними возможность организовать водное орошение; почва долин обычно плодородна (хотя, к сожалению, нередко и камениста)... Вот причины хозяйственной ценности этих долин.

Среди этих долин нужно отличать те, которые допускают посев злаков, от тех, которые дают приют только кочевникам, т. е. имеют только траву. Есть какая-то демаркационная линия, на которой кончается произрастание злаков и начинается полоса трав, но уловить эту линию совершенно невозможно. Попытку географов обобщить указанную предельную линию нужно считать малообоснованной, так как она является функцией от слишком многого числа переменных, каковы: высота над уровнем моря, близость или дальность снеговых массивов, направление господствующего ветра, форма обогреваемой поверхности, преобладающий цвет поверхности, степень влажности места и т. д.

В Северной Индии я наткнулся на такие случаи: идешь, например, по поверхности гор, покрытой снегом, а после нее приходится спуститься в долину, значит находишься по приблизительным расчетам не менее, как на 11–12 тысяч футов высоты, т. е. на такой высоте, на которой обычно не встречаются ни ячмень, ни даже гималайское жито; и вдруг, если местные жители знают о вашем прибытии, по склону горы к вам навстречу выезжает посольство и на блюде подносит вам виноград. Оказывается, что в указанной долине даже произрастает виноград. Если географ начнет изучать это неожиданное явление, он без труда найдет объяснение; чаще всего он увидит, что долина представляет собою вогнутое зеркало с фокусом, расположенным недалеко от возделываемых площадок: искусственно сконцентрированная теплота в связи с влагой смягчают и утепляют климат до такой степени, что в долине возможно произрастание даже винограда.

Повторяю, уловить демаркационную линию для науки не представляется возможным, и можно лишь сказать, что эта линия будет чаще всего находиться между 10 и 12 тысячами футов. Я считаю, что этого указания для вас будет достаточно. Из сказанного делаю заключение, что, изучая орографию Афганистана, мы должны не миновать изучения долин и плоскогорий, находящихся между горами, потому что они являются тем орографическим типом, который нам интересен. И когда я буду говорить потом о деятельности народа, вы увидите, что люди, главным образом, живут по впадинам и долинам, только в иные месяцы поднимаются высоко в горы со своим скотом и опять-таки ищут, хотя и более высоких, но долин, сами же горы являются для них, главным образом, препятствием.

Наконец третий орографический тип после гор и высоких долин — это равнины, низко расположенные, т. е. низины, каковы, например, степи, прилегающие к Аму-Дарье, весь юго-западный угол Афганистана или так называемая Сеиранская котловина. Про эти низменные долины нужно сказать, что, если они удалены от источников воды, то они представляют собою несчастное пространство, покрытое красным (желтым) песком или галькой, сухое, бестравное; здесь нет ни жизни, ни пропитания. Эти равнины в жизни народов никакого значения не имели и не имеют. Но там, где близко к низине подходят

склоны гор, и где, пользуясь этими склонами, можно направить воду, там, приложив труд, человек может прежнюю пустыню превратить в место благодати. И история говорит, что некоторые из нынешних пустынь были некогда раем. Возьмите хотя бы афганскую часть Сеистанской котловины. Эта часть ныне на большинстве своего пространства бедна, суха и безлюдна, лишь верблюды кое-где найдут себе, чем напиться, но некогда эта большая равнина, как вам известно, представляла собой богатейшее место. Когда Тимур производил одну из своих ранних операций, то объектом его завоеваний был нынешний Сеистан; операция вначале не задась. При осаде города, метко направленная стрела ранила Тимура в ногу и сделала его хромым на всю жизнь; отсюда, между прочим, и его прозвище “Тамерлан”, как в насмешку его стали называть персы, т. е. “хромой Тимур”. Предание говорит, что, разозлившись, Тимур дал обещание погубить Сеистан навеки, и когда он овладел Гильмендской плотиной, этим чудом своего времени, он приказал ее разрушить. Плотины были разрушены, вода стекла вниз, каналы оросительные иссохли, и скоро пыль поднялась над недавним раем; и до сих пор мы видим здесь почти пустыню, на которой невозможно жить.

Повторяю, эти низменные долины являются теми местами, которые, если не покрыты песком и камнем, представляют собой богатые потенциально оазисы, которые вознаграждают труд человека сторицей, если он проведет к ним воду. В Афганистане таких долин мало. Чтобы вы с этой картиной пустыни и печали могли соединить определенный конкретный образ, не забывайте о них при своих будущих путешествиях. Если кто-либо из вас заинтересуется исторической стороной дела, т. е. вопросом о судьбах этих азиатских пустынь или богатств в прошлом, тот натолкнется на интересные перспективы. В Средней Азии в одной из ее нынешних пустынь, вскрывая слои царящего теперь песка, вы можете открыть остатки былой лестницы дворца, храма. Средняя Азия не была богата мрамором, и его вы не найдете, материал у нее был скромный, но формы были высокие: следы, например, греческого или арабского влияния вы найти можете. Куда же делись постройки, а, значит, города, куда перешли потомки прежних обитателей? Если прочитать историю, то вы в праве сделать догадку, что здесь было какое-то царство, жил народ, имевший литературу, язык, т. е. живший, как и мы живем, но нагрянула какая-то невзгода, все исчезло и тут остался только песок. Если вы хотите добиться, почему же исчезло это государство, то читайте глубже и внимательнее, и вы увидите, что по каким-то причинам протекавшая здесь вода куда-то исчезла, а с нею и исчезла жизнь. Куда река ушла? Вода может быть какими-то слоями просочилась в Каспийское море, может быть погрузилась в землю и исчезла, мог исчезнуть прежний источник влаги. Это сложно, но тут будет много интересного для человека, который захочет заняться этим вопросом.

Воды Афганистана

Таким образом, подводя итоги орографии Афганистана, я должен сказать, что в ней наблюдаются три типа: горы, равнины или плоскогорья между гор и, наконец, низины. Главная роль во всех отношениях принадлежит плоскогорьям и долинам между гор. Горы имеют некоторое значение, но не столь большое. Низины интересны условно. Теперь перейду к описанию вод Афганистана. Я должен остановить ваше внимание на той разнице, которую вы ясно должны себе представить, имея дело с водой Средней Азии, и с той водой, которую вы хорошо знаете, скажем, в Европе. Вы в Европе имеете устойчивые реки, определенного русла, постоянного объема вод, с маленькими изменениями в половодье; река в Европе является прежде всего средством для связи, так как по ней идут пароходы, везутся грузы и люди пользуются ею для передвижения; река является фактором техники, рекой пользуются для питания и очень узко пользуются для орошения. Переходя к водам Средней Азии, вы видите, что назначение воды, которую здесь пользуется человек, совершенно иное. Прежде всего вам приходится почти отбросить

представление, что по реке будет что-то плыть. Таких рек здесь почти нет. А между тем вода, как я уже говорил, является существенным фактором жизни народов, но лишь в другом смысле, чем в Европе. Вода здесь тот существенный элемент, без которого жители Афганистана существовать не могут. Я уже говорил, как ссорятся из-за воды у границ. Другое подтверждение — Тамерлан, который разрушил плотину и сделал из плодородной долины пустыню. Этих примеров достаточно, чтобы пояснить, какую роль играет вода для Средней Азии. Здесь человек, кроме тех высоких мест, которые лежат у линии снега, не может обойтись без искусственного орошения, не говоря про то, что и в высоких местах он помогает себе искусственным орошением. Поэтому влагу нужно рассматривать под тем углом, что она, во-первых, является источником для орошения полей, затем источником для питания человека и животного, и только после этого можно сказать, что это артерии, по которым человек двигается, садится в лодки, на пароходы, перевозит грузы и т. д. С практической точки зрения поэтому мы должны подойти к реке совершенно с другой стороны, чем мы это делаем по отношению к рекам Европы. Что касается военного значения рек, то мы не будем упускать из виду эту область, но здесь она вырисовывается не так рельефно, как в Европе.

Аму-Дарья

Афганистан, как страна по преимуществу горная, изобилующая снеговыми хребтами, богат текучими водами, собирающимися в значительное количество рек, из которых некоторые достигают больших размеров. Главными реками являются: Аму-Дарья и Инд, бассейны которых покрывают собою огромную часть страны (исключается юго-западный угол). Бассейн Аму-Дарьи лежит к северу от западного Гиндукуша, бассейн Инда — к юго-востоку от него. Кроме этих бассейнов, одного внутреннего и другого внешнего, нужно упомянуть еще два внутренних — Сеистанский бассейн и небольшой — озеро Аб-и-Стад. Рассмотрим Аму-Дарью с ее притоками. Я хочу опять повторить, что я, главным образом, оттеняю принципиальную сторону, чисто идейную, не входя в мелочи и цифровые подробности, ибо последние вы найдете в учебниках, а принципиальной стороны в них не найдете, что угрожает тем, что идейная сторона может ускользнуть из вашего внимания, а с нею исчезнет и практическое понимание стран Востока.

Аму-Дарья — “река человечества” — в одинаковой степени поражающая воображение греков и арабов, китайцев и тюрков и более чем три тысячи лет назад последовательно фигурировавшая в литературе санскритских пуран, александрийских историков и арабских географов, уже с одной исторической точки зрения представляет собою одну из привлекательнейших географических проблем. Возьмите хотя бы вопрос о том, впадала ли Аму-Дарья некогда в Каспийское море и если да, то с какого момента она это море сменила на Аральское, или, например, вопрос об ее начале.

Среднее и нижнее течение Аму-Дарьи довольно хорошо было исследовано уже в 70-х годах прошлого столетия экспедициями Зубова, Каульбарса, Обручева, Иванова, Стебницкого и контр-адмирала Батурина (в 1894 году); верхняя же часть Аму-Дарьи или так называемый Пяндж выяснен уже позднее в девяностых годах прошлого и начале нынешнего столетий трудами исследователей Памира, главным образом, русских, а отчасти и английских.

Аму-Дарья (Оксус у классиков, Джайхун у арабов, Потсу у китайцев) берет начало на Памире и сначала под именем Пянджа (в начале Вахан-Дарьи) огибает Памир с юга и с запада, затем круто поворачивает на запад и в этом направлении течет до кишлака (местное название поселка) Босага, откуда, повернув на северо-запад, выходит из пределов Афганистана. Длина течения от истоков до Босага — 1.150 верст, причем более

важный участок, примыкающий к афганскому Туркестану, имеет около 500 верст (от Босаги до Куляба). Поговорим об истоке Аму-Дарьи.

Так как река имела несчастье впутаться в политику между русскими и англичанами, то и потеряла определенные некогда данные о своем истоке. Где она берет начало? По литературе, конечно, скорее политической, чем научной, ей приписаны три начала. Я коснусь этого вопроса с некоторой подробностью, так как вам придется в Средней Азии не раз натолкнуться на следы политической борьбы Англии с Россией, и имеет смысл познать уже теперь колорит, содержание и приемы этой борьбы... она, конечно, далеко не изжита. Дело в том, что по договору (Грэнвильскому) 1873 г. река “Оксус” (Пяндж, по преимуществу) составляла до впадения в нее Кокчи границу России с Бадахшаном и “зависевшим” от него округом Ваханом (явление было чисто временным). По Вуду, верховьем Аму-Дарьи признавалась р. Памир с озером Зор-Куль; это была первая и притом неправильная версия о верховье. Но член Форсайтской экспедиции Гордон усмотрел, что у России можно отобрать еще более территории, если признать за верховье Аму-Дарьи реку Аксу-Мургаб-Бартанг. Эту мысль он и провел, а Роулинсон с удовольствием к ней примкнул (в одном из своих трудов); получилась вторая версия, уже явно нелепая. На самом же деле за верховье р. Аму-Дарьи нужно считать р. Вахан-Дарью, т. е. самую южную версию. Перед вами типичный пример того, как политика гнет “науку” в пользу своих интересов. Англичанам было выгодно утверждать, что наиболее северный источник и является настоящим, а так как России это было невыгодно, то ваш покорный слуга утверждал, что, наоборот, самый южный является искомым истинным источником; разгорелась полемика, создалась ненужная история вопроса (Керзон, Бонвало). Но и теперь перед вами, когда мне не нужно лицемерить, я поддерживаю свои прежние соображения, и мое понимание истока Аму-Дарьи таково:

Река берет начало на северных склонах Гиндукуша на высоте 14.700 футов из ледника, который в английских сочинениях не имеет названия, а у нас назван ледником Барона Вревского. Это огромный ледник, который состоит из трех рукавов. Река выбегает из двух ледяных каверн быстрыми потоками. Самый же источник скрыт от глаз человека. Из-под этого ледника небольшой ручей под именем Вахджира течет в северо-западном направлении 30–35 верст до Базаи-Гумбеца, откуда под именем Вахан-Дарьи течет на запад, до соединения с рекой Памиром; отсюда река получает название Пянджа — значит пять, т. е. пять рек, в пределах Памира течет 400–425 верст [Подробности о реке Пяндже можно найти в труде А. К. Разгонова “По восточной Бухаре и Памиру”, Ташкент, 1910, стр. 117–165.]. В этих верхних частях река интереса собой не представляет. Весь вопрос в том, чтобы вы нашли таджика, который знает, где ее можно перейти. Пяндж представляет собою горную речку; если она течет в узком русле, сжатая горами, и нельзя перекинуть через нее кавказского моста, то в таких местах она непреходима; это — первый тип. Второй тип — это речка, протекающая по долине слабого падения, покрытой галькой, причем река делится на несколько рукавов и вы легко переходите ее вброд или на лошади. Третий тип — река собирается в русло в 150–200 шагов тихого хода и представляет собой типичную европейскую речку, и недостает только лодки, чтобы плыть по спокойной здесь реке. В летнюю пору половодья июнь–август вода держится очень высоко, а, главное, сильно бурлит, получая непрерывное и обильное питание с окружающих горных массивов. Сначала Пяндж питается снегом с невысоких гор, затем ранним летом с более высоких, а в августе с самых высоких. Переправа через нее в эти месяцы очень затруднительна. Что касается зимней поры, то в это время речка становится незначительной, и ее можно перейти вброд где угодно.

В районе Калаи-Хумба, главного города Дарваза, Пяндж делает огромный изгиб и, прорываясь из ущелий к западу, получает свое название Аму-Дарьи. Вы видите на карте

огромный перегиб. Вы поймете, что здесь река пережила большое насилие со стороны тех массивов, которые ее окружают с севера. Здесь целый ряд уступов, хребтов, массивов, которые оказались сначала слишком коротки и недостаточно тверды, чтобы изменить направление реки, и только под давлением надвигающегося следующего хребта, хребта Петра Великого, Пяндж уже делает загиб и поворачивает в новую сторону. В районе поворота река течет в глубокой почти недоступной теснине, составляя непрерывный ряд шумных водопадов, достигая скорости течения в 15 верст в час и, наконец, выходит в долину, где находите пять переправ.

Это тот район, где через Аму-Дарью может быть совершена переправа вброд. Это обстоятельство придает месту большой политический и военный смысл и даже дает начало особому операционному направлению на Индию, которое носит название Бадахшанского. Из пяти переправ три допускают лодочную или турсучную переправу, а две допускают даже переправу вброд, а именно: Биш-Капинская и Пархарская. Они идут по острову Урта-Тугаю, который образован отдельными рукавами Аму-Дарьи и представляет огромную площадь в 25 верст длины при 15 ширины. Урта-Тугай, благодаря малодоступности и густоте зарослей, представляет из себя род естественного зверинца, в котором до последних дней попадались тигры и олени. Желających более подробно ознакомиться с интересными переправами отсылаю к моему труду “Восточная Бухара”.

От кишлака Сарай, несколько ниже Урта-Тугая, Аму-Дарья начинает быть судоходной. Сначала в ходу большие лодки, а затем от Термеза уже и пароходы. Наиболее интересная часть Аму-Дарьи, это примыкающая к афганскому Туркестану. Ширина реки точному определению не поддается; например, на участке от реки Вакша до Келифа ширина колеблется от 250 до 300 сажень, но в четырех местах достигает до 2–3 верст. Наименьшая глубина фарватера — 5 футов, а на указанном участке от 3 до 14 футов. Течение очень сильное; половодье бывает летом, самое высокое стояние воды в августе. Направление фарватера часто меняется, особенно в половодье. Мостов на реке нет совершенно. Переправа через реку совершается на паромках, туземных лодках и турсуках. По реке ходят лодки, и даже имеется пароходство на участке между Чарджуем и Термезом.

Но говоря о пароходстве по Аму-Дарье, нужно иметь определенное представление, что это за пароходство. В Европе это значит, что пароходы идут днем и ночью, по определенному фарватеру, на реке имеются отметки, все вымерено и определено. Здесь другая картина. Перед вами азиатская река, которая бурлит и гонит мутную воду; река страшно капризна, изменчива в своем русле: сегодня в одном месте 7–14 футов глубины, завтра образуется остров или мель, и вы плыть не можете. Ночью пароходы обычно останавливаются. Движение против воды не опасно, и оно протекает довольно благоприятно, но по течению оно уже опасно, потому что, кроме механического двигателя, пароход значительно пользуется силой напора воды. Пароход порою идет уже по песку, а лоцман может этого не заметить, упустив из вида естественный напор воды; едва он успевает сообразить все это, как пароход втискивается в самый песок, откуда трудно выбраться.

По существу река Аму-Дарья и в своем среднем течении остается рекой горной, несмотря на свои необычайные размеры. На срединном течении Аму-Дарьи, от впадения реки Вакша до кишлака Босаги, известно двенадцать определенных переправ, не говоря о незначительных и малоудобных. Бродов эти переправы не допускают. Средствами для переправы являются баржи, перевозы-каюки, турсуки и даже пароходы (Патта-Гиссарская). Переправы носят названия по близлежащим городам или кишлакам. Из них достаточно запомнить следующие четыре, как наиболее важные: Кабадианская (ширина

реки 1½ версты, глубина фарватера 5–7 футов); Патта-Гиссарская или Термезская (ширина 1½ версты; для каюков широка и неудобна, но при помощи пароходов и барж хороша); Гузарская (ширина 1 верста; фарватер идет между мелями; неудобна, но оживлена); Келифская (ширина, 200 сажень; четыре перевоза каюка; самая удобная); Термезская интересна и исторически, так как через нее шли Александр Македонский, Чингиз, Тимур; а через Келифскую идет главная торговля Бухары с Афганистаном.

Что касается вопроса об использовании Аму-Дарьи, как источника орошения, то в этом случае вы встречаетесь с определенными техническими затруднениями, потому что вода реки слишком мутна. Если вы отведете воду из реки в каналы, то она несет вам столько илу, что приходится канал чистить самым систематическим образом. Отбрасываемый на края канала ил повышает его стенки так высоко, что труд по очистке канала становится слишком трудным, не окупающим предприятия. Водой Аму-Дарьи поэтому пользуются только в очень скромных размерах. Вообще при проведении искусственного орошения приходится серьезно считаться со степенью помутнения воды, и в этом помутнении есть предельная линия, за которой вода, как источник орошения, теряет почти всякую ценность.

Притоки Аму-Дарьи

Из притоков Аму-Дарьи нас будут интересовать левые — притоки, которые начинаются у северных склонов Гиндукуша или Кух-и-Бабы. Этих притоков много, но я укажу только следующие: Кокча, Кундуз, Хулм, Балх, Нар и Андхой и, наконец, два западных, Мургаб и Герируд, которые в науке считаются притоками Аму-Дарьи и когда-то, вероятно, в нее впадали, но теперь до нее не доходят.

Два слова о внешнем интересном признаке этих рек. Если посмотреть на карту, то первое, что вы встретите, это то, что река начинается где-то в горах, вскоре по выходе из них имеет наибольший объем, а затем, спустившись в долину, начинает убывать в объеме, а затем разбивается на массу каких-то на карте ниточек, в действительности каналов, и в конце концов река совсем исчезает.

Теперь вы вошли уже в структуру азиатских стран, привыкаете к их особенностям и легче можете следить за моим изложением. Что способствует тому, что река исчезает? — Две причины: человек и природа. Солнце высушивает эту речку, заставляя влагу испаряться, или вода просачивается в землю, а человек убавляет ее, пользуясь ею для своих нужд. Благодаря тому, что горные речки, бегущие с Гиндукуша, имеют значительно чистую воду и лишены мутного придатка, человек, применяет ее на орошение в полной мере. Все эти речки, и в этом их главный смысл, имеют значение, как источник орошения, для всей поверхности афганского Туркестана, а вместе с тем источник всей его жизнедеятельности. Но с этими реками связан в сильной мере и военный интерес. Все они идут в меридианном направлении и совпадают с теми операционными путями, которые от Аму-Дарьи ведут вглубь Афганистана.

Если не упускать из виду, что между реками этими существуют водоразделы, а вдоль этих водоразделов или поперек их двигаться почти невозможно, что время половодья этих рек коротко, то отсюда ясно, что единственными путями в афганском Туркестане и являются те долины, по которым протекают перечисленные нами речки.

Этим я и ограничу рассмотрение этих притоков Аму-Дарьи.

Что касается рек Герируда и Мургаба, то значение их несколько иное. Обе берут начало у западной части Кух-и-Баба, текут сначала в широтном направлении, затем, подходящими к ним с юга хребтами, выворачиваются на северо-запад и, протекая некоторое пространство по равнине, исчезают. Эти реки, которые вначале представляют из себя реки горного характера, выйдя в холмистые пространства, представляют тип разнообразный, в зависимости от тех горных и холмистых масс, в толще которых проходит их русло. Если вы зададите вопрос, что представляют собою эти реки по размерам и глубине, то на этот вопрос ни один географ не ответит. Азиатская река — сплошной каприз. Ширина и глубина их, например, крайне разнообразны и учету не подлежат. Англичане-путешественники не забывают заняться этим вопросом, и в одной работе от 1873 года вам встретится такое замечание, что река у Герата имеет 6 сажень ширины и 1 фут глубины. Но что это значит? Частный одинокий случай и только. В другое время эти цифры будут иные, на другой год не повторятся [Ует, например, говорит о “значительно большей глубине Мургаба в год посещения (декабрь 1885 г.), чем это было в другие годы”. См. С. Е. Jate, Northern Afghanistan, стр. 97.]. Если измерить речку немного выше или ниже, то натолкнешься на совершенно иную картину — будет уже другая ширина и глубина. Одним словом, нужно сказать, что речка Средней Азии трудно уловима в рамки цифры. Если относительно Мургаба есть еще некоторые средние выводы, то это исключение; относительно других рек таковых не будет. Ширина Мургаба от 10 до 30 сажень, и в нижней его части ширина будет другая в сравнении с горной частью. Что касается глубины, то можно сказать, что она колеблется между 3 и 10–12 футами, но эти вехи не дают настоящей картины, это только попытки теоретизировать во что бы то ни стало.

Что касается проходимости этих речек, то вы встретите указание, что, например, река Мургаб имеет несколько бродов: у Меручака, Тахта-Базара, Банд-и-Надира, Кала-Измаила и Бала-и-Мургаба. Но вы должны отнестись к этому заявлению с некоторым коррективом. Собственно говоря, эти реки имеют много переправ, но в данном случае караван или отдельный человек идет определенным путем от колодца к колодцу, почему и пересекает эти речки в определенных местах. Пойди он другою дорогою, он и на ней нашел бы переправу. И в прошлом люди двигались определенными путями и у реки приходили к определенным пунктам, где обычно воздвигалась маленькая крепостца и имел место базар; здесь же создавалась и переправа; географы и отмечали ее, как точку, где только и можно перейти речку. На самом деле это неверно; это только значит, что тут чаще всего переправляются, и совсем не указывает, что нельзя переправляться в других местах. Если переправы через Аму-Дарью представляют собой нечто ужасное и все же их умеют перебороть, то об этих сравнительно небольших речках говорить не приходится. В Азии вообще очень смелы при переправах; ставят, например, арбу на другую арбу и таким образом переправляются: нижняя арба прихватывается канатами к трем лошадям, идущим впереди далеко одна от другой. Одна лошадь может споткнуться, поплыть, провалиться временно в воду, но в это время другие две лошади тянут. Я сам в одном случае, во время китайской войны, таким образом переправлялся через Кара-Дарью; был убежден, что мы тонем; действительно, одна лошадь спотыкалась, захлебывалась, совсем исчезала под водою, но в это время уцелевали две других, арба приостанавливалась, была близко к опрокидыванию, от kloкочущей воды кружилась голова, но мы, в конце концов, все-таки переправились.

Все это я веду к тому, что не нужно отметкам на карте, указывающим на переправу, придавать непреложное значение, теряя надежду найти таковую в других местах. Это опасно особенно с военной точки зрения. Переправляться можно почти всюду, но это, конечно, не исключает необходимости предварительной и внимательной рекогносцировки.

Какое военное значение могут иметь обе эти реки?

Я считаю, что как Мургаб, так и Герируд почти всюду могут быть переходимы, исключая меридиального колена Герируда, где почва настолько болотиста и глиниста, что в некоторых местах нельзя переправиться. Какой смысл этих рек в тактическом отношении? Препятствием служить они не могут, так как невелики и проходимы; с операционными путями они не совпадают и, значит, дорогами долины их быть не могут. Отсюда остается заключение, что смысл этих рек коренится не в тактике, а в экономике, а именно: реки эти дают влагу для живущего населения. Река Герируд питает своей водой огромную долину, которая является одной из самых богатых в Афганистане и про которую англичане говорят, что она “житница Афганистана”. Для наших соображений это имеет глубокое значение. Перед нами такая долина, которую можно рассматривать как передовую, судьбою нам посланную, базу для наших наступательных движений. И вам понятно, почему англичане в своих политических трудах называют Герат “ключом Индии”. Это же подтверждает и история. Приведу одну назидательную в этом отношении, хотя несколько легендарную, справку.

Чингиз двигается в Индию вслед за Хорезмским ханом и посылает одного из своих внуков захватить Герат; он говорит, что Герат имеет очень важное значение, и надо сделать, чтобы “наша спина была свободна”, как он выражается; он настаивает, чтобы внук был решителен, настойчив и суров. Внук является под Герат, осаждает его и, наконец, при помощи техники того времени берет город. Когда он вступал в Герат, то навстречу ему появилась процессия с выражением полной покорности; плач женщин, идущие впереди малые дети, говорит сказание, смягчили сердце молодого победителя, и он внутренне подумал, что дед неправ, — “что могут сделать дети?”... и он решил пощадить детей, жен и стариков; он приказал вырезать всех мужчин, способных носить оружие, а всем остальным даровал жизнь. Уверенный, что он поступил правильно, он отправился к деду. Но молва его опередила; когда он прибыл к Чингизу, последний уже знал как об его поступке, так и о том, что в Герате произошло восстание. Герат снова ожил. И когда внук явился к Чингизу, дед встретил его сурово, показал ему донесение и сказал: “Ты поступил по-своему и вышло дурно; возвратись назад и поправь сделанное тобою преступление”. Но он не отпустил его одного, а дал ему в советники одного из опытных военачальников. Когда был снова взят Герат, то все жители от малого до великого были вырезаны, стены были разрушены и по городской земле прошел плуг. О гибели Герата с его “двухмиллионным” населением и до сих пор помнит Средняя Азия.

Я привел это сказание с двумя целями. Прежде всего я считаю необходимым попутно вводить вас в те особенности истории азиатских стран, которые совершенно иначе характеризуются европейскими историками, а последние будут однообразно говорить, что Чингиз вырезал все иранское население, что это был бич Божий, что жестокость он делал ради жестокости и т. п. Я привел вам факт в другом, скажем, азиатском освещении. Чингиз давал внуку суровую директиву, но она обусловлена была тем обстоятельством, что вся его индийская операция висела на волоске, раз многолюдный Герат, расположенный в плодородной долине, не был прочно обеспечен за Чингизом. Он уже был по южную сторону Гиндукушских перевалов, Герат находился сбоку и в тылу; сентиментальности были не уместны... и Чингиз это понимал. Указанный исторический пример подтверждает, что Герату и в прошлом принадлежала крупная стратегическая роль, обусловленная как его расположением, так и богатством природных ресурсов долины. Эти две стороны — стратегическая и экономическая — и дают оправдание названию Герата “ключом Индии”. Чтобы оценить богатство долины, имейте в виду, что водою Герируда орошается 90.000 десятин земли, при расходе воды около 25 куб. саженей в день на десятину.

Таким образом, Мургаб и Герируд в смысле тактическом не имеют значения. Им принадлежит роль исключительно экономическая, но по отношению к Герируду эта роль будет вместе с тем и стратегической.

Реки Сеистана

Юго-западный угол Афганистана орошается несколькими реками, принадлежащими к внутреннему Сеистанскому бассейну, — Гильмендом, Каш-рудом, Фара-рудом, Хару-рудом и Лорой. Река Гильменд берет начало в Пагманских горах (в западу от г. Кабула), течет в общем к юго-западу, на протяжении около 1.000 верст, и впадает в озеро Хамун (восточное), меняя в своем низовье направление течения сначала на западное, а затем и северное. До города Гиришка река имеет горный характер, но отсюда, принявши в себя слева р. Аргендаб (текущую с Газнийского плато), течет уже спокойной, многоводной рекой. У Гиришка ширина реки доходит летом до полуверсты, река течет несколькими рукавами, из коих самый широкий около 70 сажень; глубина реки в среднем и в нижнем течении не более $3\frac{1}{2}$ футов, течение сильное. Половодье бывает летом, когда река сильно разливается. Из переправ известны четыре, все в районе Гиришка: у этого города, выше по реке, у Санджана и Гайдерабада и ниже по реке, у Кала-и-Биста (при впадении реки Аргендаб). Относительно этих переправ можно повторить все то, что я сказал при рассмотрении переправ на реке Мургабе. Река Гильменд проходима вброд во многих местах, не исключая времени половодья.

Реки Каш-руд, Фара-руд и Хару-руд берут начало в южных склонах Сиях-Куха, текут к юго-западу и впадают: первая в озеро Хамун — восточное (у впадения Гильменда), две остальные в озеро Хамун — западное. Длина этих рек почти одинаковая: Каш-руд и Хару-руд — около 360 верст, Фара-руд — около 400 верст. В своих верхних частях они имеют характер горных рек, но уже в окрестностях городов Вашира, Фараха и Себзеvara — обычный вид азиатских равнинных рек, эксплуатируемых для оросительных целей. В период половодья, бывающий непродолжительное время летом, они сильно разливаются, но в прочее время года несут мало воды, а иногда и совершенно пересыхают.

Военное значение этих рек юго-западной части района очень невелико: протекая в направлениях, не совпадающих с операционными путями через Афганистан, они не могут служить путями сообщения, а неся мало воды, не являются преградами для наступления. Таким образом, они заслуживают внимания лишь настолько, насколько влага, которую они несут из гор, способствует орошению страны и ее культивированию.

По теории, т. е. по наличности падения и качеству воды, эти речки представляют из себя богатые задатки, чтобы организовать на них большие оросительные хозяйства. Если мы такое хозяйство находим в долинах Герируда и Мургаба, если видим даже в долине Аму-Дарьи налаженные поливные хозяйства, то здесь устроить такие хозяйства было бы вполне возможно, но, к сожалению, слишком давно все здесь запущено: речки разболтались, кругом галька. А между тем судьба этой страны, которая в свое время была погублена Тимуром, зависит всецело от того, будет ли создано тут такое хозяйство. Англичане ясно знают, что с устройством орошения здесь будет создан огромный источник благ и страна оживет; теперь же она пока — пустыня, а значение ее рек сводится к тому, что они являются лишь небольшой преградой.

Притоки Инда

Теперь скажу о реках, впадающих в реку Инд. Два слова об общей картине этих рек. Все речки представляют из себя резкий тип горных. Особенности следующие. Прежде

всего дно реки будет, в большинстве случаев, твердое, потому что при быстром течении и при большом напоре, вода домоет дно до твердых пород, так что вы совершенно можете быть уверены, что никакой вязкости не встретите. Затем все эти реки быстро текущие с большим падением. Вода чаще всего собирается в узком ложе и представляет собой замкнутое и стесненное русло. В некоторых случаях образуются водопады. Если вы хотите оценить эту речку с точки зрения препятствий, то здесь все будет зависеть от характера примыкающих хребтов. Подойдут они вплотную, будет почти водопад, и если нельзя перекинуть даже кавказского мостика, то здесь речка останется непроходимой. Если речка протекает по долине, с малым падением, то река расширяется, и она представит собою типичную европейскую речку, которая течет плавно и по ней могут ходить лодки. Следовать долиной горной реки трудно, вы будете изнурены вконец, но она всегда вас порадует и освежит разнообразием своего колорита и бесконечной серией картин. В одном месте, например, вы будете следовать так называемым карнизом, т. е. узкой тропой, висящей над бездной, а под вами будет пропасть, похожая на одну из картин дантовского Ада, куда и зверь не может попасть, и лишь залетают птицы и выют себе гнезда; ваше появление внесет тревогу в их дотоле мирную жизнь, и они поднимут нервный крик. Но пройдя 2–3 версты, вы спускаетесь с карниза в уширенную долину; она укрыта могучим лесом, вы следуете естественной аллеей, словно попали в парк, здесь тепло и уютно, кругом поют птицы и звонко трещат насекомые. Далее вскроется еще какая-либо неожиданная картина... Словом, перед вами сказочное разнообразие, описание которого едва доступно человеческому языку.

Из притоков Инда нас может заинтересовать большой его приток река Кабул. Река Кабул берет начало в Пагманских горах, близ Унайского перевала на высоте 11.300 футов, западнее города Кабула, у этого города сливается с рекою Логар, текущей с газнийского плоскогорья, и затем, принимая в себя слева три крупных притока — Чарикар, Кунар и Сват, течет в общем к востоку и впадает в реку Инд у Аттока. Вся длина течения реки Кабул — 480 верст, по прямой линии — 370 верст. От своих истоков до восточной оконечности Хайберского прохода река течет в горах, несудоходна, но доступна для движения и представляет очень удобный путь для сообщения Пешаверской равнины с Кабулом.

На этом пути организовано почтовое сообщение Кабула с Пешавером при помощи бегунов. На остальном своем протяжении до Аттока река течет по равнине многочисленными извилинами, местами разбиваясь на рукава. В гористом участке переправы вброд возможны, хотя затруднительны; постоянных переправ здесь нет. В равнинном участке имеются: мост у Ноушера (на дороге в Хоти-Мардан и Малаканд) и паромные переправы у Ноушера, Нисота и Мични. Ширина реки у последнего пункта — около 60 саженьей. У Джелалабада (хороший брод) река делается сплавной, у Пешавера — судоходной.

Река Чарикар берет начало в южных склонах центрального Гиндукуша, где составляется из двух ручьев, текущих навстречу друг другу вдоль подножия хребта и являющихся исходной линией для подъема на многочисленные перевалы, ведущие на северную сторону хребта. В этом и заключается существенное военное значение этой реки. Реки Кунар и Сват (Пянджкора) берут начало в южных склонах восточного Гиндукуша, на Читральском нагорьи, и текут к юго-западу до впадения в реку Кабул извилистыми горными ручьями, очень быстры и во многих местах своего течения труднодоступны. Однако при труднопроходимости той горной страны, по которой они протекают, эти реки все же являются в некоторых местах единственными направлениями, по которым могут проходить пути, ведущие из местностей, лежащих между Кабулом и Пешавером, к Читралу. В нижнем течении Кунар является сплавной рекой; долина ее укрыта лесом.

Река Курам берет начало южнее Кабула, в окрестностях Шутургарданского перевала течет в общем в юго-восточном направлении: до города Таля — в горах, а далее по равнине до реки Инда, с которым сливается верстах в 35 южнее Калабага. Вся длина течения — около 250 верст, из них в горах около 130 верст. Река и ее правые притоки — Кайту и Точи — имеют большое военное значение, потому что по их ущельям пролегают пути, связывающие долину реки Инда с городами Кабулом и Газни.

Река Гумал вытекает из южных окраинных хребтов Газнийского плоскогорья, течет весьма извилистой линией то к северо-востоку, то к востоку, то к юго-востоку, при выходе из гор принимает справа реку Зхоб, текущую с юго-запада и, пробежавши верст 100 по равнине, впадает в реку Инд южнее Дери-Измаил-Хана. Длина реки — около 300 верст, длина ее притока реки Зхоба — 250 верст. Значение реки Гумала определяется нахождением в ее долине известного Гумальского прохода в Сулеймановом хребте, на пути из города Дери-Измаил-Хана в город Газни.

Этим я считаю описание орошения Афганистана оконченным. Перед вами иная географическая тема, не похожая на европейскую. Азиатская река почти всегда горная, сплавом по ней почти не пользуются; она является стратегическим путем или просто вашей дорогой. Иногда вам придется ее рассматривать, как преграду большую или малую, но главное ее значение сводится к ее оросительным способностям, и с этой стороны, главным образом, приходится оценивать реки Афганистана.

Глава третья

Климат Афганистана. — Средства Афганистана.

Климат Афганистана

Следующим отделом на нашем пути является отдел о климате Афганистана. Мы подходим опять к такой же трудной теме, какими по отношению к восточным странам являются и другие, но я скажу, что тема о климате будет пожалуй еще более трудной. Вам совершенно ясно, что вопрос о климате может быть в географии выявлен только путем определенного цифрового материала. Цифры эти должны быть точны, правдивы и достаточны в своем количестве, чтобы из совокупности и комбинаций их вы могли вывести правильное заключение. Климатологические исследования в Индии, например, поставлены блестяще и допускают определенные и вполне надежные предугадывания крупных климатических событий, но посмотрите, сколько для этого нужно иметь станций, какую массу рабочих, какой сложный и строгий учет явлений. Можно ли на это рассчитывать в Афганистане? Где вы можете получить определенные цифры? В долине Кабула, в крупных центрах страны вы можете рассчитывать найти даже и метеорологические станции, относительно афганского Туркестана (хотя бы северной его части) можете пользоваться станциями Термеза и Керки. Вот и все. Какие у вас другие материалы, которые дали бы возможность характеризовать определенными словами климат Афганистана? Таких нет. Отдельные указания вы найдете у путешественников. Путешественник обычно занесет в дневник, что он в таком-то месте и в такой-то день мерз, или ему было тепло, упомянет о сырости, посмотрит на термометр; но на какой высоте это было, в каких горах, утром или вечером, он часто об этом не скажет. Значит, этот материал, сказания путешественников, характеризуется неточностью и несвязностью. Затем о климате можно судить по растениям и до некоторой степени по животным. Здесь растет хлеб, живут такие-то животные, значит, имеется такой-то климат, но деспотичная и культурная рука человека сильно понизила роль этого фактора. Наконец, соображения о

высоте могут дать вам некоторый намек. Вот тот небольшой цикл сведений, которые вам дают право сказать что-то о климате. Это, конечно, немного, почему и нет ничего мудреного, что определения климата у исследователей азиатских стран отличаются крайней субъективностью. Чаще всего в этих описаниях вы натолкнетесь на слово “континентальный”; будут ли вам говорить об Афганистане, северной Индии, восточной Бухаре, об Усть-Урте, безразлично. Это несомненная ошибка.

Под словами “континентальный климат” мы разумеем в науке климат сухой, с резкими сменами температуры в течение суток и в течение времен года. Но эти два главных условия, сухость и резкость смен, когда говорят об Афганистане, Памире или восточной Бухаре, наблюдаются далеко не всюду, и климаты этих районов в целом не дают ничего похожего на континентальный климат. Я приведу вам интересный образчик описания климата Афганистана из небольшой брошюры А. Андогского “Военно-Географическое исследование Афганистана”. Вот эта картина климата в полной ее неприкосновенности: “Климат Афганистана крайне разнообразный, — что зависит, главным образом, от различной высоты частей страны над уровнем моря, — и вообще континентальный. Крайности температуры представляют большие и быстрые колебания, не только при переходе от зимы к лету, но и от ночи ко дню. В частности: на вершинах Гиндукуша, Кух-и-Бабы и Сефид-Куха царствует вечная зима; на горных плато среднего Афганистана лето прохладное, зима продолжительная с морозами и глубокими снегами; в горных долинах — климат умеренный, в местах низменных летом очень жарко; в северной равнинной полосе — лето знойное, а зимою редко выпадает снег; в юго-западной равнинной части — климат жаркий.

Весна обнимает период от февраля до конца апреля, переходя за половину мая в нагорных склонах и плато. Это время изобилует водою и подножным кормом; реки сильно разливаются и затрудняют переправу. Ночи холодные, дни почти летние. Разница в температуре дня и ночи весьма ощутительная сначала, — весьма незначительна с конца марта. Это время вполне благоприятно для расположения войск биваком.

Лето начинается различно — с конца апреля до конца мая. Наибольшая жара в июне—августе. Небо все время безоблачно. Летний зной быстро уничтожает подножный корм; реки пересыхают. В долинах, где вследствие недостаточности и неравномерности орошения Афганистана, главным образом, сосредоточивается жизнь, днем удушливая жара, а с закатом солнца поднимаются губительные малярийные испарения. Масса оросительных каналов, перерезывающих долины во всех направлениях, способствует развитию этих крайне вредных для здоровья климатических условий. Мириады мух и мошек еще более увеличивают мучения, причиняемые летним зноем. В сентябре ночи прохладны и разница в температуре дня и ночи достигает 20°C. Вообще лето следует признать во всех отношениях крайне тяжелым временем года. Средняя его продолжительность около 4–5 месяцев. — Бивакирование войск ставится в неблагоприятные условия: развитие болезненности в долинах требует вынесения биваков на нагорные склоны, а это значительно удалить войска от воды.

Осень наступает с конца сентября и характеризуется холодными ночами в северной части страны и изредка дождями. В это время долины и склоны гор оживляются появлением новой зелени, а в реках заметно прибывает вода. Болезненность в долинах значительно ослабевает. Средняя продолжительность осени 3–3½ месяца. Расположение войск биваком не встречает неудобств в долинах горного треугольника и равнинах южной части страны.

Зима продолжается в среднем 2 месяца. В горах она чрезвычайно сурова; большинство перевалов безусловно закрываются вследствие сильных метелей и глубоких снежных заносов. В долинах зима мягкая; снег лежит иногда лишь несколько дней. В южных частях Афганистана снег не выпадает, и зима считается самым приятным временем года; только здесь и удобно в это время располагать войска биваком”.

Разве вы не чувствуете, что автор сплошным образом примышляет и фантазирует, почему из его общих фраз и гибких словесных уверток вы и не можете, конечно, создать какого-либо конкретного образа. Такое описание, которое предлагает вам А. Андогский, вы могли бы, с заменой лишь приведенных им собственных имен другими, с одинаковым правом применить и к западному Памиру, и к восточной Бухаре, и к горной системе Тяньшаня, и к Дардистану (часть северной Индии). У других авторов описание климата Афганистана выходит еще более странным, сводящимся к той общей мысли, что на Гиндукуше климат холодный, на склонах он становится более умеренным, а на низинах уже жарким... формула, легко распространяемая на климаты горных стран всего мира, включая сюда и планеты Марс, Венеру и пр.

Типично, что, как только авторы подходят к решению какого-либо конкретного вопроса, связанного с климатом, они сейчас же резко между собою расходятся. Например, обсуждая вопрос, в какую пору года наиболее удобны в Афганистане военные операции, они отвечают все разное: В. Ф. Новицкий говорит, что “лучшим временем для наступления войск и ведения военных действий следует считать время с конца лета до конца зимы (с августа по октябрь)”; П. А. Риттих решает вопрос иначе: “Лучшее время для наступления наших войск — весна, с половины февраля до конца апреля; в горах центрального Афганистана лучше двигаться летом”; и, наконец, А. И. Андогский решает вопрос еще в иной версии: “Наиболее благоприятным для военных действий временем года, по его мнению, является в северной и средней (гористой) частях Афганистана — весна (март, апрель и половина мая), а в южной — конец осени и зима (ноябрь, декабрь, январь и февраль)”. Эта рознь в существенном итоге о климате показывает всю непрочность и условность того масштаба, которым авторы руководились. В оценке А. И. Андогского надо указать и на фактически ошибочную справку. Через гористую часть Афганистана очень трудно идти в указанные им месяцы, так как в первые два слишком велик снег [Укажу еще на сильные бураны, о которых нам говорят путешественники. “These mountains are liable to sudden and severe storms at this time of the year”, говорит Uem о Гиндукуше, разумея, правда, октябрь месяц, но они бывают и весною. Northern Afghanistan, стр. 325.] (укажу на один из походов Бабура из Герата на Кабул Газарейской дорогой, т. е. долиной Герируда или на поход Тимура против Кафиристана в марте и апреле 1398 г., перед походом на Индию), а в мае снег слишком уже рыхл и въюк будет вязнуть; движение же зимой не всюду хорошо в южной части Афганистана, например, по маршруту Кандагар—Газни—Кабул путешественник попадает на ужасную стужу, большие ветры, а в некоторых местах (южнее Газни) и большие снега, что грозит и людям, и животным даже смертью [См. А. Martin “Under the absolute Amir” 1907 или русский перевод А. В. Омеляновича, стр. 24–27)].

Повторяю, выяснение вопроса о климате Афганистана, чтобы не уйти при оценке его от необходимой научной точности, а с другой стороны, чтобы получить выпуклую и жизненную картину климата Афганистана, представляется делом трудным. В этом вопросе я примыкаю к исследователям северной Индии, которые, подходя к вопросу о климате этой страны, остановились на других приемах и называют этот климат горным, т. е. проводят широко ту идею, что при оценке климата данной страны главным фактором является превышение мест над уровнем океана. И если мы с этой точки зрения попробуем рассматривать климат Афганистана, то мы скоро уловим отличительные черты его, если

не в целом, то, по крайней мере, в определенных частях. В своей небольшой работе “Восточная Бухара” я применял уже этот прием и, разделив всю восточную Бухару на четыре области, по степени превышения каждой из них над уровнем океана, старался выяснить климат каждой в отдельности. Я думаю, что и относительно Афганистана мы можем применить тот же метод и даже взять те же четыре рубрики.

Я называю климат Афганистана горным потому, что существенным фактором, влияющим на климат Афганистана, являются его горы, делающие из страны высоко поднятый рельеф, покрытый в некоторых частях вечным снегом, в других — долго лежащим снегом и подверженный поэтому тем влияниям, которые обусловлены уже одним фактором большого превышения: как, например, более редкий и подвижный воздух, более скорая нагреваемость, но такое же скорое остужение и т. д. Но эти же горы оказывают решительное влияние и на прилегающие холмы и равнины. Другие причины, которые влияют на климат Афганистана, очень разнообразны, но уже менее существенны: например, географическая широта, близость или дальность места от снеговых массивов, открытость долины в сторону тепла или в другую, откуда идут холодные ветры из-под ледников, топографический характер долины, т. е. является ли она тем вогнутым стеклом, которое собирает лучи солнца, или, наоборот, она разбрасывает тепловые лучи в пространство и т. д. Правда, бывают случаи, когда один из этих факторов является решительным, например, когда долина является тем коридором, через который проходит сквозняком холодное течение воздуха с ледников... долина в этом случае будет всегда студеной и нездоровой.

Говоря о климате Афганистана, как о климате горном, я могу его подразделить на такие четыре типа. Первый тип — площади или плато, находящиеся на высоте не ниже 8000 футов, в среднем на высоте 8–11 тысяч футов. Климат таких площадей мы в праве назвать континентальным, суровым, но здоровым. Признаки его такие: зима обычно длинная и суровая; снеговой покров держится от 7 до 8 месяцев, тепло держится 3–4 месяца или в более низких или укрытых местах от 4 до 5 месяцев, причем почва, чтобы дать выход траве, должна просыхать и отогреваться еще 2–3 недели после того, как сойдет снег, так что кочевники могут пользоваться такими площадями и плато в году не более 3–3½ месяцев. Другая особенность этого климата состоит в том, что снег выпадает очень большой. Здесь произрастают только питательные хорошие травы, хотя невысокие, но очень сытные, сильные, как об них говорит кочевник; и лошадь самая худая может поправиться на такой траве через 2–3 недели. Единственным злаком, с которым мы встречаемся на этих высоких плато, будет гималайское жито или голый ячмень, и то лишь в том случае, если плато находится под влиянием теплых ветров. Таков этот тип климата, и я бы предложил назвать его климатом высоких горных плато.

Следующим по высоте является климат долин, находящихся на высоте от 4 до 8 тысяч футов. На этом типе климата нужно особенно остановиться потому, что это превышение особенно типично для равнин Афганистана. Эти равнины являются источником богатства страны. Климат их можно приравнять к климату нашей средней России, но только с той разницей, что летом тут будет значительно жарче. Это большее поднятие средней температуры летом обуславливается тем, что Афганистан лежит значительно ближе к экватору и, значит, солнце будет стоять выше в своем зените. Затем в горных долинах тепло в большой мере отражается к ним от скал; и, наконец, в тихое время по долинам слишком мало протоку воздуха. Эти обстоятельства и обуславливают ту разницу, что климат Афганистана в долинах летом жарче, чем в нашей средней России. Зима приблизительно такой же длительности, как и у нас, но отличается большим снежным обилием. В некоторых долинах снег выпадает очень глубокий, заносит кишлаки (общее название для поселка) и запасы фуража. Если, например, сено далеко от домов, то до него

бывает трудно добраться, и скот гибнет. Что касается весны и осени, то весна здесь дождливая, дождь нередко идет от 5 до 10 дней непрерывно, осень очень ровная и является лучшим временем года. Относительно влияния этого климата на здоровье человека нужно сказать, что этот климат следует назвать здоровым. Он достаточно теплый, почва не имеет злостных испарений, смены тепла и холода не резки, потому и нет лихорадочных заболеваний. Вода в изобилии и обычно прекрасного качества. Что касается злаков, наблюдаемых в этих долинах, то обилие влаги и хорошая почва дают начала прекрасным травам, а большая теплота, чем в средней России, дает возможность произрастать кроме тех злаков, которые растут у нас, и многим другим, более южным. Назовем этот второй тип по аналогии с первым климатом возвышенных плато или долин, расположенных на высоте от 4 до 8 тысяч футов.

Затем идет климат степных или холмистых районов, лежащих на высоте от 2 до 4 тысяч футов. Этот климат степных и холмистых районов может быть сближен с климатом нашей южной России, но с той разницей, которая обусловлена более близким расположением районов к экватору и потому большим запасом общей теплоты. Вот почему мы здесь встречаемся с некоторыми особенностями, которые отличают климат этих частей Афганистана от климата наших черноморских степей. Прежде всего вы имеете перед собою картину знойного лета, которое будет длиться 6–7, даже 8 месяцев; осени же и весны, наоборот, почти не существует. Кто жил на юге России, весны порою мог не заметить: сошла вода снегов, сразу становится сухо и знойно; осенью нечто подобное, но в обратном порядке, — только кончилась слякоть и уже все покрыто снегом. Но это встречается как исключение, и весну с осенью вы все же заметите, а между тем в холмах Афганистана весна и осень часто совершенно незаметны: только сбегала с гор вода, сошел снег и через каких-либо 2–3 недели летний зной. Вы ожидаете ровной и длинной осени, но прошла после зноя неделя–другая и уже все покрыто снегом, зашумели бураны. Таким образом, в этих холмах вы имеете длинное знойное лето, до крайности краткие весну и осень и небольшую зиму, но достаточно суровую, с большими метелями, при которых люди нередко гибнут от ветра и мороза. Дело в том, что морозы не являются в этих местах правилом, а тем более снежные метели, кочевник же небрежный, кочующий, плохо одетый (особенно бедный люд и пастухи табунов в стаде) может оказаться застигнутым врасплох, сбиться с пути, и он часто замерзает — жертвою своего кочевого легкомыслия и капризов климата.

По влиянию на здоровье климат холмистых степей нельзя назвать нездоровым, но уже попадают заболевания, по форме приближающиеся к лихорадочным. Трудно сказать, являются ли эти заболевания принадлежностью этих районов (эндемические), или они заносятся сюда из более низких мест, но во всяком случае в этих горных плато наблюдаются лихорадочные заболевания, правда, не очень злые.

Четвертым типом климата будет климат низменных долин, ниже 1½–2 тысяч футов высоты. Это климат жаркий и очень нездоровый. Лето нестерпимо знойное и душное; июнь, июль и часть августа здесь очень трудно жить, не говоря уже о комарах и мошке, которые беспощадно жалят, особенно ночью. Духота такая, что даже ночью нет отдыха. Кому приходилось ночевать при путешествии, например, по восточной Бухаре в районах возле Аму-Дарьи, тот знает, как душно здесь ночи летом, как страстно ждешь, чтобы ветерок хоть немного своим движением охладил зной. Вы проваливаетесь от зари до зари весь мокрый, тяжело дыша, бессильный заснуть. Что касается влияния на здоровье, то этот климат очень нездоровый; особенно там процветают лихорадочные заболевания всякого типа. Насколько злы и разнообразны эти лихорадки, я приведу пример из моего путешествия по восточной Бухаре летом 1904 г., когда бывшая со мной небольшая партия казаков вся переболела лихорадкой. Один казак чуть не умер, другой как будто

благополучно доехал до Скобелева, но здесь с ним вновь случился страшнейший пароксизм. Оказалось, казак где-то схватил особенную лихорадку, пароксизм которой повторялся ровно через две недели; 13 дней человек был здоров, на четырнадцатый тяжело болен. Эта форма лихорадки оказалась очень упорной, и мне передавали, что больной повез ее в свою родную станицу.

Предпринимая путешествие в эти страны, вы должны иметь ввиду, чего нужно опасаться. Прежде всего нужно осторожно относиться к воде. Как бы она чиста и прозрачна ни была, бойтесь ее пить, потому что часто это будет отравка. Я в этом отношении с казаками держался самого строгого режима. Если кого из них находили, вопреки приказа, пьющим воду прямо из ручья, то разрешалось бить его плетью, если он не тотчас же переставал пить: этим суровым приемом его спасали от смерти. Но простой человек остается простым, и сколько ему ни говори, что опасно пить сырую воду в этом районе, он вам будет повторять, что она чистая, как кристалл, что она ключевая, — в душе он вам просто не верит, да и не может удержаться. Нужно, во всяком случае, брать с собою в дорогу кипяченую воду. Второе условие. Особенно опасным является период захода солнца, когда спадает дневной жар и начинаются ночные испарения с резко наступившей свежестью. В это время лучше всего быть под крышей, если это возможно, но если вы окажетесь в дороге, то остерегайтесь раздеваться, старайтесь быть закутанным. Третье условие. Когда вы путешествуете по горному району, не забывайте, что вы в течение одного дня часто переходите из одного климата в другой, что обычно нами переживается на пространстве длинного времени. Вам придется часто переваливать через перевал, а это значит — через 2–3 часа входить в другую климатическую сферу, из теплого места вы можете попасть в такое, где лежит вечный снег, затем скоро вновь начинаете спускаться и, значит, возвращаться в места с более теплым климатом, вообще проделать путешествие от полюса к экватору и обратно, организм же такие переходы выдерживает не легко. Вы должны в этих случаях поддерживать одинаковую температуру тела, а для этого должны определенным образом одеваться. То вы будете в белой легкой одежде, потому что душно, и солнце пронизывает вас, а раз начинаете подыматься в горы, вы должны набросить на себя что-либо теплое, а наверху вы можете быть наденете даже шубу. Такое же переодевание вы должны будете проделать вновь, но только в обратном порядке, если начнете спускаться с гор. Не забывайте моих слов и придайте им должное значение, потому что, если вы не будете соблюдать эти простые правила, особенно не удержитесь от питья сырой воды, ничто вас не спасет от заболеваний в этих нездоровых районах.

Итак, говоря о климате Афганистана, я называю его горным и улавливаю в нем четыре типа. Первый — климат высоких горных плато на высоте 11–8 тысяч футов, второй — климат возвышенных долин на высоте 8–4 тысяч футов, затем климат холмистых и степных районов на высоте от 4 до 2 тысяч футов и, наконец, климат низин на высоте 2–1½ тысяч футов. Первый климат холодный, суровый, но здоровый; второй климат умеренный, напоминающий климат средней России, но с более знойным летом и с более широкими ресурсами в области флоры; третий — климат наших черноморских степей, но только с более знойным летом, почти без весны и осени, с признаками нездоровых лихорадочных заболеваний; наконец, климат низин — знойный и нездоровый. Если мы этот масштаб переведем на отдельные районы Афганистана, то мы сможем, хотя бы приблизительно, сказать, какой климат вы здесь найдете, раз вы будете знать превышение местности. Если вы будете путешествовать или внимательно следить за каким-нибудь путешествием и не забудете вопроса о климате, то вы увидите картину, довольно близкую к моим описаниям. Вспомните, кто читал описания Бернса, Вамбери, доктора Яворского, Иета, Робертсона, Мартина и других, и вам будет теперь понятно, почему они говорят о больших снежных заносах на склонах Кабульской террасы (второй тип климата), о лихорадочных заболеваниях афганского Туркестана (четвертый тип), о прекрасной и

питательной траве Гиндукуша (первый тип) и т. п. Эти отдельные факты подтверждают правильность построенной мною климатической схемы. С другой стороны, если вы, пользуясь этой схемой, хотите из нее сделать вывод относительно климата для намеченного вами района, то определите прежде всего его среднее превышение, как исходный и главный фактор. Кроме того, учтите некоторые другие данные — место широты, удаленность района от снеговых массивов, наличие рек, характер почвы и т. д. и затем пользуйтесь данной схемой. Испытаем ее на карте. Части афганского Туркестана, прилегающие к Аму-Дарье, или пустыни, вроде Регистана или Дешт-и-Марго, являются низинами и, значит, их климат надо относить к четвертому типу; оно так и есть. Разница, в зависимости от разницы в широте и в количестве влаги, сведется, например, к большой знойности климата Сеистанской котловины, по сравнению с левобережной частью Аму-Дарьи. Районы среднего течения рек Балха, Хулма, Кундуза или южных отрогов Сиях-Куха будут районами степных холмов и, согласно результатов русских рекогносцировок или данных в трудах Иета или Вамбери, вы в них и найдете климат холмистых районов, т. е. третий из приведенных нами климатов.

Я считаю, что как с научной точки зрения, так и с практической, намеченная мною климатическая схема заслуживает внимания, и пора, отбросив сказки о континентальном климате, постараться углубить и доказать эту схему или ей подобную. Если при вашем путешествии вы найдете какие-либо в ней недочеты или неточности, то было бы очень интересно получить нужные коррективы. Пока же она достаточна, чтобы иметь перед нами общую картину климата Афганистана.

Средства Афганистана

Теперь я должен бы перейти к вопросу о населении, но сначала скажу о средствах и деятельности населения страны. То обстоятельство, что вы видите перед собою на значительно большей площади такое небольшое количество населения, которое англичане определяют в 4 миллиона человек, а исследователь А. Г. Кене в 1880 году — в 6 миллионов, говорит о какой-то скромной норме и прежде всего о том, что эта страна не богата. Что бы ни говорили англичане, какие бы фразы вы не встречали о том, что это — житница, что интересно было бы поднять эту страну, вы не должны этим обольщаться. Перед вами ясная картина, что в настоящем страна эта бедна, но, увы! — мы имеем историческое подтверждение, что она и раньше была и бедна, и неинтересна; мы можем даже сказать, что эта страна останется такою и в будущем. Главные средства Афганистана распадаются на две части в зависимости от занятий жителей: на средства от земледелия и на средства, от кочевья. Но я должен оговориться, что и к этому вопросу я опять-таки подойду несколько с иной стороны. Базироваться в Афганистане на годичный оборот внешней торговли, для выяснения ее хозяйственных ресурсов, не приходится, так как эта область народной деятельности развита слабо, стеснена политически и не находит в стране широких и прочных навыков. Условия торговли стеснены со многих сторон. Англичане боятся пускать в Афганистан русских, жители Афганистана не любят и не умеют заниматься торговлей, а торгуют по преимуществу персы, индусы, да отчасти таджики; пути сообщения плохи... все эти обстоятельства страшно тормозят развитие торговли. Учитывать народные средства непосредственным наблюдением и учетом нельзя; статистических подсчетов нет никаких... Словом, чтобы подойти к вопросу о средствах населения Афганистана, нужно сделать это какими-то иными путями, и во всяком случае повести дело с большой осмотрительностью.

Прежде всего я обращаю ваше внимание на то, как я уже и говорил один раз, что Афганистан, большая страна по площади, может питать только около 5–6 миллионов человек населения. Это должно прежде всего броситься в глаза и намекнуть на то, что

перед нами страна с ограниченными ресурсами. Если мы обернемся в глубь истории, мы увидим, что эта страна и раньше не была густо населенной, что некоторые ее места обычно пустовали, что здесь всегда были лишь определенные гнезда населения, как, например, Гератская или Кабульская долины, так называвшаяся область гор, в западном разветвлении Гиндукуша, словом, были какие-то очаги, которые располагали достаточно массивным населением, но история говорит, что и эти массы были невелики и представляли из себя скорее временные шайки, которые держали всех под впечатлением силы и страха, силою этой богатели и согнанным со всех углов Средней Азии народом создавали ошибочную картину многочисленного государства.

Это первый фактор, на который обращаю ваше внимание.

Другой фактор такой. Если вы просмотрите английские издания о торговле, например, торговлю за 1910 год (согласно *Statesman's Yearbook*), то должны прийти к выводу, что торговля эта невелика и неразнообразна. Общий оборот, т. е. сумма ввоза и вывоза индо-афганской торговли, равнялся в 1909 г. 1.314.733 фунтов стерлингов, т. е. немного менее 13 миллионов рублей на наши деньги. Англичане везут бумажные ткани, сахар, чай, краски; получают из Афганистана плоды и овощи, лошадей, съестные припасы и, как небольшую статью, зерно и стручковые. Наша торговля с Афганистаном, по сумме ввоза и вывоза, много лет держалась цифры 4 миллионов рублей. От нас Афганистан получал мануфактуру, сахар, посуду, чугунные изделия и т. д., а нам давал продукты скотоводства, фрукты и ковры... Эта скромная картина товарообмена опять-таки показывает вам, что Афганистан страна не богатая.

И история дает некоторые указания в этом отношении своими рассказами о военных походах с точки зрения обеспечения их, возможности делать где-либо остановки или создавать достаточно прочные и долгие базы в таких местах, например, как Кабульская долина или район Кандагар–Газни. Здесь, как мы знаем, некоторые военачальники держались несколько лет. Эти факты дают некоторую картину ресурсов страны в прошлом и она опять-таки является скромной.

Афганские войны, ведомые англичанами, так называемые первая и вторая, также подтверждают ту же мысль, что Афганистан беден, что если некоторые углы его и могли, например, доставить некоторое продовольствие Робертсу, то довольно скромное и ценой последующих мятежей со стороны населения. Все указанные данные приводят нас к тому общему выводу, о котором мы уже говорили не один раз, что Афганистан страна бедная... вывод, на котором остановились и наиболее серьезные из англичан.

Деятельность населения распадается на две главных отрасли, — земледельческую и кочевническую. Остальные виды ничтожны своими размерами и значением по сравнению с этими двумя.

Относительно продуктов земледелия нужно упомянуть, как о главных: пшенице, ячмене обычного типа или голом (гималайское жито), просе, кукурузе, джугаре и рисе; горох, бобы являются уже, как продукты подсобные. Нужно еще отметить, что в южных частях наблюдается две жатвы — озимая и яровая. К озимой относятся: пшеница, ячмень, бобы и горох, а к яровой — рис, просо, джугара и др. Для озимой жатвы сеют осенью и хлеб снимают летом, а для яровой сеют в конце весны и собирают осенью. Кроме этих хлебных злаков, культивируются еще марена, табак, хлопок, опиум, конопля, клевер и люцерна. Клевер и люцерна идут на корм скота, из конопли изготавливаются опьяняющие средства, а марена, табак, хлопок и опиум вывозятся за границу. Пшеница служит главной пищей

населения, ячмень и джугара даются лошадям, арзан и кукуруза разводятся для кулинарных целей.

Кроме хлебопашества, в Афганистане сильно развито огородничество. Плоды культивируются в садах, вместе с огородными овощами, и растут также в открытом поле (бахчи). К первым относятся яблоки, груши, миндаль, персики, абрикосы, сливы, вишни, виноград, винные ягоды, айва, гранаты и тутовые ягоды, грецкие орехи, фисташки, ананасы и ревень, растущий в диком виде на северных и восточных горах. Домашние овощи играют крупную роль в экспортной торговле, но также и культивируемые растительные продукты, как, например, касторовое дерево, горчица, кунжут и вонючая камедь (*assafoetida*) имеются в большом изобилии. На полях (бахчах) растут дыни разнообразнейших сортов (славятся кандагарские), арбузы, огурцы и помидоры.

Я говорил уже раньше, что главным продовольственным рельефом страны являются горные долины, лежащие не выше 9 тысяч футов, и что здесь находит себе главное применение народная деятельность. Самыми же богатыми районами в стране, где можно ждать некоторого излишка, будут: Гератская долина, долина Кабула, район Кандагара и некоторые части афганского Туркестана.

Наше внимание по военным соображениям должно быть остановлено прежде всего на Гератской долине. Согласно некоторых рекогносцировок удалось выяснить, что здесь избыток хлебов довольно значительный и что он в переводе на пшеницу сводится к 700 тысяч пудов, за удовлетворением потребностей населения и скота. Так говорят англичане, так говорят и наши рекогносцировки. Но мне хочется обратить внимание на подозрительную точность цифры и на не менее подозрительную научную тонкость вывода. Нужно сказать, что за продуктивностью земледелия в Средней Азии следят внимательно и систематично и следят именно предрешающие власти, которые, главным образом, и питаются этим источником народного труда. Тут на учете каждый сноп на поле и каждый родившийся ягненок. Но эти знания властей глубоко секретны и их много труднее добыть, чем любой план европейской крепости. Масса же народная во всяком наблюдателе и расспрошке видит того или иного соглядатая хана, бека, аксакала (старшины) и т. п. и старается всеми силами скрыть достояние своего труда, чтобы уберечь его, буде возможно, от посяганий власти. Как же поэтому могла получиться цифра о 700 тысячах пудов?

Кроме того, нужно упомянуть, что первоисточником для выводов о богатстве Гератской долины послужила книжка Артамонова "Гератская провинция", автор которой в свое время был известен своей беззастенчивостью в области географических открытий; часто утверждая то, чего не видал и не проверил, создавая маршруты, лично не всегда посетив основной дороги и т. д. Верить его цифрам так же опасно, как и тому крокодилу, на спине которого автор когда-то, уже после азиатских исследований, благополучно переправлялся через Нил.

Поэтому я думаю, что 700 тысяч пудов это и гадательно, и вероятно преувеличено; однако, принимая во внимание, что орошаемая площадь Гератской долины доходит до 90 тысяч десятин [Эту цифру получить уже можно путем тех или иных приемов.], мы можем по норме дохода орошаемой десятины предполагать, что запас излишков в долине во всяком случае большей, а может быть и неособенно далекий от 700 тысяч пудов.

Что касается Кабульской и Кандагарской долин, то об этих ранее богатых районах, в последние годы были сведения, что будто бы обычная их плодородность пошатнулась. Ряд голодных годов, засух и других причин, которые трудно уловить, может быть и

потребность держать непомерно большую для Афганистана вооруженную силу, все это, с одной стороны, понизило урожай и, с другой — заставило обложить население излишними налогами, что в результате подорвало интерес населения к земледелию. И были сведения, что эти долины теперь уже почти не в состоянии пропитать своего населения. Во всяком случае, если исключить Гератскую долину, да еще, может быть, и Кабульскую долину, в которых есть продовольственные излишки, то в остальном останется страна, которой дай Бог прокормить только свое население. В подтверждение можно сослаться на данные из второй афганской войны: лорду Робертсу пришлось для восполнения продовольственных средств прибегнуть к реквизициям и, хотя таковые были организованы в разумных пределах, но англичанам не помогли, а в народе вызвали мятеж... значит, брать было не из чего.

Я хочу оттенить еще один факт, который заставит нас еще более понизить наши предположения о земледельческих ресурсах Афганистана.

В европейских странах делаются учеты продовольственных доходов и расходов по определенной программе, причем в основу кладется особый коэффициент расхода, который приходится на душу населения, в азиатских же странах этого сделать нельзя и приходится считаться с особой обстановкой потребления; кочевники, например, обходятся почти без хлебных запасов и свою норму потребления муки доводят до минимума. Кара-киргизы только с приходом русских на Памир стали достаточно потреблять хлеба, а раньше таковой ели только баи (богачи), а обычная киргизская масса кормилась большей частью молочными продуктами или бараниной. Кочевых районов в Афганистане немало и картина народного питания в них, вероятно, такая же. Если они кочуют в таких районах, где не произрастает хлебных злаков, то они добывают хлеб со стороны и, вероятно, в крайне ограниченном количестве. Поэтому, если из английских источников мы узнаем, что в содержании торговли Индии с Афганистаном есть статья о зерне и стручковых продуктах, определяемая хотя бы небольшой суммой в 140 тысяч рублей, то и это зерно будет не излишком хлебных ресурсов, а выбросом из страны таких средств питания, которые еще очень нужны для населения, но из-за бедности или привычки его теряются для страны. Те же киргизы на Памире почти обходились без соли, но сильно страдали от этого, хотя и значительно привыкли к бессолю... Поэтому, если в ваших догадках и обрисовывается какой-то излишек продовольственных запасов, то этот излишек получается не путем учета нормального питания, а есть результат недоедания населения. Вот почему мой окончательный вывод сводится к тому, что Афганистан в продовольственном отношении настолько бедная страна, что она сама себя не докармливает.

Что касается других сторон питания населения, которые получаются, например, как продукты кочевой жизни, то тут обстановка другая.

Благодаря обилию гор и долин, сложности рельефа, большим разновидностям климата и обилию в горно-холмистых районах влаги, Афганистан представляет большую травяную поверхность и дает приют разнообразной группе животных. Афганистан богат животными и притом хорошего качества, это его крупный хозяйственный ресурс. Мы находим в Афганистане прекрасных лошадей, хорошего качества верблюдов, обилие рогатого скота, овец, коз, а история нам говорит, что Афганистан и в далекие годы всегда был богат животными, — кавалерия, например, Чингиза или Тимура значительно освежалась и подкреплялась средствами северного Афганистана. Руководствуясь этими данными, мы должны прийти к заключению, что в Афганистане мы располагаем большим количеством излишка животных, который, с одной стороны, послужит наступающим войскам источником для питания, а, с другой стороны, доставит орудие для перевоза тяжестей, так

как обоз поневоле будет вьючным. Особенно высокими качествами отличаются лошади афганского Туркестана и заслуживают специального упоминания. Это лошадь так называемых каттаганской и бадахшанской пород. Первых очень много. Что касается бадахшанцев, то эта горная порода очень интересная. Если вам в будущем придется запастись лошадьми для передвижения, то ищите “бадахшанца”; с ним будьте покойны: он будет в горах вашим надежным спутником, который вам не изменит. Эта лошадь, у которой копыта так прочны, что не поддаются камням, при больших спусках не боится пространства, сохраняя неизменное хладнокровие; и если ей приходится спускаться слишком круто, она садится на задние ноги и круп и сползает, перебирая передними ногами; ориентируется всюду прекрасно и может легко прокормиться. Правда, в последнее время такая лошадь дорого стоит, но зато она себя оправдывает. Что касается каттаганской породы, то она является прекрасным типом кавалерийской лошади. Она быстра, крепка и весьма ценна для кавалерийского ремонта.

На западе Афганистана нужно выделить одnogорбых верблюдов, прочных, выносливых; при вашей организации экспедиций вам придется учитывать наличие этих качеств у верблюда и вообще иметь в виду это животное.

Таким образом, я позволю себе относительно животных сделать тот итог, что, в смысле средств перевозки тяжестей и для питания мясом, Афганистан представляет благодарную почву, но не нужно только упускать из виду, что раз вы будете в горных районах, вам нужно будет считаться с большой подозрительностью и с глубокой скрытностью населения, что очень затруднит ваше положение, когда вам придется что-нибудь добывать. Это обстоятельство потребует внимательных рекогносцировок и всяческого привлечения нужного народа на вашу сторону.

Нужно упомянуть еще о ресурсах на получение дров.

Эту маленькую статью по ее военной и бытовой важности нужно рассмотреть особо. Если вы посмотрите на страну без подробностей, то увидите, что к северу от Гиндукуша перед вами степное и холмистое пространство, почти совершенно лишенное лесов; такое же безлесное пространство заполняет часть Афганистана, расположенную к юго-западу от дороги Чаман–Кандагар–Фарах, и, наконец, таким же будет пространство к юго-востоку от дороги Кандагар–Газни–Кабул... в этом, в частности, и состоит вся суровость и недоступность Сулеймановых гор; они лишены растительности и жители вынуждены согреть себя и готовить пищу при посредстве кизяка.

Значительные лесные площади находятся: 1) в долине реки Герируда, а именно в холмистой и горной части ее бассейна, 2) на северных склонах хребтов Бенд-и-Туркестана, Сефид-Куха и Сиях-Куха, 3) на уклонах Гиндукуша, 4) в долинах верхнего Кабула, 5) в долинах рек Адраскана и Гильменда, 6) в Газнийской долине. Нужно еще отметить, что леса западной части состоят из мощных древесных пород (дуб, орех); в горах же восточной части преобладают сосновые леса: наконец, в долинах рек, по миновании последними гор, леса разнообразны и нередко носят тропический характер.

Таким образом, если возникает вопрос о средствах отопления или приготовления пищи для военных отрядов, или постройки разного рода деревянных сооружений — барачных, мостов и т. д., — то вышеизложенное распределение лесных богатств послужит исходной данной для решения соответствующих вопросов. Очевидно, будут районы, где вопрос о запасе дров и своза их на определенных пунктах или об организации дровяного обоза будет играть серьезную роль.

Коснусь теперь вопроса, как будет обстоит дело в Афганистане со сбором повозок и телег в случае организации экспедиции; я уже говорил, что эта страна характеризуется особым типом транспорта — вьючным переносом тяжести. Перевалы не допускают передвижения на телегах, и вы понимаете, что, если поднимается вопрос об общей связи по всей стране, то не может быть речи о телегах. Хотя некоторые части страны и допускают известный тип повозки, но это будет частное явление. Например, вы можете найти их в Бадахшане, это — повозка особого типа; в афганском Туркестане имеются в наличии арбы, т. е. двуколки с очень большими колесами, а в Кабульской долине и в местах, прилегающих к Инду, под влиянием близости Индии, имеются особые телеги, но в общем вы можете рассчитывать только на организацию вьюка, не более. Если бы вы и поднялись с телегой на Гиндукуш, вам все равно придется ее бросить уже потому, что при сухости климата колеса пересыхают и портятся. Например, во время Памирской экспедиции мы тащили с собою целую массу повозок, но, миновав с ними Гульчу, принуждены были их бросить, потому что они начали рассыхаться, трескаться.

Интересное историческое подтверждение невозможности пользоваться колесным обозом мы видим на примере одной из экспедиций Чингиза, когда он летом 1221 года, совершая свою операцию на Газни, бросил весь свой колесный обоз в нынешнем афганском Туркестане, где, между прочим, на этот обоз напал эмир Мухаммед Марагани и разграбил его (В. Бартольд. “Туркестан в эпоху монгольского нашествия”. — СПб, 1900. Т. II, стр. 491).

Таким образом, непроходимость многих мест страны, снега на перевалах, сухость климата заставляют отказаться от услуг колеса и обычным типом при перевозке нужно считать вьючный транспорт, а для отдельных переездов и рекогносцировок, конечно, тем более приходится бросать колеса и садиться на лошадей.

Остается коснуться других средств страны, а именно ее минеральных богатств. В этом отношении вы встречаетесь с разными рассказами о медной руде, драгоценных камнях, железе и т. д. Например, Мартин, бывший 8 лет при дворе эмира, не раз говорит об этих богатствах. Особенно часто он упоминает об угле, но говорит он как-то двусмысленно, и вы не поймете, он ли что-то скрывает, или от него скрыли что-то другие, а он только фантазирует. И автор это чувствует, чем и нужно объяснять его попытки предупредить естественное недоумение читателя при всех этих неясностях. Так, Мартин не один раз говорит, что эмиры умышленно скрывают минеральные богатства Афганистана, чтобы не дать лишних поводов к завоеванию “Богом данной страны”. Приводит он и другие причины неясности вопроса. Нужно заметить, прежде всего, что в этом вопросе едва ли кто знает что-либо определенное; афганский народ скрывает сведения о своих богатствах по разным причинам. Железо в Афганистане встречается во многих местах и так называемое афганское железо ценится в Индии очень высоко; много соляных месторождений, например, в Дарвазе или Северном Бадахшане. Это мне самому приходилось видеть и, несомненно, Афганистан располагает большими запасами минеральной соли. В горах Бадахшана должны находиться месторождения драгоценных камней, о чем я часто слышал, живя на Памире; некоторые реки содержат в полую воду значительный процент золота; на Гиндукуше, особенно его южные склоны, должны иметь место залежи металлов и минералов... вот все, что можно сказать с некоторой достоверностью по этому вопросу. Повторю, о своих минеральных богатствах народ хранит глубокую тайну. Чем это вызывается, объяснить трудно, но путешественник на упорную скрытность в этом отношении натывается всюду. Больше всего, пожалуй, можно объяснить это замалчивание боязнью, что если какая-нибудь долина или район будут признаны месторождением ценных камней, то придут в них другие люди, люди “чужие, с завистливыми взглядами”, прогонят местных жителей с пастбищ, и все отнимут. Сами

жители потихоньку находят золото, промывают его и хранят в маленьких мешочках; для своих нужд добывают уголь, но все это делается в очень скромных размерах, о которых не стоит и говорить.

Глава четвертая

Население Афганистана. — Прошлое афганцев. — Происхождение народа. — Группировка афганцев. — Характер народа. — Количество народонаселения Афганистана. — Язык афганцев. — Таджики. — Тюркская группа. — Прошлое узбеков. — Тюркские народы и языки. — Газара и аймаки. — Аймаки. — Кафиры. — Заключение о народе Афганистана.

Население Афганистана

Теперь я перехожу к рассказу о населении Афганистана. Я должен сказать, что вопрос о населении в военно-географическом исследовании является краеугольным камнем. Это исследование предъявляет вопросу крайне широкий и сложный масштаб. Прежде всего необходимо, чтобы исследование отвечало на вопрос о численности населения, потому что численность населения есть исходная данная о том, какой вооруженной силой может страна располагать, если начнутся военные действия. Прежде брали для полного военного напряжения 10% всего населения, а теперь, вероятно, придется брать 15 и даже 20%. Затем второй вопрос, на который должно также отвечать это исследование — об общем нравственном и моральном укладе народа, т. е. об его религии, происхождении, об его национальных чертах, вообще, об его характере. Вы поймете, что все эти соображения интересны как на случай войны, так и на случай политической борьбы, разных связей, торговых интересов, на случай распространения того или другого учения и т. п. Ответ на эти главные вопросы — о численности и характере населения — нужен для всех: для военного, политика, реформатора, купца и т. д. Затем в общий вопрос о населении входит более частный, вопрос о бытовом укладе народа, о характере жизни, о том, как человек живет. Этот вопрос предполагает изучение многих подробностей: уклад жизни, тип животного, что ютится около человека, применяемое им орудие труда, селится ли он группами в 3–4 дома или большими поселками, вид и особенности его жилья, встречает ли он чужестранца враждебно или ласково, как он к вам относится, когда вы в его сакле, имеете ли вы право заговорить с его женой, найдете ли вы ее вместе с мужчинами, как вы можете его приветствовать, как должны уходить, имеете ли вы право на его хлеб-соль или поесть у него считается неучтивым и множество других тем. В Европе, например, считается тонким в гостях не доест, а киргиз не успокоится до тех пор, пока вас от его угощения не начнет, прошу извинить за слово, рвать. Все эти темы в бытовом отношении играют существенную роль, и только ими досоздается та общая картина жизни и особенностей народа, которая дает возможность сознательно ответить на вопрос, каков этот народ вообще.

Вот почему я считаю вопрос о народе важным, считаю этот вопрос зерном военно-географического исследования.

Еще слово о методе. Ввиду того, что военно-географическое исследование вопросу о народонаселении придает серьезное требование, должен быть расширен и масштаб этого вопроса. Мы должны в данном случае отойти от нашего практического приема изучения и дополнить его необходимым теоретическим обоснованием. И это понятно. Когда мы переходим к характеру, темпераменту народа, к этой сложной особенности души нации, то мы скоро чувствуем, что наблюдать ее в настоящем мы часто бываем не в силах. Приходится взглянуть в прошлое народа, в его происхождение, его религию и т. д., и там

искать то определенное, что нация получила от предков. Приходится задаться и таким вопросом, чистая ли эта нация или нация смешанная, а если смешанная, то с какими другими народами, и только подобный антропологический и этнографический учет дает вам возможность ответить на многие из вопросов.

Очевидно, выдержать нам наш прежний метод чисто практического изучения будет уже невозможно.

В состав народонаселения Афганистана входят три главные группы — группа афганская, иранская (или таджикская) и группа тюркская. Преобладающей и численно и политически является группа афганская. Начнем с нее. У исследователей вопроса мы наталкиваемся на неодинаковость масштаба при изучении афганской группы.

Дело в том, что афганская группа не замыкается вся в территории Афганистана, а части этой группы живут на территории Британской Индии, причем некоторые из групп находятся на положении британских подданных, а другие — значатся под категорией независимых пограничных племен. В смысле территориального расположения мы находим огромную группу афганской народности в районе Сулеймановых гор, а меньшую (Юсуфзаи) в Дардистане, в бассейне рек Свата и Пянджкоры. И вот пред нами возникает вопрос, изучать ли только тех афганцев, которые живут в Афганистане, или изучать всю афганскую народность в ее целом.

Профессор нашей академии, В. Ф. Новицкий, в своем труде рассматривает, например, всю афганскую народность, так поступает и Риттих, а Андогский, например, ограничивается рассмотрением только тех афганских племен, которые живут на территории Афганистана. Я считаю правильное и целесообразнее исследовать всю афганскую народность, независимо от ее размещения или подданства. Мы рассматриваем ведь вопросы, главным образом, с точки зрения военных интересов, и потому нужно учитывать национальную массу в таком ее составе, который выявится именно с войной, который в минуты ее может обнаружить свою солидарность и общность политических целей, причем мы разумею войну крупную, а не мелкую. Нет сомнений, что сколько бы англичане ни принимали искусственных мер, как бы ни сыпали золотом, в роковую минуту большой войны афганская группа сольется в одну единоклубную семью, а не пойдет врозь. Здесь сыграют роль и родственные связи, и общая история, и одинаковая ненависть к англичанам, одинаковые национальные интересы, — и вообще много данных, которые заставят афганцев работать дружным союзом. Повторяю, раз наш масштаб по преимуществу военный, мы не должны смущаться тем, что афганцы разбросаны на разных территориях, и правильнее рассматривать эту группу в ее целом.

Относительно других народностей, иранской и тюркской, хотя они в сумме представляют до 3-х миллионов, можно сказать, что эти народности и по историческим своим судьбам, и по современному положению в стране стоят на втором плане.

Итак, остановимся сначала на афганцах и взглянем прежде всего на их прошлое. Об этой народности имеются указания у различных историков, но указания неопределенные и смутные.

Прошлое афганцев

Впервые в истории упоминается афганский народ Геродотом, который, перечисляя племена, населяющие восточный Иран, упоминает о горцах; живущих к стороне Индии и называемых Пактиенами. Известно, что сами афганцы называют себя Пухтун или

Пуштун; у индусов они называются Патанами. Ввиду этого не трудно узнать в пактийцах Геродота теперешних афган, тем более, что и собственные предания афган приурочивают их первобытное местопребывание к тем же горам, в которых их помещает Геродот, и которые и доселе населены одними ими. Геродот сообщает весьма мало сведений о пактийцах, характеризуя их “варварами, одевающимися в звериные шкуры”. В современном Геродотовой истории перечислении народов, подчиненных Дарию Гистаспу, в надписях на скале в Персополисе упоминается, между прочим, народ Ус-ганги, живущий “беззаконно” (т. е. не исповедующий Зороастровую религию и не подчиняющийся гражданскому порядку). В этих ус-гангах Риттер желал видеть афган, равно и в ассаканах, с которыми приходилось бороться Александру Македонскому при походе через восточный Кабулистан. Против этой догадки были, однако, представлены веские возражения, так что от Геродота приходится прямо переходить к китайским летописям, которые, излагая историю завоевания Кабулистана разными тюркскими ордами (саками, ютами, гуннами), упоминают мимоходом о народе Пудун, жившем в горах на юг от Кабулистана (Сулеймановы горы) и с которыми юты (юечжи) вели кровопролитную войну. Некоторые афганисты желают узнать афган еще в одном упоминали китайских источников, именно в княжестве Фалана, по соседству с Газни, о котором говорит в своем путешествии Сюань-Цань (VII в. по Р. Х.). Но транскрипция из Патана в Фалана не признается удачно нашими ориенталистами.

Таким образом, до самого арабского нашествия более или менее достоверных упоминаний об афганцах мы находим всего два: Геродотово, относящееся к V в. до Р. Х., и китайские летописи, — ко времени начала нашей эры. Оба указывают на дикость и воинственность афган и приурочивают их к тем же Сулеймановым горам, которые сами афганы считают своею первоначальною родиною, где их нашли потом арабы и турки и где часть их живет и доселе. Затем, до XI столетия мы не имеем ни одного известия об афганах (если не считать вышеупомянутого Сюань-Цаня). У историка же Абу-Наср-Мохамеда, писавшего в этом столетии и составившего историю династии Газневидов, находится первое мусульманское упоминание об афганах, о которых говорится, что они “живут па вершинах возвышенных гор и на высочайших скалах и занимаются грабежом в окрестных ущельях”. Ханыков по этому поводу замечает: “Портрет этот так удачно списан с натуры, что в нем нельзя не узнать настоящих (современных) афган”. Горы газнийской области, к которым приурочивает Абу-Наср афганцев, суть те же Сулеймановы хребты, о которых говорят греки и китайцы. По сведениям Абу-Насра, афганцы в это время занимали, следовательно, те же места, что и 15 столетий перед тем, вели ту же жизнь и были столь же дики, как и во времена Геродота и походов Ксеркса на Грецию, когда они фигурировали в великой армии персидского шаха.

Абу-Наср не упоминает, были ли они уже мусульманами. Собственные предания афганцев возводят их обращение в ислам к IX столетию, но есть другие известия, приурочивающие это событие только к XIII столетию. Оба известия могут быть справедливы, так как афганцы делятся на многочисленные племена и колена, которые, вероятно, в различное время обратились к религии арабского Пророка. Махмуд Газнийский (XI столетие) пользовался афганцами для своих походов, набирая из них отряды, громившие с ним Индию. В награду за эти услуги, Махмуд (по свидетельству афганских летописцев) отдал афганам под поселения земли вокруг Газни, Кабула и Пешавера. Это были первые афганские поселения в долинах среди иранского и индусского большинства. Вскоре нашествия турок и монголов открыли афганам путь к более обширному заселению этих стран. Известия об этих нервных временах весьма скудны. Мы знаем несколько обстоятельно о разгромах Чингиза, но что затем происходило в покоренных странах, кто влачил в них жалкое и робкое существование, об этом сведений почти не имеется. О городе Кабуле мы имеем от XIV века известие Ибн-

Батуты, что “прежде это был большой город, а теперь деревня, населенная афганцами”. Это известие дает нам понятие об истории внедрения дикого афганского населения в древне-культурные страны Кабулистана и Арахозии (область Кандагара и Газни). По мере того, как древнее иранское и индусское население истреблялось нашествиями монголов и турок, афганцы спускались со своих возвышенных гор и диких ущелий и занимали равнины и долины, частью продолжая кочевой образ жизни, частью обращаясь к земледелию. Признанная и доказанная способность афганского племени к ассимиляции чуждых племен тоже быстро распространяла пределы и численность афган. Вместе с афганами равнины и долины Кабулистана и Арахозии, конечно, должны были заселяться и тюркскими пришельцами, остатками орд Чингиза и Тимура. Это и было в действительности, но с течением времени тюрки обафганились и слились с афганами. Так, например, весьма многочисленное афганское племя гильдзаев или гильджиев является, вероятно, потомком турецкого племени хилидж или халадж, занявшего западный Кабулистан в одно из нашествий тюркских орд.

Афганцы продолжали служить в войсках владетелей восточного Ирана, приобретая этим все большее значение. Так, при Шахрухе, Тимуриде, властвовавшем в Герате, афганцы получили от него для заселения Кандагарскую область. Около этого же времени они силою оружия овладели долинами Баджаура, Свата и Бунира, вытеснив оттуда “неверных кафиров”.

Таким образом, к концу XV века афганцы уже широко распространили свои поселения и даже предприняли ряд завоевательных походов. Кроме покорения и заселения горных долин древней Гандарии (восточный Кабулистан), часть афганского народа, отделившись от своих соплеменников, перешла реку Инд и здесь на почве Индостана покорила Пенджаб, Синдию, страны по верхнему Гангу и основала эфемерную и кратковременную мусульманскую державу достигшую, однако, временно грозного могущества. Конец афганскому владычеству в Индии положил султан Бабур, низложивший патанскую (афганскую) династию в 1525 году.

Тот же Бабур сильно стеснил афганцев и в Кабулистане. Стремясь к установлению мира и безопасности в своем государстве, Бабур, конечно, прежде всего столкнулся с хищными и воинственными афганцами. Он принужден был предпринять против них ряд ожесточенных и кровопролитных войн. С афганцами, заселявшими равнины и долины, он справился довольно скоро. Но не так легко было умиротворение горцев на их первоначальной родине, в теснинах и на высоких вершинах Сефид-Куха и Сулеймановых гор. Для их умиротворения он вторгся из Пешавера в Хотанские горы (продолжение на востоке Сефид-Куха), прошел этими горами до Когата и вверх по Курамской долине, вошел в ущелья Сулейманова хребта, через которые достиг Газни и Кабула. Всюду он встретил жестокое сопротивление, которое, однако было сломлено, и афганцы надолго умирены.

Это стеснение, наложенное на распространение и хищничество афганского племени султаном Бабуrom, длилось только при жизни этого просвещенного государя. Основанное же им громадное Индийское царство послужило новым рычагом к утверждению господства афган в Кабулистане и Арахозии. Великие Моголы, наследники Бабура, мало обращали внимания на скудную страну, послужившую для их великого предка исходным пунктом созданной им державы. С другой стороны, за Бабуrom в Индию последовало многочисленное местное население; это выселение еще усилилось, когда в последующие царствования исчезла безопасность в Кабулистане. Словом, и политически, и этнически очищалось место для афганцев, которые не замедлили этим воспользоваться как для возобновления своих набегов и грабежей, так и для заселения опустелых земель. Этот

порядок вещей, продолжавшийся в течение двух столетий (XVI–XVIII вв.), привел к тому, что в начале XVIII в. афганцы уже составляли большинство населения в округах Кандагара, Газни, Кабула, Джелалабада и Пешавера.

Я привел эту длинную историческую справку, чтобы проследить за последовательным распространением афганской народности до пределов ныне занимаемой территории. Она типична, — эта справка. Что она нам говорит? Колыбелью афганской народности являются Сулеймановы горы, страна унылая, бедная, безводная и безлесная; она дала народу суровое воспитание, сделав его выносливым, упорным и гордым.

Страна не вызывала жадности могучих соседей, а если они и заходили в нее, то на очень короткое время; это давало хорошую канву для развития в молодом народе чувства свободолюбия и независимости. Ресурсы в стране были скудны, приходилось делиться последним, а отсюда гостеприимство, как выпуклая черта в народном характере.

Но та же бедность, с другой стороны, побуждала искать средств и богатств вне, искать их набегом, украдкой, грабежом и притворством, — а отсюда: жадность, грабительские инстинкты, лукавство, вероломство, как отличительные черты афганцев. Климат Сулеймановых гор жаркий и сухой, что повлияло на народ в смысле выработки в основе его психики жгучего темперамента: вспыльчивости, горячности, мстительности...

Из той же исторической справки мы видим, что афганцы распространялись и крепили не скачками, а постепенно, удачно используя благоприятно складывающуюся историческую канву. В одном месте они были победители (западный Дардистан), в другом искусные ассимиляторы (Гильзан), в третьем — своевременные пришельцы (в низовьях рек Сеистанского бассейна), а эта постепенность и нормальность развития давала возможность пронести первичные особенности характера чистыми, неизломанными и свежими. Народность нужно считать и ныне молодой и жизнеспособной.

Происхождение народа

Нужно сказать несколько слов о происхождении афганцев. Большинство ученых ныне признает их арийцами, что особенно удостоверяется новейшими исследованиями афганского языка (Дармштетер). Но еще недавно некоторые ученые (отчасти В. В. Григорьев, но Риттер и Ханыков уже и в старое время стояли на арийской версии) считали их, как думают и сами афганцы, потомками десяти колен израильских, переселенных по преданию персидскими царями на восточную грань Ирана. Это предание в связи с упоминанием в Ветхом Завете о Хабор (т. е. якобы Хайбер, ныне Хайберский проход), как об одном из мест изгнания израильских племен, внешний облик афганцев (орлиный нос, часто выющиеся черные полосы...) послужили причиной долгого хранения неосновательной гипотезы. Впрочем, я увлекся в теорию. Но вот вера самих афганцев в свое еврейское происхождение имеет уже и практический смысл. Об этом говорит и Абдуррахман в своей автобиографии. Название свое афганцы, говорит властитель “Богом данной страны”, получили “от слова «Афган» ввиду того, что часть афганцев происходит от Афгана, бывшего главнокомандующего царя Соломона, а другие — от Иеремии, сына Саула”.

Если вам придется в будущем заниматься генеалогией восточных народов, то вы встретитесь не один раз с подобными легендами. Вы увидите, например, что и турки, и таджики, и многие другие восточные народы любят себя производить от еврейского народа. Среди таджиков западного Памира, у Гунза-Нагарцев (Дардистан) и у других горцев чаще в ходу другая легенда, — о том, что они или, точнее, их властители —

прямые потомки Александра Македонского, что они, поэтому, божественного происхождения. Ясно, конечно, что Александр Македонский никакого отношения к ним не имеет. Вы в этом случае встречаетесь с своеобразной гордостью народа, который хочет себя привязать к историческому кораблю и вместе с тем намекнуть, что он знаком с литературными источниками, в которых о нем упоминается. Не имея своих исторических данных или — очень смутные, многие восточные народности воспринимают и верят в такие легенды, которые имеют наиболее установившуюся репутацию и наибольшее распространение; а среди таковых на первое место должна быть поставлена Библия. Отсюда всюду находимый в Средней Азии Соломон, его престол (Тахти-Сулейман), которого вы найдете около Оша, в Сулеймановых горах и т. п.; отсюда и легенда о еврейском происхождении того или иного народа. Среди знати этим проявляется своеобразная фешенебельность восточной аристократии.

От исторического освещения вопроса перейду к антропологическому. Уже мусульманские памятники XVI–XVIII веков делят афганские племена на четыре группы, до 405 родов всего, происходящих от сыновей упомянутого выше Афгана, или (другие) Патана, или, наконец, от Керларни. Трудами Эльфинстона, Бернса, Юля, Темиля, Белью, а среди русских Н. А. Аристову удалось вскрыть основу этой классификации, и она оказалась антропологической.

Рассмотрим эти четыре группы.

Группировка афганцев

Первая из групп Керларнийская насчитывает до 128 хейлей, т. е. родов. Эту группу составляют племена: африды, оранзаи, отманзаем, хаттаки, вазиры и др.; они занимают всю северную половину Сулеймановой горной системы от реки Гомула до долины Пешавера и Кабул-Дарьи. Эти племена — первобытные пуштуны-афганы — и в них ярко блестят коренные особенности афганской расы. Занятия керларнийцев — скотоводство и земледелие. Живут небольшими деревнями, иногда в пещерах, значительная часть керларнийцев — кочевники. Керларнийцы распадаются на небольшие, родовые, независимые общины и управляются собраниями (джирги) глав семей. Старшины общин выбираются и сменяются джиргами, они имеют власть исполнительную. Во время войны общины и союзы выбирают диктатора.

Перед вами группа афганской народности, самая свежая и чистая в этнографическом отношении; она, как видите, и поныне не покинула своего первичного народного гнезда. Вас должна поразить красота и цельность этой народности, свободная и целесообразная форма правления, ею усвоенная. Им принадлежит фраза, как ответ на упрек англичан, что у них, афганцев, взаимные распри, волнения, кровь и бедность; эта фраза такая: “Пусть мы бедны и у нас льется кровь... это наше внутреннее дело, но мы, афганцы, всегда и прежде всего свободны”.

Эта же Керларнийская группа важна еще и в том отношении, что судьбой удержана в тех горных местах, которые являются наиболее важным узлом, связывающим Индию с Афганистаном; в их распоряжении Хайберский и Гомульский проходы, ключи к которым скорее всего отопрут доступ в сокровищницу англичан — Индию.

Три остальные группы рассматриваются этнографами, как производные из выселившихся в разное время керларнийцев, принявших этнические примеси и осевших на новых местах самостоятельными племенами.

Второй такой группой будет Гургушт, с племенами какер (20 тысяч) во главе. Они занимают юго-западную часть Сулеймановых гор до границ Белуджистана. Племена группы Гургушт управляются наследственными старшинами и ханами, подчас с деспотической властью. Предполагают, что гургуштские племена это — помесь керларнийцев с белуджами, отсюда и порядки последних, отсюда и пониженный в боевом смысле темперамент.

Следующая группа Сарбанийская. К ней принадлежат Абдалли-Дурани, вероятно, Юсуфзаи и другие мелкие племена. Они занимают южную и юго-западную окраины бассейна Гильменда от Кандагара к Герату. Дурани до последнего времени считались господствующим племенем. Они постоянно были на военном положении. От каждого плуга выставляется эмиру всадник. Они храбры и наиболее образованы. Баракзаи (300 тысяч), главное племя Дурани; из него происходят эмиры, начиная с Дост-Магомета.

К четвертой группе принадлежит самое многочисленное афганское племя (1 миллион) Гильзаи или Хильджи, Гильзи. Эльфинстон их делит на Туран и Бурхан. Массой делит на западных (отек, токи, тереки, эндери) и восточных (сулейман-хель), управляемых независимыми ханами, живущими на восток от Газни.

Гильзан занимают обширную площадь от Кабула до Калат-и-Гильзаи. Эти племена были самыми враждебными англичанам. Во время войны 1878–1880 гг. они не раз одерживали над англичанами серьезные победы. Гильзаев ученые производят, как мы уже говорили, от тюркского народа халадж, поселившегося в стране во время Тимура и с того времени в полной мере обафганившегося.

Эта антропологическая картина нам говорит, что самой первобытной, сильной и, может быть, наиболее жизнеспособной из афганских групп является Керларнийская; группа Гургушт, испорченная приливом рабской крови, вяла и лишена нужной активности. В группе Сарбанийской придамок иранской или какой-то более поздней крови сказался более утонченной формой жизни, большей образованностью и государственностью. Наконец, группа Гильзаев обычная тюркская, но несколько одичавшая и освеженная историческими переживаниями; так же, как и Сарбанийская, она способна на более сложную государственность.

Характер народа

Путешественники и наблюдатели рисуют афганцев такими красками: афганцы высокого роста, мускулисты, красивы, с орлиными носами, с выдающимися скулами, с черной, редко русой, длинной, густой бородой, с длинными до плеч волосами. Восточные племена имеют темную кожу, западные — более светлую. Афганцы свирепы, жестоки, алчны, жадны, тщеславны, кровожадны, фанатичны и вероломны, с другой стороны, пылки, горячо преданы роду, племени, нации, радушные в гостеприимстве. Абдуррахман-хан говорит, что они храбры, умны, любят знание и образование, преданы свободе и независимости, очень желают реформ и просвещения, у них нет суеверий и предубеждений против иностранцев и их идей, как, например, у индусов; многие одеваются нарядно, как европейцы.

Конечно, суждения Абдуррахмана стоит привести, как образчик суждения образованного афганца о своем народе, и только. Этот суд ценен, как свидетель глубокой гордости и большой дозы хвастовства и самоуверенности. Приведенная же раньше характеристика является выжимкой из многочисленных мнений, высказанных наблюдателями об афганском народе. В ней нужно прежде всего выдвинуть на первый план жгучий темперамент южанина, его легкую воспламеняемость, раздражительность, способность

живо увлекаться надеждами, но и быстро же впадать в уныние. Войны, ведомые афганцами с Англией, ярко выявили эту особенность характера народа.

Вы колеблетесь между положительными и отрицательными сторонами афганского характера и готовы искать какую-то середину, но это трудно сделать, — каждый исследователь упорно говорит свое, определенное, склоняясь или в хорошую, или дурную стороны, но избегая разумной середины. Если это английский источник, да к тому же перед вами работа политического или военного исследователя, то характеристика афганцев будет страшно сгущена в дурную сторону; англичане настолько чувствуют нелюбовь азиатских народов, настолько охвачены ожиданием мести и ненависти с их стороны, что в каждую свою характеристику склонны вкладывать много излишне дурного. С другой стороны, если вы будете читать такой очерк, как “Англо-Индийский Кавказ” Н. А. Аристова, лица глубоко мирного, то увидите в его характеристике афганцев излишество доброй расплывчатости, желание оттенить более положительные стороны, т. е. увлечение в сторону излишне хорошего. Пусть ваше чутье, последующее изучение историков и практика в странах Среднего Востока подскажут вам разумную и объективную середину.

Количество народонаселения Афганистана

Теперь перейду к вопросу о количестве населения. Вы помните, что вопрос о количестве населения играет большую роль, потому что есть определенный коэффициент, который указывает, какую массу может дать народ в военное время. До сих пор мы полагали, что это будет 10%, а теперь эту норму следует повысить до 15–20%, особенно при европейских войнах, когда даже женщины в них принимают участие.

Численность Афганистана, как и всех других азиатских стран, не поддается точному учету. В течение последних 40 лет большинство писателей определяли численность Афганистана в 5 миллионов. Абдуррахман смеется над этой цифрой и считает всех таких писателей “невеждами, которые неповинны в своем незнании, но дерзки, навязывая его своим читателям”. Английский *Statesman's Yearbook* за 1910 год считает численность Афганистана между 4 и 4½ миллионов человек, А. Г. Кене в 1880 году определял его в 6.145.000 человек, на этой цифре останавливаются и наши энциклопедии; из этого числа 3.520.000 приходится на долю афган. По альманаху *Gotha* (за 1914 г., стр. 504) численность Афганистана определяется “около 5 миллионов населения”. Один из последних исследователей Афганистана, Аристов, (Англо-Индийский Кавказ), считает во владениях эмира афганов 2 миллиона, в независимых пограничных племенах 1½ миллиона, в британских владениях, считая Белуджистан, более 1 миллиона, а всего афганов 4½–5 миллионов. Я лично знаю Н. А. Аристова, работал с ним и ценю его, как внимательного и кропотливого ученого; думаю, что его подсчет имеет под собою солидные данные. Скажу теперь о количестве других народностей. Племен неафганских считают Кене, Аристов и др. до 3 миллионов, из них таджиков до 1 миллиона. Таджики, потомки основного иранского населения, земледельцы и торговцы, живут преимущественно в западном Афганистане и Бадахшане. Тюрков (узбеков, туркмен и других) до 500 тысяч; господствуют в афганском Туркестане. Газарейцев и аймаков (обитают от Газни до Герируда на северо-западе и верховьях Мургаба) до 700 тысяч, кафиров до 150 тысяч, кизилбашей до 150 тысяч, индийских племен до 300 тысяч, живут в городах; белуджей и других народностей до 200 тысяч.

Таким образом, общеафганская масса Средней Азии доходит до 5 миллионов, а неафганское население Афганистана насчитывает 3 миллиона. Предполагая полное военное напряжение страны в 15%, мы предельную военную массу должны определить: в

300 тысяч афганцев (или 750 тысяч пан-афганцев) и в 450 тысяч неафганцев, а в сумме Афганистан при полном напряжении, казалось бы, мог выставить до 750 тысяч. Конечно, это крайний предел; допустимый же предел должен определяться цифрой до полумиллиона.

В прошлый раз мы говорили об афганской народности. Я забыл упомянуть об языке этого народа и об его быте. Относительно языка нужно сказать потому, что в цикл языков на нашем восточном отделении нам не пришлось включить язык афганского народа по недостатку пока профессора.

Язык афганцев

Афганцы говорят на языке, называемом “пушту” или “пухту”. Вопрос о происхождении языка афганского народа был разработан трудами ученых: Дорна, который был профессором петроградского университета, англичан: Лича, Трумппа, майора Раверти, а в последнее время французским филологом Дармштетером.

Язык этого народа представляет сложную задачу и долгое время был загадкой. В нем имеются корни языков санскритского, арабского, еврейского и персидского, перемешанные пока в невыясненной пропорции, а также найдены слова, происхождение которых европейские филологи не знают. Это в свое время сбивало филологов, не знавших, куда отнести язык, но теперь последнее слово, принадлежавшее французскому филологу Дармштетеру, установило, что афганский язык является одним из восточных языков древне-иранской группы; для нас это вопрос, впрочем, неинтересный. Что касается разновидностей языка “пушту”, то в настоящее время он разделяется на наречия — западное и восточное.

Литература пушту самая незначительная. Есть собрание легенд, народных песен, есть полулегендарные описания войн, представляющие много интересного; в этой народной и глубоко национальной литературе, как зеркале, характерно отражаются основные качества афганской народности: любовь к свободе, гордость, хвастовство, насмешливость, нелюбовь к чужестранцу, особенно к англичанам, но повторяю — литература эта бедна, да и слабо разработана. Вся остальная литература — более серьезная, историческая, политическая и другая — имеется на других языках, преимущественно на персидском [Последние сведения, полученные мною от недавно живших в Кабуле (ноябрь–декабрь 1920 г. и январь–февраль 1921), говорят о сильном распространении в Афганистане персидского языка и о поглощении им не только придворных и знатных сфер, но и научных кругов, торговых интересов, общеделовых сфер и т. д. Афганский язык останется уделом кочевников.]. Нужно сказать еще, что до последнего времени афганский язык был предметом недостаточно серьезного отношения со стороны европейцев, — как англичан, так и русских, так что вы, быть может, встретите такого рода легенду, что в первую афганскую кампанию английский отряд погиб потому, что никто в отряде не знал афганского языка; кругом чувствовался заговор, вырабатывался план и условные знаки, но все это оставалось для англичан тайной и кончилось, как известно, это неведение гибелью всего британского отряда в Хурд-Кабульских теснинах (к западу от Желалабада). От всего отряда спасся лишь один доктор Брайдон, который полуживым доскакал до Желалабада, где еще держался английский гарнизон, чтобы сообщить ему ужасную весть. Этот рассказ придется отнести к числу легенд, но нужно оттенить, что отношение англичан к этому языку за последнее время было самым серьезным.

Как он изображается? Для этого употребляются арабские письмена, но с некоторыми изменениями. Эти изменения несущественны и легко усваиваются; но нужно заметить,

что практическая манера писать вообще крайне капризна и разнообразна. Только долгий практический навык приучит вас разбираться в этих запутанных и крайне капризных каракулях, получаемых из простого начертания арабских письмен. В будущем, работая, если вам придется, над торговыми записками, различными актами, любовным письмом и т. д., вы не один раз убедитесь, что это далеко не то, что вы имеете перед собою в печатных образцах или в хорошо выведенных от руки буквах.

В Афганистане большую роль играет персидский язык. Это язык знати, богачей, язык торговых сношений, язык дипломатии. Персидский язык употребляется при дворе афганского эмира, вы его найдете и в самых глухих трущобах Средней Азии. Везде придворные круги влиятельных ханов, важные муллы, вообще образованные люди обязательно знают персидский язык. Ваши переводчики и соглядатаи всегда будут знать персидский язык. Если вам, поэтому, нужно что-либо сохранить в тайне, вы должны помнить, что наиболее распространенным является персидский язык, и что на нем вы не должны излагать ваши секретные мысли в присутствии лиц, которых вы основательно не знаете.

Несколько слов о быте афганского народа. Вы обязаны познакомиться хотя бы с его общими чертами. Я должен подчеркнуть, что этот быт в значительной степени обуславливается тем обстоятельством, что перед вами мусульманский народ. Как вы знаете, мусульманство распадается на два главных толка — сунниты и шииты. Если вы будете подходить к народу как европеец, то должны будете забыть эти разновидности. Мусульмане на востоке между собою ссорятся, враждебны друг другу [Для ближайшего знакомства с Востоком знание этих явлений, конечно, необходимо. Упомяну, что в царствование Хабибуллы-хана духовенство должно было формально высказаться, в какой мере следует проявлять терпимость к афганским шиитам и оно вынесло решение: “религия суннитов есть единственная правая, признаваемая его величеством, как царем ислама”. На основании этого решения были запрещены в Афганистане все религиозные церемонии шиитов, отдан приказ, чтобы шиитские мечети строились на 5 футов ниже суннитских и т. п.], целые века препираются из-за обрядовых тонкостей, но когда вы имеете с ними дело как европеец, то перед вами будет только мусульманин, независимо от того, к какому толку он принадлежит. Как мусульманин к вам, как к европейцу, представителю иной религии и много мирозерцания, азиат будет хранить в глубине своего сознания определенное и упорное отношение. Это нужно всегда иметь в виду. И как бы в частности к вам ни складывалось отношение азиата, как бы он вас ни приветствовал, какие бы дружеские чувства, подсказанные желанием вас заполучить на свою сторону, он ни высказывал, вы все-таки должны не упускать из виду, что в действительности он питает к вам глубокое недоверие и неукротимую вражду; и эти чувства устранить временно, может быть, и можно, но на долгое время никому еще не удавалось этого сделать. Этой чертой отношения к европейцу проникнуты все восточные народы, живущие ли кочевьем, или поселками в 2–3–4 дома, или даже в пещерах, — безразлично. Разбираться в происхождении подобного чувства было бы для нас излишним теоретическим увлечением. Азиат прежде всего глубоко национален по своей природе; знать свой род и крупных его представителей, знать свое племя, его историю, гордиться им и превозносить его — это долг всякого афганца, притом охотно и всегда страстно исполняемый. Нация — это его вторая религия. Понятно, на фоне такого сильного, страстного и всегда одностороннего национального чувства, люди другой национальности рисуются чем-то чужим, далеким, враждебным, более низким. И чем дальше отстоит эта национальность, тем враждебное к ней чувство азиата растет по своим размерам, глубине и страстности. И с этой уже одной стороны европеец для азиата, его антипод во всех отношениях, может быть только объектом вражды и недоверия.

Но это чувство еще более усиливается и подогревается исламом. Хотя более светлые и передовые страницы Корана [Например, изречения Магомета: “Нет принуждения в вере” или “Если бы Бог захотел, он сделал бы вас (т. е. евреев, мусульман и христиан) единой религиозной общиной, но он хочет испытать вас в том, что он вам даровал. Поэтому состязайтесь друг с другом в добрых делах; вы все вернетесь к Богу, и он разъяснит вам то, в чем вы расходитесь”. Как известно, Христос признается магометанами пророком, а Иерусалим — священным городом.] рекомендуют любовь к чужим народам (вроде “несть ни эллина, ни иудея”), чуть ли не ко всему миру, доходя даже до надежд на грядущий всеобщий мир [Например, изречения: “Сражайтесь с врагом, доколе не утвердится Ислам”, а затем: “Да прекратится всякая вражда, ибо Бог ненавидит нападающих” (Коран, Сура II).], но основной тон этой священной книги полон ненависти и самой пылкой вражды ко всему, что неправовечно. Почему и понятно, что ислам явился тем факелом, который всегда чувство вражды, лежащее в душе азиата ко всему чужому, возжигал до степени большого пожара. Азиат не любит, не верит и отчасти боится европейца, эту основную черту никогда не забывайте. При добрых обстоятельствах это чувство может сильно ослабнуть, но зато при иных, более суровых, чувство сказывается известными в истории эксцессами, вроде упомянутой уже резне англичан в Хурд-Кабульских ущельях в январе 1842 или Андижанского восстания в 1898 г.

Я лично совершенно не верю, чтобы азиат мог в этом отношении радикально измениться, по крайней мере, в ближайшие годы, так как совершенно разделяю мысль Лебона об устойчивости основных черт характера наций. И я считаю только розовыми мечтами упования тех исследователей, которые склонны верить в близкие и радикальные эволюции как в азиатских событиях, так и в характере азиата. Я этим не хочу осуждать его природу вообще, так как являюсь старым его другом, но я не хочу, с другой стороны, ни идеализировать ее, ни производить над нею мало обоснованных экспериментов.

Скажу теперь о некоторых особенностях быта афганцев, также связанных с его состоянием в мусульманстве. Мусульманин живет двойной жизнью замкнутой или интимной, и открытой или официальной. Его женщины, семья, дети — замкнутый для вас мир. Если человек беден, эта его вторая половина живет внутри его хижины, но в закрытом углу, если это знатный человек, то она живет в отдельном доме или сакле, отдельном помещении. Эта обособленность женщины, ее жизнь и уклад, конечно, представляют много любопытного, но вы не должны делать попыток исследовать этот вопрос. Если вы появляетесь в каком-либо месте, хотите провести там пропаганду, или вам нужно выполнить военную разведку, или вообще решить какую-либо задачу, вы должны считаться с тем, что ваши отношения должны замыкаться только в кругу мужского населения и вы не только не должны рассчитывать на то, что вам удастся проникнуть на другую половину, вы не должны даже делать к этому попытки, даже должны делать вид, будто и не подозреваете, что там живет вторая часть рода человеческого. Вы имеете сношения только с мужской половиной. Вы его приветствуете, с ним рассчитываетесь, вы его благодарите, у него просите гостеприимства. Я остановлюсь на этом маленьком факторе, так как в бытовом отношении он играет большую роль. Считается, например, неприличным, если вы спрашиваете о том, как поживает его жена. Такая невежливость может мусульманина оскорбить и как мужчину, и как представителя мусульманского мира. Повторяю, в основе вашего поведения должна лежать линия, будто вам совершенно неизвестна женская половина населения, не только священна, а прямо неизвестна.

Я вспоминаю из своих путешествий такой эпизод. Когда я в 1904 году проезжал Каратегин (самое восточное бекство Бухары), мне навстречу выехал волостной старшина кара-киргиз. Я тогда мог свободно говорить по-кара-киргизски и мы со старшиной, как

это бывает на востоке, скоро разболтались. Он мне сказал, что я слишком рано выехал, что если бы я проезжал тут месяца два после, то я попал бы на его свадьбу. На мои расспросы, он мне похвастал, что хотя ему 85 лет, но его невесте 12 лет, она красива и хорошего роду. Проезжая по этой местности в обратный путь через два месяца, я узнал, что брак действительно состоялся на пятой или шестой по счету жене, но, когда я встретился со старшиной, наш разговор я вел уже иначе. Лишь мимоходом и бегло я осведомился, какова была свадьба, сколько было выпито и съедено, но о невесте, ее состоянии или качествах, где она теперь и т. д., я не сказал ни слова: я говорил только о деле, дороге, поведал о том, что я видел и сделал, и оставил у своего собеседника, я уверен в этом, впечатление о себе, как о человеке умном, опытном, воспитанном. Я привожу этот пример, чтобы иллюстрировать манеру обращения с этими людьми.

Но сказанное отношение к женщине имеет и более глубокий смысл, чем обеспечение лишь удачи какого-либо отдельного предприятия или безопасность исследователя. Еще Аристотелем в его “Политике” было подмечено, что грехи против женской чести бывают часто поводом как к войне, так и к свержению “тиранов”. На Востоке история дает этому много иллюстраций; для примера укажу на судьбы гаремов в бурные минуты войн, и эти судьбы могли бы составить большую и специальную работу для исследования: оскорбление гаремов (поведение Авессалома при вступлении в Иерусалим) — наиболее злой способ мести и устрашения со стороны победителя; наоборот, благоприятное их сохранение окружает на Востоке победителя несказанным ореолом величия и благородства; во всех войнах крупной стратегической темой является заблаговременное и надежное укрытие гаремов. Эти факты говорят о том, что линия отношения к женщине на Востоке имеет глубокий и тонкий смысл, раз эта линия, как яркий фактор, проходит видной канвой по всей его истории.

По вопросу о положении женщин и об отношении к ним с вашей стороны я должен сказать еще несколько слов. Хотя вы должны учитывать, что женскую половину вы не можете ни видеть, ни исследовать, но вы можете встретиться и с некоторыми разновидностями в этом отношении. Женщина по закону мусульманскому должна прикрывать лицо перед мужчиной, об этом имеется несколько упоминаний в Коране, но, занявшись этим вопросом, вы скоро убедитесь, насколько институт закрытой женщины разнообразится в Средней Азии. В Ферганской области, например, женщины сильно закрыты, в восточной Персии и афганском Туркестане — полузакрыты, а в степях киргизских, в Газаре, женщина совсем не закрывается. Есть места, где женщина закрыта таким образом, что вы видите только концы ее пальцев. Этот вопрос сам по себе очень интересен для исследования. Почему определенный закон исполняется столь не точно? По каким причинам мусульманская масса воспринимает закон разное? То обстоятельство, будет ли перед вами закрытая женщина или открытая, как показывает опыт, прежде всего находится в связи со свойствами народного темперамента. Киргиз флегматичен, темперамента ровного, не ревнив и женщина у него открытая, можете с ней даже поговорить. На Памире, благодаря разреженности воздуха и холода, житель его, кара-киргиз, вял, страсти в нем нет и женщина ходит не только открытая, но даже сравнительно свободная в проявлении ее чувств. Но я увлекся в теоретическую сторону. Помните, что и в случае открытой женщины отношение к ней с вашей стороны должно оставаться в высокой мере осмотрительным. Азиат, как человек, может оказаться выше оскорблений, но мусульманин всегда будет в нем оскорблен.

Затем, каково должно быть ваше отношение к другим вопросам? Вы встречаетесь, например, с вопросами политики и религии.

В области политики средний афганец развит слабо, но несколько специально, в области религии он знает несравненно больше и довольно прочно; в первой ему свойственно свободомыслие и огромное любопытство, в сфере второй он нетерпим и допускает обсуждения лишь в области общих рассуждений и обмена фактическим материалом. Эти слова намечают собою тот тон ваших собеседований, который будет наиболее целесообразен: в политике будьте свободны, неособенно стесняясь выбором материала, лишь бы только он был красочен, в области религии будьте сдержаны и терпимы, умейте найти и указать на положительные стороны ислама, которые ему и действительно присущи. Нет лучшей лести для азиата, как доброе слово по адресу его религий.

Еще один вопрос, имеющий немалое практическое значение. Как вы должны вести себя, входя в сношение с народом Средней Азии. Как в европейских странах, так и в азиатских в этом отношении встретится большое разнообразие, но вы должны заранее быть подготовлены к тому, что нужно соблюдать известный этикет, определенную линию, и только тогда вы сможете получить всю сумму тех достижений, которые вам нужны. Как вы будете, например, вести себя, когда впервые вступаете в среду азиата? Если вас кто-либо или просто молва поставили на линию человека привилегированного, если о вас говорят, что вы князь или большой, как говорят на Востоке, человек, то и ведите эту линию, блюдите лицо, идите впереди других, с лошади слезайте последним, выходя из дома или юрты, можете поворачиваться спиной к оставшимся; если же вы человек маленький, то и ведите себя скромно, как подобает маленькому человеку. Восток гостеприимен и вы обязаны принять, а иногда даже пережить это гостеприимство; вы должны даже делать вид, что польщены этим гостеприимством, которое вам оказывают, вы никоим образом не имеете права от него отказаться. Вам подается чашка кумыса, она пахнет потом, чашка грязна, но очень плохо, если вы ее не выпьете до дна. Я помню, был в гостях у богатого киргиза. Мы уже успели достаточно поесть баранины, каймака, плова и т. д. Пришла очередь какой-то массе мелко искрошенной баранины, которую хозяин, мой личный друг, долго перемывал в тазу с водой, манипулируя собственными руками. Затем он захватил довольно большую порцию кусков четырьмя пальцами и, пододвинувшись ко мне, вложил мне ее прямо в рот. Пришлось этот подарок проглотить с благодарственной улыбкой на лице. С этим мы должны считаться, ибо только при такте, осмотрительности и многотерпении вы будете в силах достигнуть многого. Для вас в будущем, как для военного исследователя или проводника политических идей, важно не только уметь подойти к человеку Востока, но и сделать его своим другом. Очень хорошо, если вы, учитывая мусульманскую атмосферу, будете так поступать, как велит религия, насколько, конечно, это для вас можно.

Многим из исследователей Азии, как, например, Бернс, Кемпбелль, Александр Гарднер, Вамбери и т. д., приходилось или выдавать себя за мусульман, или даже принимать мусульманство в действительности. Будем надеяться, что обстановка не потребует от вас такой жертвы. Но есть приемы более невинные. Вы, например, не пьете вина, а одно из ваших доверенных лиц муссирует легенду, что вы мусульманин; легенда будет подхвачена и вам откроются двери. Это, например, случилось со мною при путешествии в Индию. Я ничего не пью и, естественно, ничего не пил и во время экспедиции, и обо мне кто-то пустил слух: “он мусульманин, только не хочет по каким-то причинам об этом говорить”. Это возымело свои действия: когда англичане дали такую мне лошадь, что она при первой же возможности свалилась назад и, придавив меня, сильно поранила мне ногу, что заставило меня слечь в постель, я слышал, что о моем выздоровлении молились в мечети.

В Азии поневоле приходится быть лицемерным. Но, помните, если вы возымеете неосторожную мысль или будете вынуждены выдать себя за мусульманина, то вам

придется исполнять все связанные с этим обряды, исполнять их во время и аккуратно, точно уметь воспроизводить некоторые манеры, предусмотренные законом, не пить вина и т. д. Это очень трудно и опасно, почему указанную крайнюю меру я не рекомендую.

Что касается манеры афганцев жить, то она не представляет каких-либо особенностей и обща всем жителям Средней Азии. Если это будут кочевники, то они живут в юртах, цвета черного, белого или серого, в зависимости от преобладающего цвета шерсти овец, которыми располагает кочевник. Около юрты и протекает вся жизнь, все процессы ежедневного обихода: еда, приготовление пищи, стирка белья, резание скота и т. д.; весь скарб кочевника хранится в той же юрте, а наружи держится что-либо, подлежащее особому укрытию или сбережению. Скот держится в местах, имеющих траву: если эти места не далеки от юрты, то где-либо возле нее и производится удой животных: кобыл, коров, коз. Всем хозяйством ведают жены, они разбирают и собирают юрту, готовят пищу, ведут хозяйство; муж воюет, ездит в гости, хранит скот, отдается скромным прелестям кочевой жизни. Главной пищей служат мясо и молоко в разных видах, а хлеб в том или другом виде — лишь как нечто подсобное.

Если афганец полукочевник, то сказанная картина разнообразится тем, что в зимнюю пору или в пору наиболее плохой травы житель обитает в глинобитных постройках нескладных, неудобных, примитивных, со следами начинающего оседлого жилья, т. е. с плохим инвентарем, первобытной сохой, с плохо распаханной полоской нивы. Бытовая сторона: манера жить, пища и т. д. остается чисто номадской.

Наконец, оседлый афганец живет или в постройке, сколоченной из подручного материала, или даже в пещере. Отдельные хозяйства, числом 3—4 и больше дворов, образуют поселки, размеры которых обуславливаются количеством имеющейся пахотной земли или наличием орошающей воды. Будет ли поливное хозяйство или не поливное, это обстоятельство имеет большое значение и в смысле характера трудовых напряжений, и в смысле особенностей народа. Орошение требует большого и систематического труда, пригибает человека к земле, делает его зависимым, робким, но усердным и хозяйственным; бесполивное хозяйство менее требовательно, делает человека менее зависимым, допускает в его характере большую свободу, большой досуг... человек небрежен, бесхозяйственен, но более горд и независим. Афганцы и по сию пору относятся к земледельческому труду с нелюбовью и занимаются им несерьезно, в душе они остаются упорными кочевниками. И земледельческая жизнь еще не наложила на афганца своей печати, еще не взяла его в свои нивелирующие и принижающие клещи.

Афганец-земледелец свое внимание, естественно, обращает на продукты земли; скота он имеет лишь столько, сколько нужно для хозяйственного обихода. Отсюда и пища его складывается больше из мучных или стручковых элементов. Женщина уже не может легко выполнять все хозяйственные функции (паханье, постройка орудий земледелия, созидание разных построек...), и более трудные из них несет на своих плечах мужчина. Отсюда и положение женщины уже более зависимое, а у богатых или знатных, где все отрасли труда могут быть выполнены рабочими, уже и близкое к рабству, полному закабалению ее свободы.

Остальные подробности быта более относятся к этнографии, в трудах по которой желающие и могут отыскать данные для более глубокого его выяснения.

Скажу теперь о других группах населения Афганистана; начну с иранской или таджикской.

Таджики

Таджики составляют в Средней Азии по преимуществу население горных местностей. Наука признает эту народность упорным пережитком древнего арийского племени. Ныне мы их находим в таких горных местах, которые являются наименее доступными для жилья и кочевья или которые уединены далеко от исторических путей. Исторически эта народная группа обособилась процессом постепенного оттеснения ее из богатых и доступных мест в менее богатые теми волнами победителей, которые периодически катились по Средне-Азиатскому морю. В конце концов, таджики были вжаты в такие горные теснины, которые уже никого не интересовали или о которых было мало известно. Чтобы ныне найти их, нужно в пределах Средней Азии искать самые недоступные районы; взять, например, северную Индию с ее скалами и тущобами, взять наиболее трудные места западного Памира, такие наиболее отдаленные от исторической дороги места, как Бадахшан, взять Газаристан, который также уединен от дороги народов, затем некоторые углы Гератской провинции, где также мы находим пережитки таджиков, горные углы восточной Бухары и т. д.

Всего в Афганистане таджиков насчитывают около одного миллиона. Если я остановлюсь с некоторым вниманием на этой группе, то, главным образом, потому, что она является самой многочисленной после афганской. Затем эта группа представляет собою определенно оседлое население; таджики исключительно занимаются земледелием; и хотя это народ загнанный и бедный, но он в высшей степени трудолюбивый, и продуктивность его народного труда очень большая.

Что касается уклада его жизни, то он довольно однообразный. Обычно они живут поселками, приуроченными к месту возделывания полей. Если площадь значительная, то группа домов большая, иначе поселение состоит из 2—3 избышек, не более. Характер построек, форма дверей и окон, утварь, узоры занавесок и полотенец, — все это знатоками относится к глубочайшей древности. Загнанный в тущобы таджик уединился от мира и сохранил свое старое: на его домашнем обиходе вы видите, что, несмотря на многие сотни лет, он живет, как и его далекие предки, применяет те же приемы покрытия сакли, древнестарым приемом обрабатывает землю и т. д.

Что касается его занятий, то, как я сказал, он является земледельцем по преимуществу. Обычно земли у него немного, живет он порою на столь маленьком клочке, который немногим больше этой комнаты, зато он обрабатывает каждую пядь земли с исключительной заботливостью, пухом взрыхливает землю, небольшое поле обкладывает камушками. Возделывает он различные злаки в зависимости от высоты расположения местности. На высоте более 9000 футов он будет сеять овес и гималайское жито, ниже пойдет пшеница. Они — его главные питательные ресурсы. На высоте ниже 3—4 тысяч футов вы можете найти уже абрикос, виноград, арбузы. Животное, которым таджик обрабатывает свои поля, — бык или лошадь. Его орудие производства — соха. Все это указывает на старину. При всей своей скупости и трудолюбии таджик не может накопить больших избытков; и если вы найдете указания в других источниках о его якобы обеспеченности, то вы к этим указаниям должны отнести с большой осмотрительностью.

Я забыл в свое время сказать, что афганцы по толку сунниты правоверные мусульмане. Что касается таджиков, то они являются также мусульманами, но шиитами, а очень часто представителями секты Моулаи или Измаилья. Эта секта очень интересна, но углубляться в нее будет слишком специальным вопросом, который сейчас нам разбирать не приходится. В тех местах, где власть и большинство народа шииты, измаилиты называют

себя также шиитами, а где больше суннитов, они доходят до такого “греха”, что называют себя даже суннитами. Как народ, целые века подневольный и угнетенный, таджики представляют собою тип глубоко замкнутого, скрытого и недоверчивого народа, они робки и нерешительны и, как всякому рабствующему народу, им свойственно лицемерие. Вообще приходится отметить много несимпатичных черт в характере таджика, но среди этих черт самыми большими и неприятными будут лицемерие и скаредность. В этом, конечно, нет ничего удивительного, потому что таджику на каждом шагу приходится отстаивать свое добро или скрывать таковое, чтобы его не отняли. Если вы таджиков встретите на дороге, то увидите, что они часто идут босяком по острым камням, а башмаки (пехи) несут за плечами, чтобы возможно более сберечь обувь. Если представитель власти собирает дань с поля — обычно 7-й или 10-й сноп, — то вы увидите такую картину: таджик плачет, валяется в ногах кричит, что умрет он, жена и дети, если у него возьмут зерно... но он слишком часто это делает, а власть ему не верит. Если таджик выпрашивает что-либо, то делает это как нищий в Неаполе. Такое проявление скаредности не должно вас в некоторых случаях вводить в заблуждение, потому что под видимой скаредностью иногда кроется большое искусство скрывать значительные запасы зерна, а может быть серебра и золота; правда, при бедности таджиков это может случиться редко, но случиться все же может. С боевой точки зрения нужно сказать, что таджики представляют собою элемент негодный; они слишком трусливы и малодушны, но как горцы, которые привыкли к местным условиям, как проводники или носильщики представляют порою прекрасный материал и, если на вашей стороне, они могут служить вам большой подмогой. Наши экспедиции и английские подтверждают, что, как наступательный боец, таджик негоден, но для обороны своих очагов и удерживания пассивных горных позиций он представляет собою порою приличную силу.

Если вы будете иметь доступ к семье таджика, войдете в круг его интересов, то перед вами откроются многие интересные черты его характера. Он хороший семьянин, любит веселиться, танцевать, может даже и поделиться своим добром с другими, не только с близкими. При детальном изучении этого народа вы не можете, конечно, пройти мимо его религии и его духовных вождей — ишанов. Если вы хотите заручиться тем, чтобы военная обстановка сложилась для вас благополучно, если вы хотите, чтобы таджики были на вашей стороне, если хотите получить доступ в толщу таджикского народа, — прежде всего позаботьтесь о привлечении на свою сторону ишанов. Ишаны это главный двигатель жизни этого народа. Человека этого боготворят, его окружают вниманием и почетом, целуют его стремя, когда он едет верхом. Ишаны чаще всего являются пережитками старых персидских фамилий, спасавшихся от религиозных и других гонений в таджикских трущобах. По своим духовным и физическим особенностям многие из этих ишанов представляют собою тип явно выявленных дегенератов, что нужно объяснить длительной праздной и богатой жизнью одних и тех же поколений, не освеженных творческим трудом и посторонней более здоровой кровью. Немудрено, поэтому, что среди ишанов вы встретите опиистов, пьяниц, развратников, людей, захваченных какою-либо страстью и т. д. Приручить этого ишана и привлечь его на свою сторону вообще нетрудно. Этого не упускайте из виду. Когда я был начальником Памира, я вступал в частые и разнообразные сношения с ишанами, прибегая к приемам, которые наиболее отвечали положению, и среди них имел, например, очень хороших разведчиков. Один из них был неудачлив и, пойманный в Бадахшане, был в свое время распят на кресте, на площади в Файзабаде.

Тюркская группа

Следующая народность, на которой я остановлюсь, тюркская или точнее тюркомонгольская. Вы имеете перед собою три группы этой народности: одна в афганском

Туркестане — это узбеки, к западу от них вы встретите туркменов, которые жмутся ближе к Аму-Дарье и к персидской границе; затем, газара и аймаки, которые наполняют пространство западных разветвлений Гиндукуша. Из этих народностей туркмены и узбеки представляют собой довольно сближенные народности, так что их можно характеризовать одинаково, да об них вы, вероятно, кое-что и знаете. Разница не велика. Что касается газарийцев и аймаков, это народности обособленные, мало известные, но о них сказать много не приходится, так как в науке они и по сию пору представляют загадку.

Узбеков считается около 700–800 тысяч, цифра, которую придется считать гадательной. Узбеки и до настоящего времени находятся отчасти в периоде номадском, хотя за последние 3–4 десятка лет они под влиянием политики афганских эмиров начинают тяготеть к определенным зимовкам, начинают оседать. Процесс этого оседания интересен. Сначала на зимовках начинают строить небольшие глиняные постройки, и в районах их держутся со скотом несколько месяцев... остальное время года все кочуют. Следующая ступень — улучшают постройки, делают их обширнее, прочнее и возвращаются к ним, т. е. к определенным местам, обязательно на следующий год; отправляясь кочевать, на зимовках уже оставляют большой и рабочий скот, оставляют прислугу. Та прислуга, или те люди, которые тут остаются, начинают запахивать землю, — сначала немного, затем все больше и больше. С расширением площадей запашки на зимовке постепенно остается больше людей и больше скота; со стадами начинает уходить на кочевки все меньшая и меньшая часть населения, причем сначала уходит более привилегированная, а рабочие остаются, а с развитием оседлости делается наоборот. Наконец, прежние кочевники положительно оседают на месте и устраиваются на нем круглый год; они начинают уже всерьез заниматься земледелием, а скот пасет прислуга.

Узбеки еще и теперь переживают незаконченный процесс оседания, и афганское правительство ведет упорную политику в том смысле, чтобы эти люди скорее и решительнее оседали. Это вызвано тем, что существование номадов в стране, во-первых, неэкономично для государства; если человек живет тем, что вспахивает землю и попутно разводит скот, то ему земли понадобится в 5–10 раз меньше, по сравнению с тем, когда скот блуждает бестолково с одного места на другое; он больше при этом топчет травы, чем ее ест и земля тратится бесплодно. Затем кочевой народ труднее держать в повиновении; он менее прибылен и т. д.

Скажу несколько слов об языке узбеков; он является одним из наречий тюркского языка. Если вы будете знать сартский язык, то вы легко будете понимать и туркмен, и узбеков, особенно если проживете недели две между ними. Я в 1904 году беседовал с узбеками и понимал их довольно хорошо, зная предварительно сартский язык. Говорить с туркменами также не стоит большого труда при знании сартского языка. Язык их, правда, дальше от сартского (в некоторых согласных и тонах примыкает к языку киргизскому), но разница столь небольшая и легко уловимая, что после небольшой практики понимать его не будет трудно. Среди других тюркских языков узбекский и туркменский выделяются своей чистотой; придаток персидских слов в них не столь велик, чтобы нарушить чисто тюркскую основу языка; арабские слова занимают в языке небольшое и притом чисто специальное место.

Прошлое узбеков

Узбеки являются последней тюркской волной на театре Средней Азии — волной, прожившей три столетия XVI–XVIII бурной завоевательной жизни. XVI столетие является временем расцвета этой народности и отмечено такими именами, как Шейбани и Обейдулла.

Кто будет интересоваться историей Тимура или его последователей, увидит, как Тимур должен был сильно бороться против узбекской волны и притом в тяжелые моменты его боевой карьеры, когда он организовывал походы в Малую Азию или на Тахтамыш. Ему приходилось, например, раньше, чем идти на последнего, потратить не один год усилий, отбрасывая узбеков на северо-восток... Тимур их смирил, но не разгромил, и скоро после его смерти они становятся владыками восточного Ирана.

Итак, XVI столетие являлось временем расцвета этой народности, а когда мы, русские, наступали в прошлом столетии в 60–70 годах на Туркестан, мы натолкнулись здесь же на ряд больших и богатых ханств, основанных когда-то узбеками. То были Коканд, Бухара, Хива, Ташкент и ряд более мелких. Узбекские ханства к югу от Аму-Дарьи в это время или даже несколько раньше уже отживали свой век, переходя под власть Афганистана. В годы нашего наступления узбеки, как самостоятельная народная группа, шли вообще на уклон. Одной из причин этого были: стремление к оседлой жизни и раздробленность племени на отдельные ханства. Но ханства русского Туркестана еще были сильны и пали лишь по причине явного неравенства сил перед русскими, ханства же афганского Туркестана были слабы уже ко времени русского прихода. Характерно, что из общей узбекской группы раньше всех стали оседать узбеки афганского Туркестана и Эльфинстон, который впервые собрал об них интересные данные, застаёт их уже в стадии начавшегося оседания.

Я нарочно остановился в прошлый раз на процессе оседания кочевников, потому что придаю этому оседанию большое значение. То обстоятельство, что узбеки начали переходить к оседанию еще в начале XIX века, показывало, что эта народность стала склониться к новому строю жизни, а по условиям ее обстановки и к потери самостоятельности. Обстановка была такая, что стиснутая в пространстве между Аму-Дарьей нагорным хребтом, узбекская народность была заброшена на территорию, где не было точек опоры, не было таких неприступных мест, где она могла бы закрепиться, устроить в них цитадель, на которую народ мог бы опереться в крайнюю минуту. То была равнинная, несколько всхолмленная местность; победители с юга, или с северо-запада, или с севера беспрепятственно нападали на нее и брали народ в тиски. Узбеки скоро растеряли свой пыл, и в наши дни мы находим народность смиренную, покоренную, с которой можно делать, что хотите. Доктор Яворский и другие исследователи говорят об афганцах, что они относятся к узбекам с прозрением и считаю их непригодными для военной службы. В этом мнении, быть может, есть доля правды; узбек — это человек, который потерял активный дух своих предков. Сейчас это народ почти оседлый, живет в кишлаках, но делает и большие кочевки, потому что на Аму-Дарье летом слишком много насекомых, которые гонят скот в горы, а зимою в последних слишком снежно и надо возвращать к тугаям.

Если вы всмотритесь в манеру жить афганского узбека более подробно, то перед вами те же формы жизни, как и у наших узбеков восточной Бухары. Вы видите, что это человек осевший как бы временно, на зимовке он живет скромно, потому что не придает значения крупным и прочным постройкам. Вы видите с другой стороны, что по отношению к земледелию он небрежен, орудие его старое, животное, на котором он пашет, слабо. Прежние номадские привычки потухают медленно и чувствуются еще на всем. Что касается особенностей бытовых, то перед вами те же характерные черты, о которых я уже говорил: питаются кумысом, любят баранину, еще больше любят конину, но так как лошади стали очень дороги, то постепенно от конины отвыкают; в большом ходу молочные продукты, заквашенное молоко. Как и все кочевники, узбеки беспечны, ленивы,

любят развлечения; только жены знают, где что лежит, что нужно делать. Такова жизнь узбека.

Что касается его политической развитости, то она, на первый взгляд, поразительна. При первом знакомстве узбек вас может озадачить. Он вам расскажет о белом царе, турецком султани, британской королеве, пересчитает свои колена, начнет вас расспрашивать об японской войне. Когда я, в одну из встреч с этим народом, сказал, что японцы храбры, помню, узбек меня спросил, не мусульмане ли они и, получив отрицательный ответ, покачал головой, выражая тем свое недоумение, что могут быть храбрыми не мусульмане. Но вы не верьте кажущемуся широким кругозору узбека. Это пестрый, но не глубокий багаж праздного любопытного человека, который нахватался кое-каких сведений. Если вы начнете его расспрашивать подробнее, то увидите, что он даже Туркестана не знает, не знает, что делается по северную сторону Аму-Дарьи. Правда, свое племя он знает, знает свою легендарную генеалогию, но этим все и исчерпывается. Вы скоро убедитесь, что кругозор узбека узкий, национальный, заносчивый. Если начнете спрашивать, какой политики он придерживается, на чьей он стороне — русской или английской, — он вам ничего определенного не скажет, а если скажет, то вы ему не верьте... для него это безразлично.

Вот те немногие данные, на которых можно строить некоторые предположения. Но самое главное для нас то, что узбеки в свою очередь не любят афганцев, как не любят их афганцы. Причины этому те же, которые побуждают афганцев не любить узбеков. Нужно еще заметить, что история узбеков древнее и много ярче, чем таковая же афганцев, сравнительных новичков в Средней Азии. Узбеки ненавидят афганцев еще как теперь подвластная, но еще не так давно свободная народность. На этой ненависти кое-что можно построить. Что касается религии, то узбеки мусульмане-сунниты, т. е. правоверные мусульмане и очень религиозные. Власть муллов очень сильна, потому что она опирается не только на религиозное чувство, но и на национальное. Религиозность является вторым фактором, который нужно подчеркнуть и который вместе с ненавистью к господствующей народности должен быть на учете.

Нужно еще сказать о продовольственных ресурсах этого народа; в этом отношении мы должны учитывать то основное обстоятельство, что узбек земледелие ведет небрежно. К тому же как у недавнего кочевника, потребность у него в муке не велика; он ограничивается лепешками. Если он сидит сам на лепешках, баранине и молочных продуктах, то что мы можем здесь найти? на какие можно рассчитывать излишки? Прежде всего, конечно, мы найдем средства для перевозки — лошадей (легкие, хорошие, рослые), затем большое количество ослов, для питания найдем мясо, баранину и все продукты от скотоводства. Что касается продуктов земледельческих, то в этом отношении мы должны быть осмотрительными и осторожными. Может быть, в преддверьях Гиндукуша теперь посева больше, чем было раньше, тогда, пожалуй, можно рассчитывать и на некоторый излишек ячменя, пшеницы, проса, кукурузы и т. д., но об этом можно строить только догадки.

Тюркские народы и языки

Относительно узбекского наречия я уже упоминал. Скажу несколько слов о семье тюркских языков и попутно о семье тюркских народов, так как по кафедре тюркских языков об этом вам не говорилось. Подавляющее большинство туземного населения Туркестана принадлежит к турецкой (или тюркской) национальности, по имени которой называется и сама страна (“страна турок”). Составляя часть обширного турецкого (или тюркского) мира, занимающего с некоторыми перерывами обширную территорию от

Охотского моря (якуты) до моря Средиземного (османские турки), тюркские народы Туркестана по своему происхождению и по особенностям языка не представляют единой группы, а относятся к различным группам, на которые распадается семья родственных им народов. Вполне удовлетворительной классификации тюркских народов учеными еще не дано. Лучшими из существующих являются классификации покойных русских академиков В. В. Радлова и Ф. Е. Корша. Но обе эти классификации не обосновывают с достаточной убедительностью отнесения к той или иной группе тюркских народов всего Туркестана, главным образом, по той причине, что народы его все еще мало исследованы со стороны лингвистической и этнологической. Обе классификации вполне основательно относят туркменские племена Закаспийской области, Хивинского и Бухарского ханств, афганского Туркестана и Астрабатской провинции Персии к той группе, в которую, кроме того, входят еще османские и азербайджанские турки, южнобережные татары Крыма и народ гагаузы в Бессарабии, так называемая по Радлову южная группа тюркских народов. Нуждаются в исправлении показания обеих классификаций относительно киргиз-казаков и кара-киргизов, двух народов, которых нельзя включать в одну группу. Киргиз-казаки Степного края, Сыр-Дарьинской и Закаспийской областей, Хивы и Астраханской губернии ближе всего родственны ногайцам, башкирам, поволжским татарам, узбекам и кара-калмыкам. Кара-киргизы в отношении языка обнаруживают черты общие с алтайцами и телеутами, с одной стороны, и с сартами Китайского и западного Туркестанов, с другой стороны. Узбеки Ферганской и Самаркандской областей и ханств Хивинского, Бухарского и афганского Туркестана по происхождению своему наиболее родственны киргиз-казакам, но язык узбекский не отличается, в противоположность киргиз-казацкому, единообразием, а распадается на наречия, одни из коих ближе к языку киргиз-казацкому, а другие — к сартским наречиям. Последнее обстоятельство должно объясниться продолжительным сожительством узбеков с сартами в различных частях Туркестана. Сартами ныне именуется обычно потурченная часть исконного местного иранского населения, за непотурченной частью которого укрепилось название таджиков. Единого сартского языка нет, так как отурчение иранцев-таджиков в разных местах восточного (китайского) и западного (русского) Туркестанов происходило при участии различных турецких народов. Наибольшую между собою близость обнаруживают наречия и говоры сартов восточного Туркестана и областей Ферганской и Сыр-Дарьинской, наречие же хивинских сартов тяготеет к наречию хивинских узбеков и кое-что усвоило от туркменов.

По классификации Радлова, построенной на лингвистической основе (причем приняты во внимание исключительно фонетические признаки), тюркские языки и народы распадается на четыре группы: 1) восточную, в которую включены мелкие тюркские племена Алтая, Северо-Западной Монголии (уряньхайцы) и Енисейского края; 2) западную, обнимающую тюркские народы от берегов Тобола через Степной край и Поволжье до Северного Кавказа и степей Крымских; 3) южную, состав которой мы указали, говоря выше о туркменах; 4) среднеазиатскую, в составе сартов западного и восточного Туркестанов и узбеков.

Классификация Корша, построенная тоже на лингвистической основе, но с привлечением не только фонетического, но и морфологического признаков, устанавливает, как и классификация Радлова, четыре группы тюркских языков и народов, однако, состав группы Корша значительно отличается от состава группы Радлова. Двум группам, первой и второй Радлова, соответствует у Корша одна группа, которую он назвал северной. Особую группу у Корша составляют старотюркские языки и народы: уйгуры, кипчаки (или половцы) и некоторые другие: эта группа им названа восточной. Третья группа Корша вполне совпадает с третьей же группой Радлова, но именуется не южной, а западной. Четвертая группа Корша смешанная, объединяет в себе языки и народы

смешанного по признакам языка состава, отнесенные Радловым отчасти к восточной, отчасти к среднеазиатской группам. Классификация Корша появилась много позднее классификации Радлова и по сравнению с последней является, несомненно, более совершенной, почему мы и ограничимся сообщением основ классификации Корша. Северная группа характеризуется с фонетической стороны такими словами, как “тау” гора, “уул” сын со звуком “у” вместо “г” восточной и западной групп (таг, огул), и такими формами как “кул-га” рабу, “ал-ган” взявший вместо формы: “кул-а”, “ал-ан” западной группы, а со стороны морфологической настоящим временем типа “ал-а-мын” я беру. Для восточной и западной групп по Коршу характерны: настоящее время типа “кел-юрмин” или “гел-юр-юм” и наличие звука “г” в таких словах, как “таг”, “огул”. Между собою восточная и западная группы отмечаются тем, что в первой рабу “кул-га” и взявший “ал-ган”, будут отвечать во второй — “кул-а” и “ал-ан”.

В языках смешанной группы наблюдается смешение признаков северной и восточной групп.

Какова, наконец, численность узбеков? В этом отношении вы встретите разные цифры, которые все оканчиваются многими нулями и колеблются между 600 и 900 тысяч. Действительный подсчет произвести народу очень трудно уже потому, что он болтается между оседлой и кочевой жизнью, это, во-первых; затем, по многим причинам народ старается скрыть свою численность, а отсюда получается неясность. Англичане говорят, что их 700 тысяч, я считаю, что их около 800 тысяч. Наиболее важным выводом относительно этого народа можно сделать тот, что в лице узбеков мы имеем старых и прочных врагов афганцев, а отсюда у нас получаются шансы использовать их, как авангард для целей военных и политических. Конечно, нужно ожидать, что афганцы принимают свои меры для обеспечения за собою афганского Туркестана, и мы видим здесь большие гарнизоны войск, во главе которых чаще стоит природный афганец, хорошую организацию наблюдение и т. д. Может быть, это только прибавляет горечи в сердца узбекского народа и потому помогает скорее нам, чем эмиру, но кто скажет об этом уверенно?

Газара и аймаки

Следующую большую группу, той же общей тюркской группы составляют газара и аймаки (иначе чар-аймаки). Определить место расположения этой, назовем ее условно монголо-тюркской группы очень трудно, так как показания исследователей на этот счет крайне разноречивы. Указание, например, Андогского на линию Анардере–Вашир–Селим, как на крайнюю южную линию распространения этих народностей, надо считать несомненно, преувеличенным и слишком захватывающим земли западных гильзаев и некоторых дуранниевских подплемен, как, например, нурзан, попальзай и др. Площадь заселения газара и аймаков можно определить лишь самыми общими чертами. Она представляет собою параллелограмм в 200 верст — малые стороны и в 400 — большие. Восточная граница этой площади лежит на меридиане перевала Унай; западная — на меридиане, прилегающем между Мургаб и Меймене. Северная граница протекает несколько южнее широтного колена хребта Бенд-и-Туркестана, а южная почти совпадает с параллелью г. Газни. Но, повторяю, это лишь приблизительная картина. Восточную часть этой большой площади занимают газара, а западную — аймаки; где протекает разделяющая линия, нет определенных указаний.

Что это за народности? До сих пор они представляют собой для научного исследователя загадку. Впервые они более или менее определенно были вскрыты Эльфинстоном и состоящим в его посольстве Макартнеем. Эльфинстон осмотрительно подошел к вопросу

и набросал об этих двух народностях около 10 страниц бессистемного несколько фельетонного содержания; он же первый представил снимки с представителей этих народностей и попытался определить их число. Им же впервые была исследована их религия и происхождение. Вопрос о происхождении газара до сих пор неясен; является ли эта народность тюркского или монгольского происхождения? То обстоятельство, что раньше был в ходу термин “тюркско-монгольское племя”, сбивало всех с толку; неправильная номенклатура сыграла здесь немаловажную роль.

Затем много было неясностей относительно религии. Вы будете встречать указания, что газара — шииты, но мне случайно удалось совершенно точно установить, что они являются представителями особого толка шиизма, а именно измаилизма или Моулаи.

Во время моей жизни на Памире я знал двух из здешних ишанов которые имели в Газаристане по несколько кишлаков своих последователей, систематически сносились с ними и получали оттуда средства к жизни. От этих же ишанов я слышал, что и другие кишлаки Газаристана приписаны к какому-либо из ишанов, т. е. что жители являются измаилитами. Этому факту я склонен придавать несколько распространенное значение. Как я говорил раньше, между народностью и почитаемой ею религией есть определенная связь; народ прочно усваивает не всякую религию, а какую-либо определенную. Характерно, что измаилиты живут в недоступных местах, в долинах западного Памира, малодоступных углах Индии и т. п. Сама религия включает в себе много скрытного, мистического, обрядового. Они, например, верят, что есть священные книги, которые нельзя никому читать кроме ишана, кто же их прочтет, тот сойдет с ума. Одну из этих книг (Уль-Мульк-Китоб) мне пришлось штудировать, и я действительно рисковал свихнуться от ее полумистического, полуфантастического, но всегда темного, запутанного и нескладного содержания. Словом, содержание религии, как и душа народа, замкнутое, говорит о забитости, скрытности и подозрительности. Из того, что газара исповедует измаилизм, я склонен поэтому даже сделать некоторые этнографические предположения. Дело в том, что среди народностей тюркского происхождения и народностей монгольских я не помню, чтобы видел представителей измаилитов. Эту религию, кажется, исключительно исповедуют таджики или старые изжитые народности Индии. И поэтому из того, что газара являются измаилитами, я готов сделать вывод, что они не монголы и даже не тюрки; они в крайности монголы, но сильно пропитанные таджикскою кровью.

Кто же они такие? В одном историческом источнике (Абу-Фазль) говорится, что от войск Чингиза оторвалась одна группа и осела в тущобах Гиндукуша; в этом можно видеть намек, что газара — монголы [Газара во времена Бабура говорили еще по-монгольски, если верить Шпигелю (Spiegel, Eranische Altertümer. V. I стр. 344).]. Но в другом источнике (Бабур) находим, что газара — группа узбекской народности, т. е. газара — тюркского происхождения. Словом, история не сохранила указаний на происхождение народа. С внешней стороны газара напоминает скорее монгола, чем тюрка, но одевается скорее по-тюркски, хотя шапку сохранил монгольского типа; это народ здоровый, веселый. Газара делится на несколько племен, из которых наиболее крупными являются Дех-Зенги, Дех-Кунди, Джогури и Полэнд. Каждое из этих племен имеет своего хана или султана, власть которого в пределах своего племени неограниченная; он ведет суд и расправу, налагает подати, может предавать смертной казни. Некоторые из ханов живут в зданиях, похожих на замки, хорошо одеты, имеют блестящую свиту. Между собою ханы живут в непрерывных распрях, ведут частые войны, нарушая покой страны и подрывая ее благосостояние. Отсутствие единой общей власти и взаимная враждебность этих горных князьков являются главными препятствиями на пути развития Газаристана. Что касается особенностей жизни газара, то они интереса не представляют, и об этом существуют разные рассказы, притом мало проверенные. Говорят, что это — очень живой и

любопытный народ, гостеприимный до предложения гостю своей жены (обычай Куру Бистоун); это, по-видимому, пережиток когда-то бывшего здесь общинного брака. Говорят, что муж, возвращаясь с охоты и видя, что у его жилища стоят туфли, повернутые носками к сакле, не входит к себе домой, а потихоньку уходит прочь, чтобы не мешать гостю мирно беседовать с его супругой.

Общий вывод может быть тот, что в лице газара мы имеем дело с народом недостаточно выясненным ни в смысле происхождения, ни в смысле политических уклонов; то обстоятельство, что он живет в недоступных трущобах Гиндукуша, говорит лишь о сохраненной самобытности народа до последних дней.

Что касается природных богатств, то это — район с достаточно развитым земледелием и не бедный, но определить, что можно здесь достать в случае войны, трудно. В смысле уклона к труду газара — прежде всего земледельцы, и только какая-то небольшая часть их сохранила до последних дней кочевой образ жизни.

Все-таки при расценке ресурсов Газаристана нельзя упускать из виду, что их страна представляет горный район, пересеченный глубокими долинами и располагающий небольшими сравнительно площадями для хлебных посевов. Трудлюбие жителей (особенно их жен), плодородная почва и хороший климат едва ли в полной мере восполняют пространственный недочет полей. Нужно также учитывать крайнюю возможность для жителей надежно спрятать в нужный момент свое достояние — хлеб и скот. История указывает, что завоеватели в этих горных районах обычно долго не задерживались.

Газара селятся поселками от 20 до 200 домов в зависимости от размеров поливных полей. Дома часто лепятся на склонах гор. В каждом почти поселке имеется сторожевая башня, могущая вместить 10–12 человек. В башне дежурит часовой, который в минуты тревоги бьет в барабан. Этот звук передается от одного поселка к другому, люди быстро вооружаются, и в небольшое количество часов отряд в 2–3 тысячи собирается к угрожаемому пункту.

Аймаки

Западнее Газара на разветвлениях Гиндукуша живет огромная группа аймаков. Относительно их Эльфинстон допустил ряд ошибок. Он под группой аймаков объединяет целую массу народностей, включая в нее тюрок, таджиков и даже недавних выходцев из Персии. Более поздние исследователи говорят о том, что аймаки в основе своей представляют таджиков. Тут для меня масса сомнений. Прежде всего аймаки — ярые сунниты, а таджики с суннитами едва ли могут быть связаны. Затем сюда примыкают, как одно из колен, джемшиды, которых я считаю тюркского происхождения. Несомненно, что в группе аймаков есть и таджики, которых они считают своим коленом. Я думаю, что определить, как в этой группе перекрестились между собою народности, нет возможности, но несомненно, что в основе легли преимущественно две ветви: таджикская и монгольская; историческая судьба забросила их в местности, лежащие вдали от исторической дороги, слила их вместе и построила какую-то общую народную группу, достаточно ассимилированную.

Эльфинстон в свое время подразделял аймаков на четыре племени: тейманы, газара (не надо смешивать с описанными выше), теймуры и зуры. Первые, т. е. тейманы, в свою очередь распадалась на два подколена: кипчаков и дурзиев, а вторые — на джемшидов и фирузкухов. Почти очевидно, что исследователь введен был в заблуждение тем

обстоятельством, что племена живут по соседству и имеют между собою общие черты, почему и свел их в одно целое под названием аймаков.

Точно так же исследователь ошибся и относительно языка аймаков, который он называет персидским. Исследования Габеленца [Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, 1866. На это намекает и Вамбери Ursprung der Maggaren, Leipzig, 1882. Стр. 199.] показали, что язык аймаков — монгольский, приближающийся к западно-монгольскому, а именно к калмыцкому языку, но захватившему в себя немного и персидского. Относительно аймаков можно несколько с большей уверенностью сказать, повторяя мнение Абу-Фазля, что они происходят из остатков монгольской армии, которая была послана Мангку-ханом, внуком Чингиза, на помощь Хулагу-хану под начальством Никодара Охлака.

По религии аймаки — горячие сунниты; это — признак как будто скорее тюркской народности. До сих пор аймаки были кочевники. Я считаю судьбу их таковой, что они другого образа жизни, кроме кочевого, держаться не могут, и хотя политика эмира состоит в том, чтобы сделать их земледельцами, но по отношению этих людей такая цель едва ли будет достигнута. Я, может быть, случайно не сказал, что словом “кочевник” я определяю не только особый образ жизни, но целое мирозерцание. Лишь небольшая часть аймаков занимается всецело земледелием; большая же часть кочует, отдаваясь обработке земли мимоходом и небрежно. Аймаки, кочуя, летом поднимаются в горы, а осенью спускаются в низины. Нужно думать, что аймаки очень богаты.

Их, конечно, как подходящий народный материал, желательно использовать, но нужно принять во внимание, что они находятся далеко от оперативных путей и достигнуть с ними практических результатов трудно. Что касается характера этого народа, то все описания сходятся на том, что они храбры, мужественны, некоторые, как зуры, кровожадны. Впрочем, это — случайная характеристика. Пища аймаков по-преимуществу мясная, они большие поклонники конины, что указывает на их упорную приверженность к кочевому быту. Вопросы о том, как относятся аймаки к афганцам, мне не удалось уловить. Я объясняю это себе тем, что в лице аймаков мы имеем дело с народом непонятым. В последнее время в печати промелькнуло сведение о переселении джемшидов в русские пределы, причем, как на причину, указывалось на притеснения, терпимые этим народом в Афганистане. Может быть и так, но возможно, что пастбищные условия, неблагоприятно сложившиеся в Афганистане, погнали кочевников далеко из пределов своей родины.

Численность аймаков не поддается надежному учету. Эльфинстон находил возможным определить ее числом в 400–450 тысяч.

Кафиры

Этим я заканчиваю обзор народностей Афганистана: афганцев, таджиков и народностей тюркских. В стране попадаются маленькие народные группы: калмыки, евреи, цыгане, индусы, но эти народности тонут в массе больших народностей, хотя это не значит, что в отдельных случаях они не имеют известного удельного веса; например, выходцы из Индии. Несколько обособленное место среди всех этих народностей занимают кафиры (т. е. “неверные”), обитатели Кафиристана. Эта небольшая народность глубоко интересна со многих чисто научных точек зрения и до последнего времени представляла одну из интереснейших географических загадок. Ни одна народность не давала повода к созданию такой массы предположений и легенд, как кафиры. Трудami новейших ученых (особенно много поработал Робертсон) загадка вскрыта, и народность достаточно ныне выявлена.

Магометанство в Кафиристане делает быстрые шаги, и скоро от прежней религии, интересного пережитка глубоко-древнего культа, не останется и следа. Сказанного для нас довольно, так как военное или политическое значение кафиров ничтожно, каким оно было и прежде, хотя это не помешало в свое время Тимуру предпринять наитруднейший поход в Кафиристан (под флагом наказания неверных), а в новейшее время экспедицию туда же вынужден был предпринять и Абдуррахман.

Заключение о народе Афганистана

Подводя итог сказанному о народностях Афганистана, я позволю себе сделать тот политический вывод, что все они разобщены, но составляют одной общей и сплоченной семьи, что, например, между афганцами и узбеками пролегает такая пропасть, через которую нельзя перекинуть никакого моста. Если таким мостом и можно до некоторой степени считать ислам, то и то только до некоторой степени. Что касается таджиков, то этот своеобразный и замкнутый народ живет своим изолированной жизнью. Газара и аймаки разобщены и уединены. К какому заключению тут можно придти? По составу населения Афганистан не представляет одной сплоченной крепкой нации, и, значит, ту государственную задачу, которая потребует единства и прочности мысли, одинаковости общего настроения и всестороннего самопожертвования, Афганистан выполнить не может. Он может работать отдельными очагами, как и показывает его история, но не общей массой, вспышками, но не прочно и не длительно. Большой и долгой войны Афганистан выдержать не может и скоро разобьется на ряд поссорившихся и не доверяющих друг другу лагерей. Афганцы не любят узбеков, узбеки и газара ненавидят афганцев, таджики не доверяют всем, и им никто не верит. А отсюда вывод, что определенной и планомерной политикой можно без труда разорвать эту страну на клочки. Вы скажете, что страна объединена общей религией; да, до некоторой степени это свяжет, но здесь же масса толков: сунниты, шииты, измаилиты, а это значительно ослабляет религиозное единство.

Из представленного описания можно сделать довольно определенный вывод. Если мы с Афганистаном будем искать сближения и зададимся вопросом, на какой из его народов можно было бы опереться, то придем к следующему: строить расчеты на таджиков нет никаких оснований, опереться на газара или аймаков смысла немного: их мало, живут в трущобах, политический вес их в стране не велик, рассчитывать на их обещание нельзя, так как нет у них такой власти, которая поручилась бы за выполнение обещаний. Я знаю, в прошлом были попытки послания к этим народностям послов, но, насколько знаю, чего-либо практического из этих попыток не выходило. Остаются узбеки, как наш единственный авангард. У них еще жива связь с русским Туркестаном, где их сородичи еще недавно сидели на бухарском и хивинском престолах. Живется им в Афганистане не сладко под властью афганцев, которых они, как сказано, ненавидят и в праве считать выскочками на среднеазиатской арене.

Относительно афганцев можно сказать, что это — господствующая народность, которая сознает свой вес, познала свою ценность, и если эта народная группа и может оказаться на нашей стороне, то не из симпатий, не из частных выгод, а по соображениям большим, по государственному расчету. Огульно думать, что афганцы, за здорово живешь, бросятся к нам в объятия или сделают такой же бросок на британскую грудь, неправильно и неосторожно. Политические расчеты могут повести (всегда временно) Афганистан на ту или на другую сторону, но чувства останутся одинаково враждебными ко всякому европейскому государству. Черная ли собака, говорил Абдуррахман, рыжая ли собака, все равно собака; эмир разумел русских и англичан.

Только та политика, которая принесет Афганистану прочный покой, обеспечит его самостоятельность и доставит ему шансы просторного развития в русле религиозно-национальных идеалов, снищет прочные симпатии Афганистана вообще и афганцев, в частности.

Этим я и оканчиваю вопрос о народонаселении.

Глава пятая

Форма правления. — Содержание законодательства. — Шариат. — Чиновничья лестница. — Эмир и наместники. — Жизнь властителя. — Министры Афганистана. — Административная машина. Департаменты. — Режим.

Форма правления

Теперь перейдем к вопросу о форме правления в Афганистане. В этом отношении я следую моим обычным приемам. Подойду к вопросу с практической точки зрения. Вас здесь могут поразить, с одной стороны, картины излишней жестокости, до смертной казни включительно, тюрьмы, заключения, наличность пыток, жестоких поборов, палок, битья во всех видах, но, с другой стороны, вас поразит картина свободы, значительной самостоятельности, политического простора, выборного начала. Я постараюсь под углом зрения азиатских народностей выявить в этом сумбуре значительную долю целесообразности и разума. Покойный эмир Абдурахман славился своей жестокостью, но он говорил: “Дикими лошадьми нельзя управлять посредством шелковых вожжей”. И это глубоко верно. Оценивая все обстоятельства, расценивая Восток глубоко и внимательно, вы придете к заключению, что это правильная мысль об управлении такой страной. Вы не должны смотреть в этом случае глазами художника или гуманиста. Ваша задача глубоко реальная, и, как таковая, она диктует вам единственный масштаб для управления, это — масштаб целесообразности и устойчивости.

Существо власти афганского эмира довольно сложно и не легко уловимо. Принято называть его безграничным владыкой, или азиатским деспотом, но так ли это? Прежде всего эмир и юридически, и бытовым порядком зависит от законов страны — шариата, обычного права и новейших законодательных норм; затем его власть так или иначе ограничена наличностью совета, мнительным духовенством и т. д. Его личная жизнь и бюджет более или менее отделены от государственных и т. д. Все это — те нормы, которые до некоторой степени регулируют власть эмира и заставляют нас не называть его безграничным деспотом. Вернее считать его абсолютным монархом типа конца XVIII в. в Европе, потому что фактически он является в стране вершителем всех судеб и всех вопросов. Он начинает войну, кончает ее, ему принадлежит право предавать смертной казни, право миловать; он сам утверждает законы, и, хотя для создания их собирает совет из умных голов, но он властен их не слушать, а если ему они не понравятся, он их просто разгоняет. Судебная власть принадлежит ему полностью.

Имеет большой практический смысл выяснить те границы, которые регулируют и суживают власть эмира. Если вы присмотритесь к корню его власти, то вы увидите, что она, во-первых, ограничена бытовыми условиями, и в этом отношении эмир является выборным той группы людей, которые имеют право выбирать или скорее влиять на выбор. Каким процессом формируется это одобрение, мы сказать не можем, но оно чувствуется на целом ряде фактов. По поводу каждого нового избранника делается предварительная проверка, какой-то опрос; считается необходимым грядущего эмира связать со всеми ханами узами родства или какой-либо другой связью, чтобы получить

поддержку; в этом можно видеть организацию косвенного одобрения выбора. Во-вторых, в своей политике эмир базируется на неумолчный голос ханов, доходя порой до маликов, т. е. старшин, и притом в некоторых только вопросах. Затем, с каждым новым вступлением на престол эмира происходит какая-то заминка: оказывается нужным опросить войсковые части, куда-то несутся гонцы, ждут чьих-то одобрений, сыплется золото. Конечно, толковать эту ограниченность до степени какой-то конституционности, как любил похвастать покойный Абдуллахман в своей автобиографии, не приходится, но все же принцип выборности и какой-то постоянной зависимости эмира от афганской знати и духовенства нужно считать несомненным. Недаром некоторые из исследователей Афганистана, и притом люди углубляющиеся в вопросы, связывали с эмиром эпитет *primus inter pares*. На практике эта чувствуемая зависимость эмира может вылиться, правда, в несдержимый деспотизм, но она же может дойти до полной зависимости от духовенства и придворных, и это зависит от личности эмира прежде всего и от сложившейся обстановки.

Абдуллахман был человек властный и крутой; перенесши опыт изгнания и много испытав в жизни, он умел создать в Афганистане реальную власть и был всемогущим властителем; с ним считались и русские, и англичане, хотя во внешней политике он был очень гибок и разумно уступчив. Но уже его сын, эмир Хабибулла был фигурой гораздо более скромной. Толстый, сырой, ленивый, он большую часть дня любил проводить на половине мальчиков (у него было 8 жен и 100 мальчиков); государственными делами он занимался нехотя. Лень и природное добродушие сделали свое дело: духовенство вышло из рук, провинции не стали слушаться центра, англичане поехали на эмире верхом; в Средней Азии о нем говорили, что он — английский нукэр, т. е. лакей [Англичане, например, Гамильтон, склонны приписывать Хабибулле-хану большое упрямство в его внешней политике по отношению к англичанам, но нужно не упускать из виду, что первые годы его царствования совпали с вице-королевством лорда Керзона, который повел слишком запальчивую и притязательную линию по отношению к Афганистану, линию, обидевшую народ и даже мягкого, уступчивого эмира.].

Теперь в Афганистане сидит на престоле Аманулла-хан, третий сын покойного Хабибуллы-хана, молодой человек 28 лет. Он представляет собою фигуру, еще недостаточно выявленную. Он мягок и приветлив, как, впрочем, все эмиры в первые годы их царствования; бремя власти обычно делает их потом менее мягкими, сравнительно очень культурен. Народ говорит о нем, что эмир хорош, да нехороши его советники.

Говоря об устройстве администрации в Афганистане, нужно строго различать при изучении страны под практическим углом зрения две стороны дела в этом вопросе: одну сторону — внешнюю, показную, очень часто стройную и даже приближающуюся к европейским формам; и другую — внутреннюю, для постороннего взгляда часто скрытую, по жизненно отражающую существо власти, под которой живет та или другая восточная страна. И я постараюсь под этим двойным масштабом коснуться этого вопроса.

Прежде всего, какова общая структура власти в Афганистане? Во главе страны стоит абсолютный монарх; непосредственно ему подчиненными, его помощниками, являются наместники (наиб-хукуме), которые правят провинциям [В английских сочинениях наместники часто называются генерал-губернаторами.]: провинций в Афганистане пять: Кабульская, Кандагарская, Гератская, Шерифская и Желалабадская [По новейшим сведениям Афганистан состоит из пяти провинций и четырех областей.]. Приблизительно их границы таковы: Кандагарская провинция занимает всю южную половину страны, ограниченную с северо-запада водораздельным хребтом рр. Адраскана и Фара-руда, с севера — хребтом Сиях-Кухом и с северо-востока — линией от западной оконечности

Кух-и-Бабы через Газни до Сулеймановых гор. Провинция Кабульская и Джелалабадская расположены к северу от Газнийской долины до Гиндукуша на северо-западе и границы Читрала на востоке. Все пространство к северу от Сафид-Куха и Гиндукуша до русско-бухарской границы образует две провинции: Гератскую и Шерифскую. Граница между ними проходит по водораздельному хребту рек Кайсора и Аби-Кайсора и далее на юг по хребту Бенд-и-Туркестану до Кух-и-Бабы. Шерифская провинция рекою Кундузом делится на Афганский Туркестан на западе и Бадахшан на востоке.

Важнейшими составными частями Афганистана являются Кандагарская провинция, — как источник его силы; она населена сплошь афганцами, преимущественно племенем дураниев, к которому принадлежит эмир; ополчения и войска, ими выставляемые, служат главной опорой его власти, — и Кабульская провинция, заключающая политический центр страны.

Кабульская провинция управляется самим эмиром, а каждая из остальных четырех — наместником, объединяющим законодательную, административную и судебную власти. Ему же подчиняются и войска, расположенные в провинции, которые, однако, имеют и своего особого командующего (супехсалара). Во внутреннем управлении наместник совершенно самостоятелен.

Племена управляются ханами, назначаемыми эмиром, и делятся на хейли (колена), во главе коих стоят старшины.

В порядке осуществления власти наблюдается большой разлад между теорией и практикой, — разлад, стоящий в большой зависимости от личности властителя. Власть судебная, например, находится в руках института судей, об этом говорят определенные статьи шариата, подробно регламентируя правила и обязанности. Но так обстоит дело с точки зрения теоретической, а с точки зрения практической все существенные дела, например, о шпионаже, вероотступничестве, политические и т. д., все восходят непосредственно до эмира или наместника, по принадлежности, и решаются, может быть, и по духу шариата, но на практике по усмотрению властителя; нередко властитель является и исполнителем своего постановления. Например, говорят, что Абдуррахман в процессе производства дознания входил в такой раж, что в бешенстве скалил зубы и так бил человека, что последнего из рук “судьи” вырывали уже мертвым. Нужно только оттенить, что право предавать смертной казни принадлежит одному только эмиру, и это тяжкое право на других не распространяется, хотя на практике и тут выходит, что этим правом обладают и беки, и ханы, которые решают вопрос самостоятельно.

Дело в том, что утверждение или предписание смертной казни получается наместником обычно в секретном порядке, значит, когда нужно, наместник на этом может и отыгаться, заявив о полученном якобы решении эмира; секреты же, нужно заметить, в Азии блюдутся гораздо строже, чем в Европе. Затем всегда есть для наместника выход в заявлении, что человека пришлось убить, так как он пытался укрыться от правосудия или действительно бежал и был убит вдогонку; есть выход сослаться на религиозное или политическое негодование наместника, который, имея дело со слишком наглым и явным безбожником или изменником, не мог сдержать своего благородного негодования. Словом, путей всегда много для наместника, чтобы расширить свою судебную компетенцию практическим включением в нее и смертной казни.

Содержание законодательства

Относительно законодательной власти я уже сказал, что в основе афганского законодательства лежит несколько обособленных институтов, — во-первых и

преимущественно, шариат, что в переводе значит закон, т. е. мусульманское право в целом, затем бытовое право, особенно у кочевых народов, и, наконец, новейшее законодательство, которое развивается под влиянием европейских стран; последний тип законодательства, если и не получается процессом европейского обсуждения и техники, то все же не лишен некоторого коллегиального обдумывания, некоторого соглашения, а затем и всеобщего оповещения [В содержание этого вида законодательства входят: законы, созданные эмиром и основанные на духе шариата, мнения народа, выявленные при торжественных или крупных случаях жизни страны, личные сентенции отца (Хабибуллы-хана) и особенно деда (Абдуррахмана) ныне царствующего эмира.]. Я должен сказать, что относительно этой формы законодательства вы встретите в дневнике Абдуррахмана похвальбу, что у него существует парламент, который якобы законодательствует, но будьте осторожны: в этом “парламенте” еще много нескладного, неразработанного, в словах много хвастливого, прикрашенного; нужно сказать, что Афганистан в этом отношении стоит еще только на пути разработки и робких попыток.

Шариат

Что касается шариата, то о нем надо сказать несколько слов: нельзя забывать того исторического процесса, которым создан этот огромный и глубоко интересный законодательный кодекс. Начало его относится к эпохе Магомета, к поре дикого разрозненного и номадского состояния арабов. После смерти Магомета законодательство накапливалось целыми веками, много труда и многими людьми было положено в эту работу, выявилось несколько направлений; и хотя последующие школы приложили много заботы, чтобы облагородить первичные грубые формы закона, вырвать то, что было в нем архаического, но все же, когда вы будете иметь досуг заняться мусульманским законодательством, на вас со многих страниц пахнет старой дикой эпохой. Если вы, например, заинтересуетесь в шариате статьями об отношениях мужа и жены, вы найдете здесь много излишних подробностей, регламентация порою спускается до безнравственных обнажений, а в корне все ведется к тому, чтобы насколько возможно преумножить права мужа и уменьшить права жены. Но в этом законодательстве встречается и много положительного, даже с научной точки зрения, например, в смысле обстоятельности и тонкости разработки некоторых юридических вопросов. То же, например, брачное право разработано с такою обстоятельностью, какого мы не найдем в европейских законодательствах. Правда, исходная данная, т. е. момент заключения брака (по шариату — момент совершения первого coitus'a) несколько странный для европейского миропонимания, но все остальное, что вытекает из этого начала, проанализировано и установлено с исключительной обстоятельностью и тонкостью. Так же вопросы, связанные с правами собственности на землю — поливаемую или неполиваемую, — на воду текущую, колодезную, прудовую и т. д. разработаны, как нигде в других законодательствах.

Другая сторона шариата, заслуживающая упоминания, это — его глубоко практический уклад и стремление проникнуть и регламентировать все стороны жизни, начиная с государственной и кончая домашним очагом. Жизнь мусульманина расписана в шариате по минутам, и каждый шаг его учитан: как он должен вставать, ложиться, умываться, есть, выполнять другие функции, как он должен убивать дичь на охоте и т. д. Для вас все это покажется странным, но, увы, все это имеет и свои положительные стороны. Нужно только представить себе те страны, которые регламентируются шариатом. Присмотритесь к укладу жизни на Востоке, вдумайтесь, каков здесь человек, каков его темперамент, каковы условия жизни, его взгляды, мирозерцание, и, может быть, сами вы увидите, что часто его можно взять в норму и житейский порядок только чем-то деспотическим,

какими-то тисками, доходящими до мелочей, согласитесь, что только такая всепринижающая законодательная норма будет подстать этому народу.

Вообще, вновь повторю, если вам придется сталкиваться со странами и людьми Азии, с законодательством, с бытовыми явлениями, не спешите с вашими заключениями и выводами, потому что здесь много сторон, которые раньше должны быть вами глубоко передуманы, а еще лучше изжиты. Если вы займетесь, например, вопросом о мусульманской религии, ее содержанием и существом, ее традициями, вы увидите, что в Коране многое покажется вам несуразным, наивно грубым, особенно в области космогонии, — многое вызовет в вас чувство пренебрежения, даже гадливости... и все же не спешите судить и не спешите осуждать: жизнь человеческих обществ вообще сложна, а Азия не то, что Европа.

Я остановился на вопросе о шариате кратко, хотя он большой важности. Конечно, в будущем вы будете принуждены обстоятельно изучать мусульманское право, так как без знания его вам будет трудно обойтись.

Что касается обычного права, то его границы узки, и его можно рассматривать, как некоторую частность. Правительство эмира смотрит на адат как на неизбежный выход.

Итак, в основе законодательства и власти лежат три нормы: шариат, обычное право и текущее законодательство. Но как преломляет жизнь эти ясные и всегда более или менее разумные нормы? В чем разница между теорией и практикой? Если вы взглянете на те постановления, которые преданием приписываются самому Магомету, то вы увидите, что их существо довольно человечно и разумно. Например, есть постановление взимать определенную часть со скота; этот налог называется зякетом; есть налог на зерно, который называется хараджем; о первом, например, Пророк говорит так: “С каждых 5 верблюдов в зякет должна быть взимаема одна коза. С сорока коз, ходящих в продолжение большей части года на подножном корму, следует взимать одну козу, и этот зякет должен считаться достаточным для всякого числа коз, от 40 до 120 включительно; от 120 до 200 взимаются две козы; с 200 до 399 включительно — три козы, с 400 коз взимаются четыре козы, а свыше 400 — за каждую лишнюю сотню взимается одна коза. Замена самых предметов, составляющих зякет, денежною их стоимостью считается законною. Сборщик зякета должен брать средний вид скота, потому что так повелел Пророк”.

Чиновничья лестница

Я нарочно представил эту маленькую выдержку, чтобы привести иллюстрацию того первичного основания, на котором базируется по существу это взимание. Если впоследствии вы будете иметь время познакомиться с другими статьями шариата, то увидите, что они также достаточно умеренны, достаточно терпеливы, довольно разумны, чтобы не мешать процветанию любой страны. Но, увы, на практике картина меняется, и жадность власть имеющих губит дело Пророка. И это будет одинаково повторяться, станете ли вы наблюдать Афганистан, Бухару или современную Индию. При этом вы найдете много ухищрений, изворотов, тонкостей, особенно же подлая мысль стянуть с бедного люда последнюю рубашку проходит красной нитью среди всей этой человеческой выдумки; и, говоря мимоходом, я не знаю еще, кто в этом случае оказывается более изобретательным, — афганский ли чиновник, полуграмотный азиат, или британский джентльмен, получивший образование в Англии. Пророк говорит, например, о среднем скоте, а чиновники стянут лучший; Пророк разрешил брать деньгами, разумея правильную, конечно, оценку, а правители подберут самую высокую цену и приурочат это

взимание к тому времени, когда человек поставлен в тяжелые условия. И простая, ясно выраженная норма зякета, преломляясь в жизнь, выливается в совершенно другую — злую и жестокую.

Причина произвола и злоупотреблений в Афганистане прежде всего обусловливается тою пропастью, которая лежит между управляющими и управляемыми; власть по отношению к простому народу слишком высока, деспотична, слишком непреклонна; хотя эмир и говорит: “Я мусульманин и ты мусульманин”, но на практике эта красивая формула остается пустым звуком. В результате начальник, стоя на верхушке социальной лестницы, берет столько, сколько ему “в душу влезет”, а не столько, сколько приказал Пророк или сколько может дать земледелец. Дело усложняется еще тем обстоятельством, что каждый чиновник жалования не получает или получает слишком ничтожное и потому живет прокормом от населения; армия же чиновников далеко не мала. Правда, потребности управляющих не сложны и не поднимаются особенно высоко над таковыми же управляемых, но упомянутая выше разница в положениях делает чиновника бесконтрольным и необузданным; снизу же нет на него ни суда, ни угрозы [Поверхностные наблюдатели, вроде Гамильтона, любят указать, что в Афганистане все обязаны подчиняться законам и что суд для всех одинаков, даже для родственников эмира. Любят при этой упоминуть про случай, когда любимая жена Абдуррахмана получила приказание отвечать на суде на иск модного магазина. Практика не подтверждает этих предположений, и приведенный случай приходится назвать или фарсом, или легендой.]. Кроме того, нужно отметить, что лестница чиновничества, возглавляемая эмиром, должна отдать последнему уже столь большой куш, что им одним в иных случаях, может быть, уже и исчерпывается податная способность народа, сама же армия чиновников в свою очередь также должна пропитаться; поэтому, чем ниже по чиновничьей лестнице спускается податной пресс, тем он все глубже и глубже проникает в толщу народных ресурсов, но не тупится и не ослабевает, так как всегда подогревается личной заинтересованностью берущего.

Эмиру должно быть выслано нечто определенное; это — такая сумма, невнесение которой грозит наместнику потерей места. Но сам наместник прибывает на место правления со сложной свитой преданных людей, необходимых людей, с целой сворой родичей, свойственников и т. д.; вся эта группа должна быть прокормлена и одета, и притом хорошо. За удовлетворением барских нужд этой высокой категории начальства остается вторая по важности серия чиновников: беки, ханы, аксакалы, амлякдары, муллы и т. д., которые за удовлетворением эмира и наместника с его свитой должны не забывать и себя. За ними идет еще более мелкий люд, вроде мираба (заведующего ирригацией), дарги (вроде инспектора подати) и т. д.

Вся эта большая группа чиновничьего люда живет натуральной повинностью и притом по своему положению является всемогущей, почему умеренные веления Пророка на практике уродуются до неузнаваемости и народ стонет под игом налогов. Может быть, в последнее время дело поставлено иначе при теперешнем молодом эмире, но прежде это было так, как я рассказывал, и главной задачей каждого правителя было прежде всего сытно прокормиться со всей семьей на данном месте.

Эмир и наместники

Интересно остановиться на вопросе о взаимоотношении между эмиром и наместниками. По отношению ко всему чиновничьему миру вообще эмир является полновластным господином, это верно и по отношению к наместникам: это — его преданнейшие люди, часто его недавние фавориты, нередко его прежние интимные любимцы, — они его око и

его сердце. Но в Азии все так изменчиво, и старые связи рвутся скоро и без труда. Этому помогает и то обстоятельство, что некоторые наместники назначаются не без влияния той неуловимой группы, с которой считается и сам эмир; получившиеся же таким путем наместники чувствуют себя более независимыми... Впрочем, такие обычно не долговечны и скоро теряют свое место, некоторые и свое земное.

Поэтому взаимоотношения между эмиром и наместниками всегда несколько натянуты, подсказаны взаимной осторожностью. Эмир не верит наместникам, последние опасаются капризов и подозрительности эмира. Внешние отношения строго выдержаны и пунктуальны; приказы выполняются строго, повеление прибыть в Кабул исполняется беспрекословно минута в минуту, хотя бы перспективы при этом чувствовались довольно тревожные; в случае явных опасений за жизнь наместник обычно спасается бегством, покидая страну. Указанное недоверие со стороны эмира проявляется в том, что вслед за наместником, выехавшим к месту служения, с большой группой сослуживцев, родичей и преданных людей, обыкновенно выезжают особоуполномоченные лица эмира, его опричники, которые должны следить за каждым шагом за поведением провинциального начальства. Эта доверенные люди облечены большой властью на случай каких-либо недоразумений, обычно же ведут себя послушно и даже подобострастно. Но этим эмир не ограничивается; у него имеются еще и соглядатаи, часто не видимые ни наместнику, ни даже опричникам; какой-либо кази, повар при наместнике, один из конюхов на его конюшне, ишан, — все такие люди внимательно и остро ведут свое сложное дело. Конечно, прост будет тот наместник, который не будет располагать в Кабуле также сетью и своих шпионов, чтобы следить за политической жизнью города и за теми или иными уклонами эмировской психики, особенно за той ее стадией, которая грозит жизни или обусловит удаление с места.

Какие требования предъявляет эмир наместнику?

Прежде всего, конечно, безупречное политическое поведение, т. е. преданность эмиру, стране и правилам веры; это — те главные пункты, которые находятся под специальным наблюдением эмировских опричников и шпионов. Всякое прегрешение по этим пунктам наказуется неизбежной потерей места, длительной тюрьмой и часто смертной казнью, хотя бы и предложенной.

Затем наместнику предъявляется требование, чтобы он внимательно и строго доставлял требуемую сумму, чтобы он был достаточно активным и поддерживал должный престиж; и уже только после этих требований он должен быть справедливым и проявлять разумное отношение к жителям. Вы видите, схема административного идеала здесь идет шиворот-навыворот. У нас на практике человек административный прежде всего должен быть справедливым и гуманным, по крайней мере, об этом говорится, а в Азии нигде этим даже и не хвастают. Когда мне приходилось говорить с бухарским беком об идеалах власти, как они ему рисуются, и когда я излагал ему европейский взгляд на этот вопрос, он отказался меня понимать, говоря, что европейские люди в этом отношении странно созданы. Идеальным властителем является, по его мнению и по мнению Азии, страшный властитель, начальник, которого все подданные боятся. На мой вопрос, к чему это, он ответил: “Чтобы каждый знал, что властелин может его раздавить, как мышонка”. Итак, на первом плане в содержании власти устрашение, а затем уже другие качества властителя.

Когда вы будете читать автобиографию Абдуррахмана, вы подумаете, что в Афганистане дело обстоит много иначе, чем рисую я вам, что там много нового, европейского. В свое время, живя на Памире и слыша про этот “прогресс”, я никак не мог себе уяснить, какие

могут быть эти изменения? Я послал разведчика в Кабул. Это был борец, человек простой и могший наблюдать только внешнее. Он провел в Кабуле две недели и затем передал мне совершенно точную картину того, что он видел. И вот эту картину, сближая ее со знанием восточных обычаев, я постарался себе уяснить и пришел к заключению, что жизнь в Афганистане совершенно не изменилась, все совершается по старым обычаям, нет ни министров, ни конституции, а царит тот уклад власти и жизни, который был еще и при Великих Моголах в Индии, как, по крайней мере, об этом говорят Бернье и Тавернье.

Жизнь властителя

Коснемся бытовой жизни властителя. Картина ее вам скажет, что представитель власти живет по определенному укладу: встает с рассветом, сначала принимает посетителей или жалобщиков, затем, погуляв или посмотрев лошадей, начинает заниматься государственными делами, что затягивается до полудня [У Абдуррахмана (что сохранил и его сын Хабибулла) дни недели были распределены так: понедельник и вторник посвящены были почте и казначейству, среда — делам по военному министерству; четверг — делам общегосударственным, общественным и частным дурбарам; в пятницу — религиозный праздник; в субботу эмир судит в качестве апелляционной инстанции; воскресенье посвящается инспектированию армии, магазинов, военных материалов, мастерских и т. п.]. В полдень обедает, а после обеда предается покою, перейдя на другую половину, к женам. После отдыха занимается охотой или собирает интересных людей, мулл, ученых и с ними проводит время в беседе. Вечерам посвящены специальные заботы; иногда, например, эмир смотрит, как предают преступника смертной казни, иногда в целях, чтобы убедиться, что казнен именно тот, кого приказано казнить. Если мы посмотрим шариат, то в нем найдем объяснения такого режима: он предписывает мусульманину встречать солнце, затем рекомендует ему начинать свой день милосердием, как каждая сура Корана начинается фразой “во имя Бога милостивого и милосердного” и т. д., и властелин, как мусульманин, также должен рано вставать, должен проявлять рекомендуемое милосердие и т. д. Кроме этих предписаний для каждого мусульманина, которые обязательны и для эмира, шариат дает определенные указания и для самого властителя: как он должен править народом, когда ему разрешается отдохнуть, как он должен блюсти отправление правосудия, как должен пополнять свою мудрость беседой с мудрыми людьми и т. д. Это все характерно и знать это не лишне, так как из этого знания вы почерпнете много для вас полезного. Зная, например, ежедневный распорядок, вы можете наблюдать, кто посещает эмира, кто не посещает, кто в фаворе, кто в немилости, от кого зависят тонкие нити политических реальностей. Утром эмира обычно посещают братья, его сыновья, затем полицейский, шпионы, муллы, а кроме того, лица, находящиеся в фаворе. Повторяю, знание этого может пригодиться для тех или иных практических целей. А выяснение всего этого люда и обстановки поможет серьезному выяснению и самой личности эмира, который является, во всяком случае, важнейшим фактором в жизни такой страны, как Афганистан.

Нам необходимо сказать несколько слов о влиятельных людях в Афганистане и прежде всего о самом эмире и его ближайших родственниках. В этом отношении Б. Н. Иванов, который присутствует среди вас и который недавно был в Кабуле, в своем докладе рисует такую картину. Вы знаете, что у эмира, вообще, много жен: у покойного эмира Хабибуллы имелось их 8 и, кроме того, 100 мальчиков. Не улыбайтесь относительно этого курьезного семейного придатка. В Азии он довольно обычен и такими политическими дельцами, как англичане, он учитывается, как определенный политический фактор: мальчиков изучают, в общем грузе подарков, направляемых азиатскому властителю, всегда будет некоторая сумма, предназначенная для особенно любимых из них и т. д. Азиатское многоженство в жизни властителя играет большую и сложную роль. История может рассказать об этом много поучительного. В настоящее время придворная семья в Кабуле такова. Во главе

страны стоит Аманулла-хан, молодой человек 28 лет. Он является третьим сыном покойного эмира. Старший брат сидит в тюрьме. У эмира три брата, младшему десять лет. Фигура молодого эмира пока недостаточно ясна. По-видимому, это — человек добрый, но с достаточным характером. Народ говорит о нем не плохо [Последние мои сведения дополняют много интересного о теперешнем эмире. Он проникнут большими реформаторскими наклонностями и берет себе в образец Петра Великого. Ему удалось провести закон об единоженстве (обязателен с момента издания); сам он имеет одну жену. Он очень пытлив и доступен. Приспособил телеграфную азбуку Морзе к персидскому языку, на автомобиле сам едет за шофера. В религиозном отношении довольно свободен. На дурбарах выступает властно, говорит крайне быстро (на персидском языке).]. Впрочем, спешить с заключениями не нужно, ибо облик эмира никогда не выявляется на первых годах его правления.

Вообще, эта молодая группа братьев пока маловлиятельна, она не вошла в жизнь, не вкусила яда политики, и, как политическую силу, эту группу придется учитывать лишь несколько лет позднее. Более важна группа братьев покойного эмира, и среди них еще недавно наибольшую ценность представлял собою Насрулла-хан, в свое время посещавший Лондон и долго занимавший место главнокомандующего афганской армией. В последнее время он споткнулся и оказался в тени, а два года тому назад он был схвачен и по приказанию теперешнего эмира сначала ослеплен, а затем предан смерти. Следующий дядя — Магомет-Омар-хан. Это — болезненный человек, и я считал его умершим, но в альманахе Гота за 1914 год я вновь натолкнулся на его имя. Ему теперь 31 год. В свое время на него, в силу знатности его происхождения с материнской стороны [Его мать Ваби-Халима, любимая жена Абдуррахмана, дочь Сахиб-Задэ-Аликулла-хана и внучка с материнской стороны эмира Дост-Магомета.], возлагали большие надежды, но я думаю, что он долго не выдержит. Следующие два дяди моложе. Они не играют большой роли.

До сих пор, говоря об Афганистане, я указывал, что центр тяжести влияния и власти лежит на властелине. Обычно около него стоит первый министр или, употребляя старое слово, визирь. Практически, это — главная и реальная пружина власти. Но в последнее время в литературе мелькают упоминания о министрах, вроде европейских, и я должен остановить ваше внимание на этом новом для Афганистана институте.

Министры Афганистана

В этом отношении у меня есть в распоряжении докладная записка Б. Н. Иванова, очень наблюдательного и интересного исследователя. Он находит в Афганистане целый ряд министров. Я уже говорил, что сам нынешний властитель Афганистана с его братьями — еще молодые люди и не представляют собой влиятельной политической группы. Они еще не тренированы в политических испытаниях. Другое дело — их дядья, которые были крупной величиной, может быть, те последние годы значительно померкшей. Но рядом с этими лицами, которые стоят в родственной связи с эмиром, чем и сильны, главным образом, стоит еще группа людей, которые в докладной записке Иванова фигурируют под названием министров: министр внутренних дел, министр торговли, министр внешних дел и т. д. Я должен высказать мое искреннее впечатление об этом кабинете министров [Судя по автобиографии Абдуррахмана, кабинет эмира состоит из следующих лиц: Ишик-Агаси (вроде лорда обер-гофмейстера в Англии), хранителя печати, главного секретаря и нескольких других секретарей, чинов военной охраны, казначея личной казны эмира, государственного секретаря военных дел (военный министр), государственных секретарей севера, юга, востока и запада, генерал-почтмейстера, главнокомандующего или его помощника, шталмейстера, “Котвала” или дворцового секретаря, генерал-

квартирмейстера, заведующего опочивальней эмира, супер-интенданта и начальников ведомств торговли и воспитания.]. Сам Иванов упоминает несколько подробно только о министре внутренних дел и говорит, что это — человек очень влиятельный, что у него все находится в руках; когда эмир отсутствует, то этот министр отвечает за него, задает свои вопросы, — остальные министры обычно только поддакивают, как пешки. Вопрос сводится к тому, имеем ли мы перед собой действительно институт министров с премьером во главе, из которых каждый ведает какую-либо отрасль государственного аппарата, или перед нами только пародия на институт министров в Европе. Та, часто наблюдаемая особенность азиатских властителей, сказывающаяся в том, что они стараются всячески кокетничать перед Европой; то обстоятельство, что все время говорит только один министр, а остальные министры, приходя к эмиру гурьбой, зря толкутся в его передней и никакой роли, по-видимому, не играют, приводит меня к мысли, что мы в этом институте министров имеем пред собою простую вывеску, имеющую целью показать Европе, что и в Афганистане имеются министры, — на самом же деле в Афганистане остается старый аппарат власти.

В азиатских странах вопрос до сих пор стоял таким образом, что во главе страны должен находиться неограниченный, всюду проникающий, все в своих руках держащий властитель; по закону, по смыслу жизни и по практике он должен собой олицетворять все и вся. Но ввиду того, что жизнь этому ставит препоны и в действительности властитель не в силах выполнять всех выпадающих на его долю функций, если бы даже он и имел к тому все качества, а если он слаб, порочен и развратен, то он и подавно не может с ними справиться, в результате в странах Востока — вы можете проследить это у монголов, у тюрков, у великих моголов, вообще в мусульманских странах, — создается выработавшийся долгой практикой институт визирей, помощников эмира, которые и являются началом и концом всего конкретного властвования. Это нечто в роде мажордома французских королей начала Средних Веков. Институт этот на Востоке вызывается существенной и неустранимой необходимостью. Эта действительная власть часто переходит и в юридическую, почему в истории Востока вы не раз встретитесь со случаями, что визирь захватывает власть и потом создает новую, подчас длительную династию. Вы это найдете, например, в эпоху тюркских династий в Индии; в Газни также найдете визиря, который начинает династию, то же самое встретите в Хиве и т. д.

Что касается степени распространенности визирата в Средней Азии, то вы на него натолкнетесь всюду, хотя под разными именами: при индийских раджах или магараджах это будут первые министры, при маленьких властителях в тущобах Дардистана они сохранят свое название визирей; в Бухаре он сохранит тюркское название Куш-Беги и т. д. И вот мне, привыкшему к этим явлениям, трудно признать, что в Афганистане есть новый институт — институт министров; я думаю, что это “перевод” с Европы и перевод фальшивый. Житейский опыт говорит за то, что и теперь в Афганистане всемогущий визирь ведает всем, а эмир только прикладывает свою высокую руку, как это всегда и было до сих пор. Если эмиром явится такой активный и решительный человек, каким был покойный Абдуррахман, то он и будет активно работать, а визирю придется только помогать эмиру отойдя временно в тень; если же эмиром будет ленивый и беспечный человек, как Хабибулла-хан, то он большую часть времени станет проводить на половине своих мальчиков, а делами будет полновластно вершить визирь. И в том, хорошо подмеченном Ивановым, факте, что особое влияние на управление в Афганистане имеет именно министр внутренних дел, который за всех говорит, подсказывает эмиру различного рода решения и ведет себя довольно развязно, — в этом я усматриваю старого знакомого визиря, нарядившегося в тогу министра; поэтому и в том институте, который Иванов называет новым, я нахожу тот же старый институт визирата, давно существовавший, о котором я вам говорил.

У Иванова в перечне министров есть интересная отметка: он разделяет министров по политическим настроениям на две категории, относя одну к англофобам, а другую к руссофилам. Например, у него министр торговли и промышленности является слабым противником Англии, министр финансов значится ярким англофобом, министр внутренних дел — англофилом, а главком (дядя эмира) панислаμισмом. Я должен остановиться на этом явлении. При своих расчетах и заключениях вы должны отдавать себе ясный отчет, что значат эти слова, что такой-то англофоб, такой-то руссофил, а такой-то панисламист, что лежит в корне этих явлений? Если вам скажут, что такой-то человек на Востоке на стороне Англии, то вы, пожалуй, начнете искать этому объяснение в действительно глубоком проникновении британскими идеями или симпатиями к английской политике, в глубоком сознании, что примкнувший к Англии Афганистан будет обласкан судьбою, или в мирозерцании азиатского англофоба, напротив, вы будете искать основную мысль, что удел счастливый Афганистана — идти вместе с Россией, т. е. против Англии. Вы глубоко ошибетесь. Если один говорит, что он англофоб, а другой — что он англофил, то это прежде всего подсказывается, как это и подметил Иванов, корыстными целями. Конечно, странно, что человек обеспеченный и интеллигентный в то же время может стать грубым наймитом Англии, но в Азии очень часто так и бывает. Во всяком случае, все эти политические вывески не являются результатом серьезного миропонимания или упорного уклона политической мысли, а результатом случая, привычки, удобства, устрашения, а главное корысти. Что касается панисламистов, то это — несколько другая категория людей. В Азии всякий привилегированный человек, а особенно знатный, не может избежать какой-нибудь политической платформы, но стать англофобом или англофилом ему не пристало: для этого он слишком знатен, горд и независим. Политическая же окраска нужна, и он чаще всего берет самую выгодную и приличную для себя: как правоверный мусульманин и блюститель заветов Пророка, он скорее всего панисламист. И вы найдете, что восточная аристократия чаще всего — панисламисты, т. е. мечтатели о слиянии всех мусульманских народов воедино. Скажу к слову, что за этим мировоззрением я признаю большую искренность, допускаю в нем возможность порывов, думаю, что на этом политико-религиозном настроении можно до некоторой степени базироваться, но должен оговориться, что как само это воззрение, так и все его представители, особенно о которых говорится в печати, никогда серьезно и практически в своих вопросах не разбирались. Я считаю, что все панисламистическое течение характерно разве в смысле идеологии, в смысле далеких упований; но в смысле практическом, в смысле проследа этого направления в политике или в деловой литературе оно до сих пор остается беспочвенным и нежизненным. Поэтому я не могу согласиться ни с англичанами, ни с другими восточниками, что панисламизм якобы представляет для Европы серьезную угрозу, что с ним уже теперь нужно считаться. Повторю, панисламизм пока — только идеологическое течение, и оно может выявиться практически разве лишь после того, как в основе его ляжет прочная организация и определенная финансовая поддержка. Во всяком случае, я считал необходимым об этом обмолвиться потому, что панисламизм все еще находится в периоде эволюции, его вам придется наблюдать, над ним подумать, придется сделать о нем те или иные выводы.

Характерно, что среди политических групп Афганистана имеются представители турецкой (очень интересной) ориентации.

Турки, бежавшие из плена в минувшую войну, образовали в Афганистане небольшую, но тесную семью правоверных суннитов. Это было начало очень пригодное для того, чтобы лучше найтись, а потом и устроиться среди суннитской массы афганцев. Но затем, очевидно, в турецкой колонии нашли себе убежище и другие политические тяготения. Как союзники немцев, турки, по-видимому, донесли до Афганистана глубокую ненависть

немцев к англичанам, подогрели ее здесь сведениями из Индии и явились представителями сильных англофобских течений. Этому яркому настроению турецкой группы в Афганистане отчасти нужно приписать и проникновение ее симпатиями к советской власти в России. Фактически, турки в Афганистане являются не только приверженцами советской власти, но ее ярыми защитниками и пропагандистами. Думаю, что наблюдение Иванова, из которого я почерпнул эти сведения, глубоко правильное, и факту турецких симпатий в Советской России придется придать большое значение; в этой группе, очень активной и горячей, Россия имеет неожиданных друзей и готовый сплоченный авангард для широких политических предприятий.

Административная машина. Департаменты

Интересно теперь посмотреть, как работает в Афганистане административная машина, какова она с точки зрения техники. Упомяну, что вся сумма учреждений в Афганистане подразделяется на две категории — военную и гражданскую, хотя между ними нет строго разделяющей линии и нередко они сливаются, особенно когда они находятся под влиянием “принца крови”. И опять-таки, рассматривая техническую организацию администрации, не будем забывать нашей прежней мысли о двойственности всего азиатского — о красивой и стройной внешности и грубом внутреннем существе. Например, в Афганистане есть целый ассортимент департаментов: департамент общественных работ, медицинский департамент, департамент горного дела и т. д. И вновь перед вами задача, как вы должны смотреть на эти учреждения, — есть ли это действительно организованные отделы министерства, как во всяком государстве Европы, или в данном случае мы опять имеем перед собою лишь дурно переведенное с английского языка слово? На это я вам определенным образом могу сказать, что, когда я пробовал расшифровать это явление, то ни к чему ясному не пришел. Возьмите департамент общественных работ. Вы видите, что якобы его трудами построена дорога от Герата до Кабула, от Мазар-и-Шерифа на Кабул, в течение десяти лет строилась дорога Кабул–Пешавер, — последняя дорога единственная действительно хорошо построенная. Перед вами как будто бы факт, что департамент много работал; но если вы будете иметь случай лично понаблюдать все эти дороги, в каком они состоянии, ремонтируются или нет, то вы увидите нечто, для вас неожиданное: дорога, например, в Бадахшане вьется по правому берегу Пянджа, по ней верхом еще можно ездить, о ней будут говорить наши разведчики, но присмотритесь к ней ближе: в некоторых местах, особенно, где она более всего нужна, никакой дороги нет, подъемы на ней не сглажены, ремонта никогда не производится, надзора никакого. Совсем иному представляется горная дорога у нас в Туркестане или у англичан в Индии. Я считаю, что так называемые дороги между Кабулом и Кандагаром или Кабулом и Гератом — просто одна фантазия, и только, может быть, дорога, как я сказал, от Кабула через Танг-и-Карун до Пешавера представляет собой нечто организованное. А отсюда можно сделать вывод, что департамента общественных работ, в сущности говоря, нет, так как нет результата его работы, что это только вывеска. Я слышал, что дорога Мазар-и-Шериф–Кабул устроена прилично, сравнена в некоторых подъемах и будто бы очищается систематически от снега, но, учитывая отсталость Афганистана, начинаешь и в этом сомневаться.

Возьмите департамент медицины; при одной мысли о нем придется только улыбнуться. Никакой более или менее организованной медицинской помощи в Афганистане нет. В Кабуле издавна систематически проживает врач англичанин или англичанка или врач из Индии, к которым обращается усиленно население и по глазным болезням, и по внутренним, и по нервным и т. д. [Состояли на службе эмира следующие врачи: мистер О’Мира, дантист (с 1887 г.); мистер Грей, хирург (1889 г.); мисс Гамильтон, женщина врач (1894); мисс Дэли (с 1895 г.); майор Клевеленд (1904 г.) и сестры Браун (1904 г.). В

настоящее время, кажется, нет никого.]. Из Афганистана, как я знаю, была недавно обращена к нам просьба о том, чтобы в Кабул была прислана акушерка в виду тяжелого положения родильниц. Какой же это департамент медицины? Вероятно, старые повитухи 50% рожениц отправляют на тот свет теперь, как и много лет назад, а население бежит к разным знахарям... Департамента нет, перед нами только вывеска, раз нет ни врачей, ни акушеров. Возьмите с собою врача в миссию, и вы убедитесь лично, как невероятно нуждается афганское население в медицинской помощи: к вашему врачу со всех сторон и на всяких остановках потечет болящая масса.

Что касается департамента горного дела, то об этом Мартин, который восемь лет пробыл в Кабуле, говорит, что ничего подобного в Афганистане нет. Он даже пытается объяснить, почему нет, старается выгородить это явление, но все это — одни слова. Есть только один департамент, который действительно работает, это — департамент хозяйства или, как он называется в Афганистане по старому, казначейство.

Итак, в Афганистане нет учреждений европейского масштаба. У него есть свои старые азиатские учреждения, беспорядочные, безотчетные, с целой массой мирз, т. е. такие первобытные учреждения, которые не признают ни системы, ни строгой организации [Судя по автобиографии Абдуррахмана, до вступления его на престол вся машина гражданской администрации состояла из 10 писцов; общественных учреждений вовсе не существовало, и заседания происходили в спальне правительственных лиц. Книг никаких не велось, все исходящие и входящие заносились на отдельных листках; для справок надо было все их перебирать. Абдуррахман приступил, по его словам, ко всему заново и многое сделал. Полагаю, что много нового не сделано, а поправлено лишь очень нехорошее старое.]. Если вы будете иметь нужду в какой-либо справке, то вам придется долго ждать, пока вы чего-нибудь добьетесь; дела с этими “департаментами” иметь не рекомендую. Поэтому я уверен, что если в Афганистане и нарождаются новые учреждения, то они пока могут быть только в зародыше, самые элементарные, в них не будет плана, системы, статистического материала, контроля и т. д.; эмиру, например, доносят нередко, что обворовываются целые провинции, но кто это делает и как — добиться какой-либо ориентации бывает крайне трудно. В этом случае интереса поговорка Абдуррахмана: “четверть податей у нас платят добровольно, четверть приходится выколачивать палкой, четверть прилипает к рукам, а кому попадает последняя четверть, мы и сами не знаем”. Повторю, все указанные учреждения — только вывеска, под которой вы отыщите старые азиатские учреждения, знакомые еще Великим Моголам.

Режим

Скажу несколько слов о режиме. Если отбросить впечатление некоторой стройности и внешней законности и войти в существо дела, то придется увидеть, что режим азиатский, будь то в Афганистане, Хиве, Бухаре, Дардистане, с точек зрения человеческой, экономической и моральной, — не выдерживает никакой критики. Перед вами целая масса злого, неправды и слез, что подметил и Иванов, человек эмоции, много останавливающийся в своей записке на том, как много в Афганистане злоупотреблений и страданий. Но человек, умудренный наблюдением и привыкший к азиатским перспективам, отнесется ко всему этому гораздо спокойнее. Я должен признать, что режим страшно жестокий, конечно, часто несправедливый, в нем много неправды и зла, везде снуют шпионы, наказания кровавые и чрезмерные, но, к сожалению, все это в такой мере связано с природой азиатского мира, что на это приходится смотреть как на нечто почти неизбежное, в значительной мере целесообразное, пока страна не перейдет к новым порядкам, пока не изменятся люди [Об этом хорошо говорит Кэй, историк 1-й англо-афганской войны, при оценке личности Дост-Магомета “Попавши в русло афганской

политики, человек (правитель) должен бороться или погибнуть. Рука каждого человека направлена против него, и он должен направить свою против каждого... Афганский властитель должен совершать много актов, противных нашему человеческому чувству. Он должен править сурово, или отказаться от власти. Такая суровость неизбежна при управлении подобным народом. Kaye. History of the war in Afghanistan. Vol. I, pp. 123–124.].

В частности, если вы захотите ознакомиться с подробностями этого режима, то можете найти у Мартина достаточное описание тех казней и пыток, которые применяются в Афганистане. Англичанин просто смакует, передавая, как преступникам скручивают руки, как постепенно начинают сжимать людей в тисках, описывает разные орудия пыток и т. д. Я не стану останавливать ваше внимание на этих подробностях, скажу только, что мне самому приходилось видеть эти орудия и не один раз у разных беков Бухары; у Кулябского, Шугнанского и др.

Характерно не то, что они существуют, а характерно понимание их смысла, так сказать, философия пыток. Когда я посетил одного из беков и он решил, что я очень важный человек, то стал мне по азиатскому обычаю предлагать лошадь, ковры и т. д. Я отказался, но, желая утилизировать щедрость хозяина, сказал ему, что если ему уж так хочется что-нибудь сделать для меня приятное, то я просил бы его выбросить все виденные мною у него орудия пытки, чтобы от них не осталось и следа. На это он мне ответил определенно и сухо, что этого он не может сделать, потому что без этого инструмента нет власти. Мы разговорились на тему о власти, ее приемах, и я ясно убедился, что мы с беком стоим на разных полюсах миропонимания, что нам не сойтись и что он мне ни за что не уступит. Я упросил его затем показать мне тюрьму. Это было нечто ужасное. Огромная яма была вырыта в углу бекского двора, сажени три или четыре глубиной, не знаю сколько в квадрате. В яму вела почти вертикальная узкая лестница. Единственным отверстием, дававшим в яму воздух и свет, была квадратная площадка не более $\frac{3}{4}$ аршина по стороне. В яме люди сидели непрерывно, не выпускаемые на свет Божий, некоторые по несколько лет; уцелевали, конечно, лишь наиболее сильные организмы. Смертность была исчерпывающая, т. е. люди вымирали почти предельным процентом. Конечно, в яме люди спали, ели и выполняли все свои функции. Мне хотелось проникнуть в этот ужас человеческого существования и я стал просить об этом бека. Он долго не соглашался пустить меня внутрь тюрьмы, пока не убедился, что это мое личное желание, продиктованное любопытством. Но когда я хотел спуститься вниз и сделал 3–4 шага по лестнице, от зловония у меня закружилась голова, и меня вытащили уже почти в обмороке. Я просил бека, нельзя ли кого-нибудь отпустить из пленных во имя нашей встречи. Бек согласился, и был вытащен из тюрьмы старик, которому было не менее 80 лет. Он был в диком беспорядке, от него несло зловонием, из его седых волос образовалась какая-то пакля, какую я наблюдал у факиров Индии. Когда я приблизился к нему и хотел ему объяснить, что он отныне свободен, я увидел, что предо мною был человек, лишенный разума, дико щуривший глаза от света. Я помог сумасшедшему. И, все-таки, я должен сказать, что мыслитель, но и практик в то же время, человек, вдумчиво относящийся к этим вопросам, как это, может быть, ни покажется жестоким, должен будет признать, что в природе азиатской страны, в разнузданности азиатских народов, в их диком и неудержном темпераменте можно найти некоторое оправдание этой жестокости, как неизбежной уступке государственному порядку. Опасно упускать из вида тяжелый порою принцип государственной целесообразности; в Азии более всего опасно применение сентиментально-отвлеченного масштаба.

Глава шестая

Хозяйство Афганистана. — Зякет. — Херадж. — Второстепенные налоги. — Военно-заводская деятельность в Афганистане.

Хозяйство Афганистана

Перейду теперь к элементам государственного хозяйства в Афганистане. Я уже сказал относительно тех налогов, которые взимаются с афганского населения. Теперь остановлюсь на вопросе о том, каким образом такие страны, как Афганистан, хозяйствует, как они выполняют свои хозяйственные операции. У исследователей вы найдете краткое упоминание о том, что общая казна состоит из двух частей: из средств государства и из средств личных эмира; на практике, конечно, эти суммы не всегда живут изолированно. Значит, казна стоит на старой стадии развития, когда личное достояние властителя и достояние государства еще переплетались и путались. Эмир едва ли отдает себе ясно отчет в том, что его личное, что принадлежит государству, но внешне старается показать, что это две различные части. Сумма источников государственного дохода складывается из следующих главных статей: 1) налоги на земли, фруктовые сады и скот, 2) пошлина на предметы вывоза и ввоза, 3) почтовые доходы, 4) гербовый сбор, 5) доходы с государственных земель, 6) арендная плата с казенных домов и магазинов, 7) штрафы, 8) конфискация и 9) английская субсидия эмиру в 18 лак рупий (1800 тысяч рупий) [Эта сумма с 1916 г., по-видимому, увеличена до 24 лаков.]. Этот перечень скажет знакомому хотя бы элементарно с экономическими вопросами, что перед нами государственный тип хозяйствования довольно примитивный, и что на таком бюджете страна далеко пойти не может не только в области широкой экономической жизни, но и в случае организации упорной и длительной войны.

К чему же сводится итог доходов Афганистана при этой финансовой системе? Об этом нет определенных указаний. Лет 50 тому назад, в 1876 году, общий итог доходов в Афганистане определялся суммой в 7 миллионов рублей [При эмире Шир-Али-Хане, когда миссии Столетова удалось подойти к этому трудному вопросу.], ныне некоторые из исследователей определяют его в 15 миллионов рублей. Но в данном случае определяется только денежная сторона бюджета. Нужно заметить, что в Афганистане и по сию пору (со стороны властей замечается большой нажим в сторону денежных податных взносов, как более удобной и менее громоздкой; для населения же это бывает очень часто только лишней кабалой) подати вносятся деньгами или натурой [Каждое казначейство в Афганистане подразделяется на два отдела: 1) операции наличными деньгами и 2) операции натурой.], причем в последнем виде вносится большая половина податей; обычно же натуральный сбор идет на войска и дворы эмира и наместников. Если будем учитывать и сбор натурой, то бюджет Афганистана придется увеличить до цифры не меньшей 40–50 миллионов рублей. Доходы и расходы казны ведают: канцелярии наместников, духовенство, муниципалитет и торговые палаты, применяя европейское слово за отсутствием более подходящего.

Что касается вопроса, как распределяется этот общий доход по статьям, то на этот счет нет никаких надежных указаний. Все, что встречается в этом отношении у англичан, не заслуживает доверия. Отсутствие бюджетной сметы, путаница между личной казной и казной государства, отсутствие правильной отчетности, наличность натуральной повинности и т. д. делают невозможными какие-либо определенные учеты.

Но среди указанного выше перечня доходов есть особые, на которых я должен буду подробнее остановиться. Те, которые взимаются в качестве штрафных, конфискаций и т. п., невелики по своим размерам и исчезают рядом с главными, к которым относятся те, которые предписаны шариатом. Из них нужно остановиться на двух главных: зякете и

херадже [Интересно, насколько англичане несерьезно вникали в экономику Афганистана; они почти обходят молчанием эти, несомненно, самые крупные статьи бюджета.]. Изучив их размеры и их содержание, мы приблизительно подойдем к существу афганского государственного хозяйствования и к размерам его доходности, а затем уже можно предположить тот финансовый багаж, на котором могут строиться вооруженные силы Афганистана. Как зякет, так и херадж являются главными типами налогов не только в Афганистане, но и в Бухаре, Хиве, кое-где в Индии, почему и заслуживает нашего к себе внимания.

Зякет

Позвольте, поэтому, коснуться этого вопроса подробнее. Зякет в переводе значит очищение [Желающим ознакомиться в подробностях с этим интересным мусульманским институтом могу указать на Хидаю, Комментарии мусульманского права. Перевод с англ. Н. И. Гродекова. 4 тома 513, 462, 423 и 319. — Ташкент, 1893 г. О Зякете книга I, 69–130 первого тома.]. Магомет говорил определенно, что каждый мусульманин должен известную долю из своего движимого и недвижимого имущества выделять для бедных. В этом законе должны быть выделены три принципа: 1) обязанность каждого правоверного мусульманина, состоящего в здравом уме, делиться известной долей своих доходов; 2) эта доля, предназначалась для бедных и 3) она бралась с прирастающего имущества и начиная с некоторого минимального его размера; хозяин, например, стада коз числом меньше сорока, уже не был обязан вносить зякета. Из этого примера вы можете сделать тот правильный вывод, что зякет является налогом скромным и разумным, что Магомет, судя по этому закону, был хорошим и политиком, и законодателем. В случае зякета, например, он не упустил важного принципа предельного имущества, ни принципа взимания лишь с прирастающего имения, т. е. с того скота, который пасется на воле, на свободной траве и дает естественный приплод. По духу закона лошадь, нужная для верховой езды и стесненная в процессе естественного размножения, исключается из зякета. В Афганистане зякету подлежат: верблюд, овца и коза, привольно размножающиеся на его плодотворных полянах. Таковы юридические и священные основания зякета. Жизнь и практика изуродовали эти основания до неузнаваемости. Пророк предназначал зякет для бедных, и при его жизни, да и при его первых искренних преемниках власти зякет удерживал свою первоначальную форму, но затем он был у бедных отобран знатными и влиятельными и стал предметом государственного или княжеского налога. Пророк приказывал брать средний скот, на практике берется, вероятно, лучший. Пророк допускал вместо натуре вносить зякет деньгами, но и это разрешение на пути практики и злоупотреблений сделалось источником больших неправд и горя. Желающие ознакомиться с подробностями могут найти их в моих трудах “Индия, как главный фактор в Средне-Азиатском вопросе” и “Восточная Бухара”, а также в работах, занимавшихся бытовой и этнографической стороною среднеазиатской жизни.

Такова первая главная форма взимания налога, которая лежит в основе финансовой системы Афганистана. Если вы вспомните, что горы Гиндукуша полны скотом, что афганцы, главным образом, занимаются скотоводством, имеют большие стада, вы поймете, что зякет является одной из существенных форм государственного дохода. Повторю лишь ту мысль, что в основе законодательства Магомета было положено много разума и экономического расчета, им принималось в расчет поддержать бедный люд и не разрушить хозяйство богатого; эти мероприятия совершенно справедливо и ныне вызывают в нас чувство разумного и даже этически красивого. Но ненужные для хозяйства излишки стали захватывать богатые, взяв их у бедных, мысль Пророка властители извратили и из красивого по замыслу законодательства сделали на пространстве веков тяжкую и глубоко несправедливую налоговую систему.

Херадж

Перейду ко второму типу. Это — налог на возвращаемый хлеб. Мусульманское право устанавливает, что со всякой десятины, орошаемой естественно, должна выплачиваться одна десятая часть, а с искусственно орошаемой десятины — пятая часть. Нужно сказать, что, согласно указанного постановления мусульманского права, этот налог взимается в Афганистане, Бухаре, Западном Памире и других восточных странах, но канва, намеченная Пророком, и в херадже значительно испорчена злою людской волей.

Скажу о том процессе, каким выполняется сбор хераджа. После созревания продуктов и жатвы их последние свозятся на токи. Обыкновенно несколькими лицами выбирается общий ток, куда и свозятся все продукты как подлежащие молотье, так и не подлежащие; из последних один только кунжут свозится и остается в снопах для контроля; от льна обычно пользуются только семенем, из которого готовят льняное масло, волокна же идут на корм скоту.

Как только земледельцы приступают к молотье, появляется на сцену особый класс людей, находящийся в распоряжении амлякдаров и носящий в Бухаре название “дарга” [Наши летописи это слово в свое время переделали на “даруги” или “дороги”, как, по их мнению, назывались татарские сборщики дани на Руси, или вообще заведовавшие татарским управлением. См. С. Ф. Платонов. Лекции по русской истории. — СПб., 1909 г., изд. 6-е, стр. 110.]. Число последних в каждом амлякдарстве [Совокупность нескольких кишлаков, вроде нашей волости.] бывает различное, в зависимости от района и густоты населения. Каждый “дарга” в своем участке обязан следить за тем, чтобы ни одна частица какого-либо продукта не была скрыта до выяснения общего количества урожая. Последнему отчасти способствует и то обстоятельство, что током пользуются несколько лиц, а потому в данном случае имеется как бы круговая порука. У каждого дарги есть несколько помощников, которые днем следят за молотью, а ночью окарауливают токи.

По окончании молотьи, когда зерно каждого сорта собрано в кучи, последние печатываются имеющимися у дарги печатями. Печати эти — деревянные, имеют или квадратную форму (каждая сторона равна двум вершкам), или круглую (два вершка в диаметре); в печатях вырезаны имена владельцев печатей или какие-либо условные знаки. Самое печатывание куч зерна производится следующим образом. Берется несколько комьев сырой земли, на одной из поверхностей которых делается отпечаток с печатей, затем комья эти вставляются в кучу зерна на известной высоте от поверхности земли и по кругу на известном друг от друга расстоянии. Комья вставляются, таким образом, что наружу бывают обращены только поверхности с отпечатком печатей. После такого печатывания окарауливание прекращается, а в случае похищения из кучи зерна (на что будут указывать смещенные комья) вся ответственность падает на хозяина кучи.

После печатывания всех куч дарги сообщают об этом амлякдарам. Тогда последние и несколько доверенных их лиц выезжают в уезд и осматривают каждую кучу, чтобы определить на глаз количество зерна в кучах.

Мерою для определения количества служит местная мера, вес которой в каждом районе страны различен. Обыкновенно амлякдар, осмотрев кучу зерна, заявляет хозяину ее, что в куче столько-то весу, причем, блюдя интересы казны (а больше свои собственные), всегда, конечно, преувеличивает количество. Хозяин же, зная привычки начальствующих лиц, в большинстве случаев не соглашается с определением амлякдара и настаивает на том, что в куче находится меньшее количество зерна, чем указывает начальство. Начинается

продолжительный спор. Третьим судьей выступает “амин” [Сельский староста.], человек наиболее в подобных делах опытный. Он берет обыкновенно среднюю цифру тех определений количества зерна, которые были сделаны как амлякдаром, так и хозяином, и категорически объявляет свое решение. В большинстве случаев с определением амина и соглашаются обе стороны. В случае же, если и амин не в состоянии бывает примирить обе стороны, — прибегают к весам и производят точное взвешивание. После определения количества того или другого продукта амлякдар записывает за известным лицом количество зерна, которое должно поступить в уплату хераджа.

Сбор хераджа, так же, как и зякета, производится не натурой, а деньгами. Уплата хераджа деньгами производится в течение зимы по справочным ценам, утвержденным правительством.

Справочные цены составляются чинами судебной власти в каждом округе (казы-раисами). Последние на местных рынках в течение известного времени следят за ценами, которые устанавливаются народом на все продукты нового урожая, а затем берут среднюю цену, которая и идет за справочную. Эти-то справочные цены казы-раисы посылают на утверждение правительству, которое по утверждении возвращает их снова казы-раисам, а эти последние передают их начальнику округа. Последний, в свою очередь, рассылает справочные цены амлякдарам, которые уже объявляют их населению и приглашают последнее к уплате хераджа.

В нарисованной нами картине много темных пятен, хотя и скрытых от малонаблюдательного глаза. Например, цены устанавливаются определенным лицом, которое по существу является чиновником. Как представитель власти, он живет умением поднять цены, по крайней мере, начальство в этом направлении его поощряет, и ясно он старается поймать момент, когда хлебные цены на базаре являются высокими и таковые он устанавливает как средние. Он шлет эти цены начальнику округа, который, сделав изменения, чаще, конечно, в сторону повышения, посылает цены наместнику, имеющему право утверждать их. Если наместнику дают рассмотреть имеющиеся варианты, то из них он возьмет скорее самые высокие, а если все варианты ему покажутся почему-либо слишком низкими, то он их увеличивает на 10–20% и даже 30%... В результате, цены будут значительно выше тех, которые диктуются жизнью. Других злоупотреблений в процессе собирания хераджа мы касаться не станем, — их немало. В конечном результате, и здесь, как и в случае с зякетом, земледелец платит много больше, чем это приказывается мусульманским законом.

Во всяком случае, зякет и херадж являются основными налогами, и если нужно подсчитать количество ресурсов, которыми располагает азиатское государство, то нужно прежде всего изучить, как в нем и в каком количестве собираются зякет и херадж; подчеркиваю, не так, конечно, как установлено это законом, а как протекает сбор на практике, если только это, конечно, удастся уловить. Правильный подход к решению точно указать нельзя, но практически попасть на него очень важно. Случайно можно узнать, например, количество хлеба и скота в отдельном, хотя небольшом, районе и от него с должными поправками сделать заключение относительно больших площадей, блюдя научную осторожность. Если удастся узнать общее количество собираемого натурой с того или другого района и попутно ознакомиться с процессом собирания (степенью его жестокости или снисходительности), то перевести весь материал на деньги, определив на базарах средние цены, будет уже нетрудно.

С другой стороны, может быть удастся, через мирзу или другим путем, узнать, сколько в определенном году каким-либо районом послано эмиру рупий зякета и хераджа. Тогда,

что будет труднее, надо в исследованиях идти через проверенные средние цены к определению зякета и хераджа в натуре, т. е. к определению количества собранных животных и пудов хлеба. Зная процедуру сбора, можно от последней данной определить общее богатство какой-либо провинции (округа, района) скотом и хлебом.

В первом случае можно установить наиболее крупную статью афганского государственного дохода, во втором — естественное богатство страны скотом и продуктами земледельческого труда.

Я указываю только метод, по которому вы можете произвести такой учет, но, конечно, здесь возможны различные поправки и много частных приемов [В работах по Афганистану очень часто фигурируют расспросные сведения, и таковые дают некоторые результаты. Например, Д. А. Мельникову удалось таким путем установить, что в Афганском Туркестане (в степной его части) засеивается около 300 тысяч десятин; что избыток пшеницы для Ходжа-Нахра (18 арыков Балха) и Таш-Кургана доходит до 1.358.000 пудов, но автор справедливо считает эти цифры дающими лишь приблизительное представление о количестве земли и получаемого хлеба. См. Д. А. Мельников. Район операционных путей от Термеза к Кабулу. — Ташкент, 1907, 354, стр. 126–130.]. Если, например, у наместника показана определенная сумма сбора, то вам придется 20–25% сбросить, чтобы подойти к более естественной и т. д.

Указав на два типичных и главных вида податей, я не хотел бы останавливаться на других более мелких, но чтобы охарактеризовать, каково податное положение человека в Азии, я скажу немного и о других налогах, взявши за пример Бухару. Я много в данном случае не согрешу, так как Бухара и Афганистан очень похожи и с административной и с экономической точек зрения. Мелкие налоги могут носить в Афганистане иные имена, представлять варианты в подробностях, но существо будет то же, а это главное. Эти налоги следующие:

Второстепенные налоги

Зякет-чакана. Подать эта взимается с лиц, не платящих настоящего зякета, т. е. с имеющих в своем хозяйстве менее 40 баранов или коз. Для сбора этой подати ежегодно весною беком в каждое амлякдарство назначается чиновник, который объезжает всех жителей, не платящих настоящего зякета, и взимает по наличному числу скота с каждого барана половину теньги ($7\frac{1}{2}$ коп.) и с каждой козы по четверти теньги ($3\frac{3}{4}$ коп.): Весь этот сбор идет в пользу бека.

Кош-пулы. Весною, перед началом полевых работ, каждый землевладелец обязан уплатить с каждой пары рабочего скота, которым он собирается возделывать землю, будь то быки или лошади, от 4 до 8 тенег. Размер платы находится в зависимости от качества, а, следовательно, и от плодородности земли. Все деньги идут на содержание бека.

Як-сира. Помимо уплаты “кош-пулы”, тот же землевладелец должен уплатить с каждой пары рабочего скота стоимость одного батмана [В каждом бекстве различен. Колеблется от 8 до 16 пудов.] пшеницы; не освобождаются от этой подати лица, имеющие даже одну несчастную скотину; даже они уплачивают стоимость половины батмана пшеницы. Деньги также идут в пользу бека.

Кафсан. Следующим за беком по рангу административным лицом в бекстве является амлякдар. На его долю перепадает также немалая толика. С каждого батмана продуктов земли, полученных от урожая, за исключением уплоченного хераджа, в пользу амлякдара

каждый землевладелец уделяет по одному пуду (пандж-сир). Пандж-сиром называется камень, по весу равный одному пуду. Значит, амлякдар берет от 6 до 12% урожая.

Мираб-ана. Мираб есть лицо, заведующее ирригацией в известном районе и назначаемое беком. Много труда и внимания должен приложить мираб, чтобы вовремя и равномерно распределить воду по полям, никого не обидев. Для земледельца это лицо очень важное. По заслугам его ему и воздается четверицею. Каждый землевладелец, владеющий заливными полями, на которых возделывает рис, должен уплатить мирабу с каждой пары рабочего скота по одному батману риса натурою или стоимость его.

Кафсан-дарга. Не оставлены без внимания и лица, именуемые дарга, о которых упоминалось выше. Им не назначен определенный размер уплаты, но каждый дарга получает от землевладельца по обоюдному соглашению.

Налоги. После перечисления вышеозначенных податей казалось бы, что каждый землевладелец, воздав всем начальствующим каждому его долю, сообразную или несообразную с заслугами, может свободно везти на базар для продажи избыток продуктов, если таковой у него оказался. Но не тут-то было. Здесь он снова должен уплатить за право продажи особый налог, называемый “амин-ана”.

Амин-ана. Все базары Гиссарского бекства сданы трем арендаторам (амин-аначи). Так, один и тот же амин-аначи арендует базары в Гиссаре, Каратаге, Ханака, Газималеке, Шуриане, Ак-Кургане, Регаре и Суфиане. На его обязанности лежит следить за чистотою на базарах и содержать базарные весы. За аренду всех вышеозначенных базаров он уплачивает ежегодно беку 50 тысяч тенег (7.500 рублей).

Из двух других арендаторов один уплачивает ежегодно 70 тысяч тенег (10.500 рублей), а другой — 13 тысяч тенег (1.950 рублей).

Посмотрим, чем пользуется сам арендатор. За каждый проданный батман (какого бы то ни было продукта) он получает с продавца по три теньги. За проданного верблюда или лошадь — по две теньги; за проданного быка или корову — одну теньгу; за проданного барана — по половине теньги и за проданную козу — по четверти теньги.

Само собою разумеется, что каждый арендатор содержит большой штат людей, наблюдающих за продажей на базарах. Ввиду же того, что продажа может быть совершена и помимо базара, в любом кишлаке, каждый арендатор, чтобы не потерять своего, имеет во всех кишлаках особых агентов, которые зорко следят за куплей и продажей и не пропускают ни одного продавца, чтобы не получить с него должного.

Ассия-пулы и абыджуваз-пулы. Каждый бек, отличаясь большею или меньшею алчностью к деньгам, самовольно накладывает в своем бекстве налоги в свою пользу на мельницы и толчеи. Так существует налог на мельницы от 20 до 100 тенег в год; на толчеи — от стоимости одного батмана рисовой крупы до стоимости двух батманов неочищенного риса (шалы). Размер налога зависит от работоспособности мельницы или толчеи.

Тунал-пулы и аляф-пулы. Не оставлены без внимания бека фруктовые сады и клеверные поля, приносящие доход хозяину от продажи избытка. Так, с каждого танапа фруктового сада (60 квадратных аршин) поступает в пользу бека налог от 16 до 18 тенег в год. С каждого такого же танапа клеверного поля взимается налог в размере четырех тенег в год [Мною не перечислены все виды налогов. Есть еще, например, джозие, подать,

уплачиваемая евреями или индусами, бадж — сбор с караванов или скота, перегоняемого для продажи на базары, переправочные сборы и т. п.].

Я это все описываю, конечно, не для того, чтобы вызвать с вашей стороны или чувство жалости, или чувство негодования, а для того, чтобы вы представили себе реальную картину положения маленького человека в Афганистане. Этот человек представляет собою интерес в двух отношениях. Во-первых, он являет собою рабочую силу. Если вы заинтересованы в этом человеке с точки зрения экономической, то вы ясно себе представите, что раз при таких огромных поборах он может еще жить и кормить семью, то, несомненно, он представляет огромную продуктивную силу. И, действительно, наблюдая его, особенно земледельца, можно удивляться, сколько он может работать. С другой стороны, он, при всем рабстве, остается и политическим фактором. Вы видите, что этот человек вынужден много страдать, много перенести, много скрыть в себе источников для недовольства, должен, с другой стороны, носить в душе немало розовых упований. Отсюда ясно, что в Афганистане система власти не должна покоиться на основе устойчивой. Между массой трудящихся и массой властвующих слишком большая пропасть, которая всегда может быть расширена, и угнетаемая масса рано или поздно может познать себя свободной и восстать. Вот на что я хотел указать своими, может быть, тяжкими подробностями: и с экономической стороны, и с политической земледелец азиатской страны представляет собою такую разновидность, которая может безропотно много работать, много созидать и много терпеть, но этот процесс широкого угнетения плодит недовольство, бунт, и такой порядок вещей может оборваться.

На этом я оканчиваю вопрос об администрации и, в частности, о хозяйственной системе Афганистана. Я хочу оттенить при этом ту сторону, что та часть податного обложения, которая имеет официальный вид, т. е. уплачивается эмиру или идет на войска, может быть подмечена довольно точно, и ее можно проследить от верху до низу с точностью учета взятой курицы, но то, что берется сверх нормы, что прилипает на перепутьи к рукам и что вымогается, точному учету не подлежит. А это будут огромные суммы. Я хочу этим сказать, что вы можете еще при своих исследованиях уловить, каковы общие податные ресурсы Афганистана, но сколько идет на реальные нужды государству и сколько идет на сложную административную лестницу, учесть невозможно. А поэтому сделать вывод, какие шансы имеет эта страна в общеэкономическом отношении и как сильна она в военно-экономическом, — очень трудно.

Военно-заводская деятельность в Афганистане

Говоря о промышленной деятельности Афганистана в свое время я коснулся ее мимоходом и небрежно. Между прочим, таковая существует, хотя и в зародыше, а именно в форме военно-промышленной деятельности. В своем месте я был прав, так как, говоря о деятельности народа, я должен был говорить только о таковой, в которой принимает участие народ, т. е. о деятельности массовой, а не одного лишь правительства или той или иной группы народа. Теперь, подходя к более специальной военной оценке Афганистана, я должен коснуться этой заводской деятельности, как имеющей для афганской армии большое значение. Основание заводской и фабричной деятельности в Афганистане приписывают Абдурахману, что и справедливо. И в главных чертах изложенные ниже сведения взяты из автобиографии этого эмира, хотя эти сведения многие специалисты считают сильно преувеличенными.

Несомненно, Абдурахманом сделано очень и очень многое. Им основано особое управление государственного секретаря (мирмунши), где собираются и проверяются отчеты о всех мастерских, составленные иностранцами, находящимися на службе. Здесь

же переводятся на персидский язык книги, касающиеся фабричного производства, химии, физики, математики и пр.

Абдуррахман-хан заключил контракты с англичанами, индусами и др. иностранцами на том условии, что они могут оставить службу лишь после того, как их ученики в состоянии будут в своей работе обойтись без своих учителей. Благодаря такой системе, много различных отраслей промышленности находится всецело в руках афганцев. История создания военно-заводской промышленности такова.

Первоначально заводская промышленность в Афганистане была направлена почти исключительно на обеспечение государства предметами для военных нужд. Поэтому первое время были куплены машины для выделки орудий, ружей и снарядов. Для устройства заводов и фабрик был выбран в 1885 году участок земли Алам Гандж, недалеко от Кабула, на реке того же наименования. Здесь были устроены механические заведения и в них были установлены станки токарные, сверлильные, инструменты для формовок, чеканки монет, резальные машины для чугуно-литейных мастерских и паровики в 3, 6 и 8 лошадиных сил. Все эти машины были куплены в Калькутте, и при них состояло 22 индусских мастера. Настоящим образом заводское дело было организовано тремя английскими инженерами, в особенности мистером Сальтер Пайном [В Кабуле перебивало много специалистов-техников, особенно артиллеристов. Таковы: С. Пайн, Аккин Мартин, Джером, Мак Дермот, Кашерон, Сорнтон, Клементс, Мидлетон, Стюарт, Вальтер, Грант, Донован, Эдуардс, Таскер, Ричес, Ф. Мартин, Финлесон, Флейшер и др. Большинство специалистов — англичане.]. Мало-помалу заводский порядок рос, мастерские расширялись, подводились новые; ставились уже общегосударственные цели. В дальнейшем были поставлены машины для изготовления ружей Генри-Мартини и Снайдера и патронов к ним, также машины для сверления орудий и ружейных стволов, стосильная паровая машина с котлами, паровые молоты с котлами, машины для шитья кожи, изготовления пороха, мыла, свечей, чеканки монет. Построены были пильные заводы и установлены машины для столярных работ.

Были поставлены машины для выделки и окрашивания кож, инструменты земледельческие и садовые; машины для плавки руды, разных металлов с целью отливки больших орудий. Затем машины для выделки холодного оружия, патронных гильз, снаряжения патронов, отливки и изготовления снарядов для мортир и тяжелых орудий и другие машины. Из года в год запас машин увеличивается, а количество рабочих, занятых казенными работами на фабриках, заводах, рудниках, постройках и дорогах, тоже. Лет пять назад количество казенных рабочих вышеупомянутых категории доходило до 100 тысяч.

В 1894 году из-за притеснений английских властей, задержавших скорострельные пушки Гочкиса, выписанные Абдуррахманом из-за границы, кабульский завод по чертежам стал сам их изготовлять. Затем ходили слухи, что стали изготовлять пушки Максима, Гарднера и Гатлинга. За последнее десятилетие введено электрическое освещение и телефоны.

На монетном дворе в Кабуле можно ежедневно чеканить от 80 до 100 тысяч рупий. Тут же изготовляются штемпеля и эстампы.

Для ружей каждой системы кабульские мастерские могут изготовлять ежедневно до 10.000 патронов, а в случае нужды — вдвое более. Что касается изготовления самих ружей, то это дело организовано мистером Кашероном, служившим на правительственном заводе в Индии. Лет 15 тому назад на заводе можно было изготовить в день до 15 винтовок Генри-Мартини. С начала нашего столетия выделяются магазинные винтовки

Ли-Митфорда новейшего образца. Орудийный завод был выстроен и организован английским инженером Стюартом, при этом были доставлены в Кабул очень громоздкие машины, котлы и станки в 28 футов длиною, и это при условии отсутствия железных дорог!

Кроме военных потребностей, существуют заводы по всем другим специальностям (винокуренный, кожевенный, мыловаренный, свечной и т. п.). Кроме того, процветает разная промышленность, начиная от телескопов, дальномеров для артиллерии, гелиографов и кончая работами архитектурными, столярными и т. п.

Чтобы завершить вопрос о военных заводах, я прочту выписку из труда Иванова, как наиболее свежий материал. Поскольку можно ручаться за его сведения, можно видеть из того, что Иванов пишет довольно сдержанно и осторожно, на словах же он мне говорил, что в свое время принял все меры для того, чтобы проверить собираемые данные.

“Афганская армия обслуживается кабульскими военными заводами. Осмотреть их удалось тов. Куликову. Наших военных, конечно, туда не пустили. Осмотр производился форсированно и далеко не полно.

Завод изготавливает: орудия, пулеметы, винтовки, порох, патроны, снаряды и сукно. Кроме того, при этом заводе имеется монетный двор и типография, при нас не работавшая. Завод основан около 40 лет тому назад английскими техниками, сейчас им заведует турок-эмигрант. На заводе 100-сильный 2-цилиндровый двигатель и 2 динамо. Завод выпускает до 350 винтовок и карабинов системы “Пибоди”, в месяц (очевидно в год). Работа хорошая. Гильзы, оболочки для пуль и самые пули выпускаются этим же заводом; патронов выпускается до 10.000 в день. Оболочка латунная. Работа довольно чистая. Пистоны изготавливаются тут же. Завод выпускает якобы и скорострелки 3-дюймовые и 6-дюймовые клиновые, но тов. Куликов видал только 2 орудия. Судя по его описанию, один 3-дюймовое клиновое, а другое “очень длинное”, вероятно, типа нашего 4-х с половиною дюймового клинового. Видал там и 2 пулемета, один, несомненно, системы Максима. Пулеметов завод выпускает якобы по 24 в год. Снаряды выпускаются до 350 в день (очевидно в месяц). Дистанционные трубки — латунные. Порох для снарядов и патронов изготавливается этим же заводом только дымный. На этом же заводе он и хранится до снаряжений. Завод выпускает шашки и штыки среднего качества, если судить по шашке, подаренной мне эмиром. Монетный двор может выпускать до 60.000 рупий в день. Сукон хорошего качества выпускает до 300 метров в день. Кожу, кожаные изделия, обувь на армию поставляет военный кожевенный завод. На нем имеется локомобиль 12 сил, обслуживает все отделения завода и швальню. Чанов не более ста на 20 кож каждый. Выпускается подошвенная кожа, яловка и род нашей болгары. Подошвенная кожа высокого качества, яловка и болгара — среднего. Обработка кожи длится около 40 дней. Дубление производится при помощи обработки настоем из кожи урюка и чернильного танинного орешка, окраска в черный цвет уксусом и ржавленным железом. Завод выпускает до 50 кож в день всех сортов. Обувь изготавливается машинным способом. Особыми штампами режутся верха, задники, боковицы и подошвы и набиваются каблуки. Обувь на железных гвоздях. Готовой обуви выпускается до 100 пар в сутки. Имеется и особая мастерская при заводе, выпускающая, сверх того, до 30 пар обуви в день для чиновников и офицеров. Ручным способом выпускают 4 английских седла в неделю. Пояса, ремни и прочие нужные воинской амуниции вещи выпускаются этим же заводом. В Афганистане очень много мелких мастерских, делающих пояса, кобуры и т. д. На приведенных двух заводах работает 1.500 человек. Хотя нам говорили, что до 4.500 человек. Оплата труда рабочим не свыше 30 рупий в месяц, высшему персоналу не более 500–600 рупий в месяц, все на казенном пайке.

В распоряжении эмира имеется до 40 автомобилей разных систем. Есть мотоциклетки. Телеграфа в стране нет. Телефоны в Кабуле в официальных учреждениях есть. Говорят, Джелалабад связан телефоном с Кабулом”.

Я не буду входить в оценку сведений, представляемых Ивановым. Некоторые из его цифр как будто очень старые, — я их видел еще в автобиографии Абдуррахмана или в других старых источниках: очевидно, мирзы находили возможным сообщить эти давно известные цифры. Но многие цифры, несомненно, новые. Что Кабул соединен с Джелалабадом телефоном и даже возможно с Пешавером — это вероятная правда, так как об этом я имел сведения из других источников.

На этом я заканчиваю общее описание Афганистана... в дальнейшем перейду к обзору его вооруженных сил, крепостей и операционных путей.

Глава седьмая

Военные качества народа. — Величина афганской армии. — Комплектование армии. — Офицерский состав. — Дисциплина. — Организация вооруженных сил. — Вооружение афганской армии. — Форма одежды. — Питание армии. — Денежное довольствие. — Численность афганской армии. — Третья англо-афганская война.

Военные качества народа

Приступая к очерку вооруженных сил и придерживаясь усвоенных нами принципов освещения, считаю нужным указать, что военный географ должен себе ясно представить, из каких народных элементов и элементов какого содержания составляются вооруженные силы того или другого государства. В этом отношении заслуживает упоминания то обстоятельство, что географы разделяют народы на две, резко отличающиеся друг от друга, категории — на народы воинственные и народы невоинственные. Эта мысль особенно рельефно разработана англичанами.

К какой категории относится главная часть афганского населения? Несомненно, — к воинственной. В моем курсе я уже имел случай указать, почему из афганцев, путем этнического скрещивания и дорогой исторических испытаний, должен был получиться народ активный, гордый и самолюбивый. Для войны требуются от народа следующие качества: патриотизм [Т. е. любовь к родине или, понимая более широко, проникновение общегосударственным настроением.], хладнокровие, мужество, физические силы, выносливость и терпеливость. Анализ военных качеств афганца показывает, что все эти качества в нем есть налицо. Ему присущи, конечно, и отрицательные черты: афганец с трудом поддается дисциплине, он бунтарь по природе, слабо выполняет общую директиву, склонен действовать партизански, не в меру самолюбив, заносчив. Все эти положительные и отрицательные качества, находят свое объяснение в истории. Вдумываясь в происхождение афганца, найдем, что прежде всего он ариец, почему в основе своей натуры он должен быть храбр; затем, его первоначальной и, по-видимому, очень длительной родиной были Сулеймановы горы, которые усилили и доработали воинственный характер народа, прибавив ему выносливость, свободолюбие и пылкость. Если вы к этому прибавите, что афганец является на три четверти кочевником, значит лошадиником, то и это обстоятельство должно было усугубить в нем природные качества воина.

Итак, вы видите, что природа народа и его история сделали его воинственным, что его подоплека, с точки зрения основных требований войны, положительна, а такой народ понесет все военные невзгоды легко, способен создавать государство, склонен увеличивать его территорию и умеет отстоять свою самостоятельность среди других народов, если история это ему подсказывает.

Величина афганской армии

Какова численность афганской армии?

Иностранные ежегодники определяли регулярную афганскую армию в 90-х годах прошлого столетия в 35.000 человек, за что были жестоко высмеяны Абдуррахман-ханом. Эта цифра годами оставалась неизменной, и только последнее время в 1904 году Statesman's Yearbook увеличил ее до 44.000, включая 7.000 кавалерии и 360 орудий [В этом сборнике за 1910 г. величина афганской армии определяется в 60–90 тысяч человек, включая сюда 9 тысяч кавалерии и 360 орудий.]. По русским сведениям 80-х годов (Соболев) сила афганской армии, которой положил начало эмир Шир-Али-Хан, достигала в 1878 году 50 тысяч человек, насчитывал 68 батальонов пехоты (по 600 человек), 16 полков кавалерии (по 500 человек) и до 300 различных орудий, но в общем с нашей точки зрения это было бы не войско, а скопище, иногда хорошо управляемое. Кроме того, имелось ополчение: конное до 80 тысяч человек и пешее до 60 тысяч.

Лет десять тому назад численность регулярных войск Афганистана определилась по русским источникам в 90 с лишком тысяч человек всех родов оружия. Новейшие английские исследователи тоже склоняются к цифре 90 тысяч регулярной армии [У Гамильтона (стр. 321) общая цифра армии сводится к 148.000, но из них 30 тысяч приходится на полицию и 30 тысяч на племенные войска.].

Что же касается размеров иррегулярных войск (милиции) и вооруженного ополчения, то все эти цифры отличаются полной гадательностью. Абдуррахман-хан считал, что его отечество может считать себя в безопасности от всех соседей лишь в том случае, если у него будет обучено до 1 миллиона человек. Можно смело сказать, что этой цифры обученных воинов Афганистан сейчас дать не может и вряд ли ее даст в ближайшем будущем.

Состав ополчения можно приблизительно учесть следующим образом. Возрастных классов, годных стать в строй, статистика насчитывает одну десятую всего мужского населения страны. Считая только мужское афганское население, мы имеем от 125 до 150 тысяч человек. Прибавляя еще столько же неафганского населения, имеем до 300 тысяч. К этой же цифре надо прибавить еще афганское ополчение северо-западной границы, которое в случае священной войны придет хоть частью на помощь своим товарищам. Военные специалисты определяют помощь северо-западной границы в 100 тысяч человек, итого все ополчение может дойти до 400 тысяч.

Центральное управление, находящееся при эмире в Кабуле, состоит из нескольких канцелярий, ведающих различными отделами управления и снабжения войск, но в общем эти канцелярии мало обособлены и им приходится вести и гражданскую часть.

Комплектование армии

Вопрос о комплектовании афганской армии является также вопросом не совсем ясным. Наиболее свежий наблюдатель афганской армии, Б. Н. Иванов, говорит, что афганская

армия вербуются из добровольцев. Едва ли это правильно. Против этого говорят следующие сведения, которыми мы располагаем из различных источников.

Комплектование армии по системе всеобщей воинской повинности Абдуррахману, по-видимому, не удалось, хотя и была серьезная попытка в 1895 году заставить съехавшихся ханов принять эту систему [Автобиография Абдуррахмана склонна этому эмиру приписать создание заново афганской армии, что неверно. Начала организации были положены Шир-Магомет-ханом, офицером англо-индийской армии, по имени Кэмпбелль. Взятый в плен, он принял магометанство и создал Балхскую армию при Балхском хане, Магомет-Афзуль-хане (отец Абдуррахмана). Шир-Али, эмир 1863–1879, много принял с Балхской армии и продолжал вводить улучшения, взяв за образец англо-индийскую армию, Абдуррахман лишь успешно продолжал дело этих двух лиц.]. Во всяком случае, вопрос о комплектовании регулярной армии и пеших милиционеров вполне упорядочен, но существующие нормы в провинциях и отдельных племенах весьма различны, и потому трудно говорить об определенной системе.

В Гератской провинции, например, наборы производятся по селениям или арыкам, пропорционально числу жителей. Разверстка рекрутов совершается в присутствии понятых из населения и особо уполномоченных офицеров и гражданских лиц. Выкуп рекрута (взятка) допускается, и потому отбывание повинности лежит на беднейшем классе населения. В других провинциях есть различные варианты.

Считают, что воинская повинность обязательна для всех подданных, за исключением узбеков, признаваемых негодными; они платят налог [Хотя по сведениям газарейского хана Магомета-Азима в Мазар-и-Шерифе и Дейдади, в общем числе 7 палтанов, значились два “Мазари-Джадидинави” и “Мазари-кунаги-турки”, оба набранные из узбеков. Сведения хана в свое время (1898 г.) произвели впечатление, но по проверке оказались незаслуживающими особого доверия.]. Люди, не попавшие в постоянные войска, зачисляются в резерв, которому в мирное время ведутся списки: состоящие в резерве получают небольшое жалование, заменяемое продовольствием натурой.

Призывной возраст от 18 до 35 лет, хотя по закону считается в 21. Срок службы ныне установлен в 18 лет, что исключает возможность иметь молодой запас армии.

Регулярная армия пополняется преимущественно племенами афганской народности, а милиция из остальных племен, несущих военную службу. Регулярные войска обыкновенно расквартированы не в тех провинциях, где они укомплектованы, а милиционеры остаются в своих родных местах. Пешая милиция комплектуется подобно регулярной армии, а конные милиционеры комплектуются по усмотрению ханов, обязанных выполнять таковой наряд.

В вооруженном ополчении числятся способные носить оружие в возрасте от 16 до 70 лет. Чтобы усилить регулярную армию, иметь резервы первой очереди, Абдуррахман в 1896 году приказал от каждых семи–восьми членов семьи доставлять в армию на короткий срок обучения одного рекрута, который за это получал право брать с собою в деревню ружье. Покойный эмир Хабибулла приказал производить таким рекрутам, находящимся в деревнях, инспекторские смотры и привлекать их к стрельбе. Все эти сведения о резервистах попадались в индийских газетах, но наши специалисты утверждают, что все это существует лишь на бумаге, в действительности постановка резерва крайне неудовлетворительна.

Вот та, не во всех подробностях ясная картина, которую можно составить на основании разных источников относительно комплектования афганской армии. В последнее время имелись слухи, что будто бы провинции с преобладающим афганским населением, каковы Кабульская, Кандагарская и Джелалабадская, окончательно перешли на обязательную воинскую повинность, а в других провинциях сохраняется система добровольцев, но эти слухи нуждаются еще в серьезной проверке.

К упомянутой картине комплектования надо добавить, что мизерное состояние военнотруженика, жалкая оплата его опасного труда, допущение выкупа (взятка) и замены, частые отпуска, плохо контролируемые, и вообще плохой контроль за личным составом армии — ведут к тому, что в рядах ее удерживаются неудачники, бездомники, люди, отвыкшие от труда. Возрасты в рядах афганской армии можно найти всякие, начиная от безусого 17-летнего мальчика и кончая седым уже слабым стариком. Одеты солдаты афганской армии плохо и разнообразно. Вообще, внешний вид афганской роты производит самое невыгодное впечатление. Словом, в ряды армии идет не цвет страны, а ее отброс.

Что касается бытовой стороны афганской армии, то эта сторона плохо урегулирована и довольно первобытна. В больших городах регулярные афганские войска размещаются в казармах, в других случаях воинские части размещаются среди населения. Последний вид допускается, как исключение, но очень часто практикуется, как система наказания. Если какой-либо кишлак или дом совершили какое-либо преступление: невзнос подати, укрытие преступника и т. д., то в наказание на постой присылается воинская часть или отдельный отряд. Поведение последних столь бывает разнузданным и наглым, что население считает эту меру эмировского возмездия исключительно тяжелой и всячески старается ее избежать. Факт во всяком случае очень интересный для характеристики нравов и личного состава афганской армии.

Жизнь в казармах обычно не составляет обязательства, и главная причина этому — отсутствие артельного довольствия. Каждый получает содержание и должен сам себя кормить. Обыкновенно солдат или вступает в общий котел с товарищами, или пристраивается к какой-либо семье, или чаще всего заводится своей семьей, где и кормится. Все это делает казармы лишь местом для официальных занятий, дежурных нарядов и т. п. Ясно, что спайки товарищеской в афганской армии ждать не придется.

Что касается занятий в афганской армии, то таковые сводятся к самым рудиментарным строевым упражнениям: обучают стрельбе, маршировке, поворотам, бегу, удару штыком, сборке и разборке винтовки. Кроме того, несколько обучают рассыпному строю и маневрам с холостыми патронами. Относительно маневров, соединения хотя бы в мирное время существующих тактических организаций в более сложные или в отряды из трех родов оружия, об этом нет сведений. Нужно думать, что беднота финансов и примитивность военных воззрений мешают организации более сложных типов военной практики.

Все, что нами сказано, относится к регулярной армии. Относительно ее резервов, наши сведения еще туманнее. Два главных вопроса связаны с резервной частью — степень ее выучки и быстрота и надежность сбора в нужные минуты войны.

Мы уже сказали, что два покойных эмира, Абдуррахман и Хабибулла-хан, заботились об обучении резервистов, но достигало ли это цели?

Если учитывать то обстоятельство, что афганское племя в областных сферах достаточно свободолюбиво и что власть центра по отношению периферий слаба, то попытки призывать к обучению едва ли можно считать осуществленными. Если же еще учитывать то обстоятельство, что оружия мало, то ясно, что если бы на резервные сборы поступало все количество людей, то и из этого мало что вышло бы, так как обучать пришлось бы с голыми руками. Вероятнее всего резервы представляют собою совершенно необученную сырую массу. Но в этой критике резервов ненужно идти слишком далеко. Нельзя забывать, что масса афганцев по своей природе воины и кавалеристы; если даже они не будут иметь тактических навыков, будут слабо подготовлены, не сплочены для строевых занятий, то все же, благодаря природной привычке работать оружием, умению обращаться с лошадьми, знанию местности, патриотизму и мужеству, эти резервы сделают свое дело. Вероятно они займут определенные пункты, известные позиции, станут заслоном на рубежах, где и окажут свою помощь, — и помощь солидную. А полевая армия явится подвижным молотом для нанесения решительных ударов или для предупреждения ударов противника.

Офицерский состав

Офицерский состав является самым больным местом в афганской армии. О нем жалуется в своей автобиографии эмир Абдуррахман-хан.

Комплектуется офицерством армия: 1) людьми знатного происхождения, 2) солдатами за боевые заслуги и особые услуги правительству, а также за продолжительную выдающуюся службу и 3) выдержавшие особо установленный экзамен при военной школе в Кабуле, или окончившие ее.

Меры эти до сих пор не дали надежных офицеров, и образованных офицеров очень мало. Многие из них несколько лет тому назад были едва-едва грамотны. Нельзя упускать из виду, что социальное положение офицерства в Афганистане печальное, жалование их ниже скромного, да и таковое платится неисправно, отношение к ним населения дурное... все эти обстоятельства не помогают хорошему подбору командного состава.

Иванов имел случай наблюдать Кабульскую военную школу, основанную 10–15 лет тому назад с 6-летним курсом. В нее поступают мальчики 10–12 лет. Злые языки говорят, что это все незаконные сыновья Хабибуллы-хана. Все преподаватели в школе, за исключением преподавателя русского языка Сливицкого, турки-эмигранты. Училище поставлено далеко неудовлетворительно. Начальник его, бывший турецкий поручик, — ловкий царедворец, 12 лет тому назад приехавший в Кабул; начальник не располагает ни достаточным объемом теоретических знаний, ни боевым опытом. Иванов видел училище на прогулке и нашел, что выправка у старших классов хороша, хотя и далеко уступает не только нашим бывшим военным училищам, но и учебным командам. Военное училище пока не успело выпустить более или менее достаточного количества офицеров и судить об нем нам еще рано.

Тот же наблюдатель замечает, что командные должности очень редко даются за отличия и заслуги, а чаще покупаются за деньги. Цена производства, по его словам, в первый чин не выше 55 рупий, 2 тысячи рупий достаточно для приобретения последовательно всех чинов до корнейля включительно. Вообще, находит тот же исследователь, офицерский состав поражает своей неподготовленностью и малой интеллигентностью.

Нужно заметить, что высшие военачальники назначаются или из ближайших родственников эмира, или из рода баракзаев.

Иностранные уставы (почти исключительно англо-индийские) переведены на афганский язык [Последние мои сведения указывают на персидский язык, как язык преподавания, уставов и т. п.], но по свидетельству наблюдателей переведены дурно, многие слова придуманы новые, некоторые фразы носят забавный характер. С офицерами возятся много, учат их всячески, но результаты получаются слабые; мы видели выше, что ученики являются слишком плохими, но сугубое горе состоит в том, что и учителя также слабы.

Дисциплина

Скажу теперь о дисциплине. К ней нужно подойти осторожно, так как среди военных учреждений дисциплина более других является отражением народного духа и уклада народной жизни.

Дисциплины в нашем смысле в афганской армии не существует. Племенная рознь часто сказывается в междоусобицах среди отдельных воинских частей, квартирующих в одном городе.

Отношения к младшим офицерам просты и фамильярны, но на службе слепое повиновение. Дороговизна жизни и малое содержание ведут к злоупотреблениям и часто служат поводом к нарушению дисциплины. Существующие наказания: тюрьма, денежные штрафы и в крупных случаях смертная казнь.

Таким образом, с внешней стороны нет той дисциплины, какую мы привыкли видеть в европейских армиях: вне службы ранги перемешаны, офицеры курят с солдатами, передавая по очереди кальян, круг понятий одинаков, все как бы перемешано: нет ни начальников, ни подчиненных. Но это не должно вводить нас в заблуждение. Афганская армия заключает в себе немало элементов, которые могут заменить нашу европейскую дисциплину. Прежде всего, афганская армия — это дружная семья магометан, которая готова, как один, постоять за знамя Пророка, а это знамя будет поднято при всякой войне. Затем, афганцы проникнуты фанатической любовью к своей родине и к свободе, и эта основная черта народа прочно объединит их в минуты войны. Наконец, и железная дисциплина не будет забыта, когда настанет война.

Кроме учений, войска несут в городах гарнизонную службу, укрепляют крепости, строят дороги, строят казенные постройки, а также иногда помогают собирать подати и рекрутов. Мятежи случаются часто, и подавление их служит хорошей боевой школой войскам.

Организация вооруженных сил

Организация вооруженной силы Афганистана представляется в следующем виде: регулярная армия состоит из пехоты, конницы, артиллерии, инженерных войск и войск вспомогательного назначения. Пехота — низами — соединена в пальтаны — полки или батальоны, — численностью в 700 человек каждый, но есть 4 гвардейских пальтана по 1.000 человек штатного состава. Англичане (Чироль) и наши специалисты насчитывают 80 пехотных полков или батальонов. Пальтаны носят названия по провинциям, из которых они комплектуются (пальтан Герати, Кабули и т. п.) или по племенам [Пальтан “Алюкюзеи-кандагари”, пальтан “сиях-пуш”, пальтан “Мазари-кунаги-турки” и т. д.]. Делятся пальтаны на роты (компани), в 100 человек каждая. Число рот в пальтане варьируется от 7 до 10. Роты делятся на две полуроты (камбу); полурота на отделения (пайра), по шести человек в каждом. Командир пальтана называется корнейль, командир компани — кифтан и командир пайры — хавальдар — унтер-офицер.

Важную обязанность в пальтане играет мулла, читающий Коран, обучающий людей грамоте, а офицеров уставным словам и командам. В полку также имеется врач (хаким) и хирург (джеррах).

Регулярная афганская кавалерия — суваре — сведена в риссале — полки — по 400 человек каждый, кроме 3 гвардейских, по 800 человек штатного состава. Полки делятся на турпы — сотни, по 100 человек, а сотни на полусотни [В Бадахшанских турпах называется рождмата.] и на отделения (пайра), как и в пехоте из 6 человек. Мы и англичане считаем до 40 регулярных афганских и 3 гвардейских полков. Лошади заводятся собственным попечением кавалериста и исключительно жеребцы, как и в наших туркменских дивизионах.

Артиллерия разделяется: 1) на джелави — полевую с 6-конной запряжкой, 2) катыри — горную, выючную; перевозится или выючится на 4 лошадях, 3) фили — тяжелая, 9–10 фунтовая, перевозится на лошадях или быках и 4) гави — крепостная. Ныне считается в Афганистане до 100 батарей (туп-хане) полевой и горной артиллерии, в каждой батарее по 6 орудий. Батарея делится на взводы, по 2 орудия в каждом. При орудии шесть номеров прислуги. Прислуга полевой, тяжелой и крепостной артиллерии сводится в пальтаны, численностью в 700–1.000 человек каждый.

Инженерных войск два пальтана, сафар-майней, сапер-минер, численностью в 1.000 человек каждый и с пехотной организацией. Саперные роты находятся, по-видимому, в командировках в различных городах.

В мирное время регулярные войска трех родов оружия не образуют каких-либо крупных тактических соединений, а в военное время образуются отряды из нескольких родов оружия разнообразного состава. Для командования отдельными отрядами и гарнизонами в мирное время имеется несколько генералов, которые имеют сомнительную практику в управлении тремя родами оружия на маневрах, но несомненную в экспедициях для подавления мятежей и беспорядков.

В мирное время регулярная армия расквартирована по важнейшим населенным и стратегическим пунктам. На нашей границе сильные гарнизоны содержатся в Герате, Мазар-и-Шерифе и Файзабаде. Главная масса войск расквартирована в Асмаре, Джелалабаде, Кабуле, Газни и Кандагаре [Указывать число пальтанов или риссале в каком-либо из этих пунктов бесполезно, так как дислокация подвергается частой перемене. В афганском Туркестане издавна располагались 13–15 пальтанов: 3 — в Мазар-и-Шерифе, 4 — кр. Дейдади, 2 — Бапу, 2 — Меймене и 3 — в Бадахшане (из них 2 в Файзабаде).].

К войскам вспомогательного назначения причисляют нестроевые команды в канцеляриях, складах боевых и продовольственных, а также обозных. Все эти команды комплектуются преимущественно таджиками.

Вооружение афганской армии

Состояние вооружения афганской армии надо признать крайне пестрым и отсталым. Хотя наши сведения в подробностях и не ясны, но существо дела уловлено определенно.

С 1899 года в кабульских мастерских изготавливаются 5-зарядные магазинные ружья английского образца свыше 3.000 ружей в год. Кроме того, Англия послала значительное количество 3,03-линейных магазинных ружей с несколькими миллионами патронов к ним,

поэтому можно считать, что до половины пехотных регулярных полков вооружены с начала нового столетия магазинными ружьями.

Остальная регулярная армия вооружена винтовками преимущественно системы Генри-Мартини (новеги), частью собственного изделия, частью полученными из-за границы.

Также имеются регулярные полки с ружьями Снайдера, Ли-Митфорда, известный запас которых давно имелся у афганского правительства.

Милиция пехоты — хассадары — вооружена преимущественно пистонными и другими старыми образцами, так как казнозарядные ружья, бывшие на вооружении регулярной армии, из боязни не выдаются, а держатся в складах.

Регулярная конница вооружена укороченными ружьями Генри-Мартини, а также и других систем, кроме того, саблями, пистолетом (револьвером) и кинжалом.

Милиционер кавалерист — хавалсар — должен иметь полное собственное вооружение (курковое ружье, сабля, пистолет). Некоторым курковое ружье заменено пистонным и даже казнозарядным.

Материальная часть артиллерии прошла через такие же метаморфозы, как и ручное оружие, а потому однообразия в нем быть не может.

Афганское правительство, по-видимому, желало достигнуть однообразия, хотя бы в горной артиллерии. Поэтому ей были высланы в 1903 году в Пешавер из Эссена 12 скорострельных горных орудий, 18 полевых и 2 гаубицы с достаточным количеством снарядов. С этим же транспортом были доставлены отлитые в Германии в большом количестве стальные болванки, из которых Кабульский завод должен был изготовить скорострельные горные орудия по присланным образцам.

Но англичане, не доверяя Афганистану, транспорт этот до сих пор ее пропустили, поэтому скорострельной артиллерии у них нет. [В вице-королевство лорда Керзона, очень агрессивного по отношению к Афганистану. Мотивы к задержанию грузов были различны: то находилось “большое количество снарядов к тяжелым орудиям”, от каковых Абдуррахман официально отказался, то среди патронов попадались с разрывными пулями и “значит запрещенные Гаагской конференцией” и т. д.... Эта смесь военной предусмотрительности с игрой в человеколюбие очень типична для англичан.]

На вооружении регулярной армии состоят орудия, заряжающиеся с казны, называемые думбалья-нур, изготовленные в кабульских мастерских по образцам, полученным из Англии.

а) Система Як-Кобза: 3- и 4-фунтовые горные и 13-фунтовые полевые гаубицы, перевозимые на 10 лошадях. Одна цапфа снизу орудия, имеется подъемный винт, замок поршневый, запал по оси орудия. Тело орудий из дульной части с навинченной на нее муфтой.

б) Система Як-Кобза: 3- и 4-фунтовые горные и 13-фунтовые полевые и 6-фунтовые полевые. Замок клиновый. Крепостные орудия большею частью гладкоствольные, но имеются и нарезные. Так, в Кабуле есть 6 крепостных орудий 10-дюймового калибра. Они установлены на платформы и двигаются по рельсам. В Герате и Дейдади имеются такие же орудия.

Все орудия, заряжающиеся с казны, снабжены унитарным патроном. К 6- и 13-фунтовым полевым орудиям полагается картечь. Лафеты выделывались из железа.

Наконец, в ходу и орудия раннего изготовления, заряжаемые с дула.

Системы Дахан-пур: 3- и 4-фунтовые горные, 6-фунтовые полевые и 9–10-фунтовые тяжелые; и системы Кобза-печь (свинтные) 3- и 4-фунтовые горные. Для перевозки орудие делится на 3 части.

Все эти орудия обеих систем нарезные, имеют 3 нарез. Вторая система с подъемными винтами, первая — подъемные клинья.

К орудиям, заряжаемым с дула, принята чугунная шрапнель с дистанционной трубкой в головной части снаряда.

Все орудия, заряжающиеся с казны, снабжены унитарный патроном. Шрапнель чугунная с донной дистанционной трубкой. Кроме того, имеются одноствольные (120 выстрелов в мин.) и двухствольные пулеметы.

Арсеналов в стране три. Главный в Кабуле, затем в Герате (починка орудий и выделка ручного оружия) и Мазар-и-Шерифе (исправление орудий и оружия).

Пороховых заводов, по-видимому, два: в Кабуле и Мазар-и-Шерифе. Последнее время в Кабуле готовят бездымный порох. На кабульском орудийном и ружейном заводах работали 4–5 лет тому назад до 3.500 человек, под руководством англичан и 100 индусов десятников.

Форма одежды

Форма одежды регулярной армии (офицеров и солдат) имеет систему, но чрезвычайно сложную и невыдержанную. Носится казенное обмундирование лишь на службе, остальное время носится собственная, неформенная одежда. За казенное обмундирование производится вычет из жалования. Снаряжение тоже казенное.

Пехотинцы и саперы носят в мирное время патронташ через плечо с 30 патронами, в военное время добавляется 3 поясных сумки по 12 патронов каждая, итого 66 патронов.

Каждый пехотинец имеет с собой хлебный мешок с 3-дневным запасом и жестяную флягу для воды.

Саперы носят кирку и топор. Лопаты берутся в обозе.

Питание армии

Теперь остановимся на вопросе, как организовано в Афганистане питание армии, — ближайшее в смысле организации обозов и более глубокое в смысле устройства интендантского довольствия.

Обоз существует лишь вьючный. На каждый палатан полагается по 100 вьючных лошадей. Таким образом, на 5–6 солдат приходится одна вьючная лошадь [Это для личного солдатского имущества, а под казенное даются особые лошади.].

Впрочем, есть пальтаны, в которых вьючных лошадей нет, и в этом случае при передвижениях батальоны пользуются вьючными животными, поставляемыми населением по определенному наряду. В кавалерии вьючного обоза от казны не полагается, а лишь имеются вьючные лошади, заведенные собственным попечением, по расчету одна на 7 человек. В артиллерии одна вьючная лошадь полагается на орудие (6 человек).

На случай мобилизации и в качестве вьючного резерва Абдуррахман-хан завел общий армейский резерв перевозочных средств. До последнего времени в нем состояло 24.000 казенных лошадей, а также большое число слонов, мулов и до 60.000 верблюдов. В Кабуле имеется конский завод с 2.000 маток и восьмидесятью производителями. Есть несколько лошадей чистой английской и арабской крови. Также имеются заводы и в других местах.

Интендантское довольствие войск в мирное время не представляет особых затруднений, так как на самих войсках лежит забота о своем продовольствии. За забранные продукты они дают квитанции, представляемые к зачету во время сбора податей. Эти квитанции затем идут в контроль. В некоторых же случаях население обязывается принять на свое попечение довольствие солдат, — обязанность, как я говорил выше, очень тяжкая.

Для военного времени устроены особые запасы и склады, которыми пользуются и в мирное время для освежения, а иногда и для регулировки цен; в этом случае они играют государственную роль. Наиболее значительные склады имеются в Кабуле, Герате и Шадигане.

Эта картина тыла армии должна быть признана достаточно примитивной. Хранить перевозочные средства в виде скопленных казенных лошадей является одним из неудовлетворительных в военном и экономическом отношениях способов. Конечно, лошадей недокармливают, ухода за ними не будет, многие из них калечатся от недосмотра, многих воруют, лучшие идут на запряжку знатным; в результате, в нужную минуту окажется большой недобор и мобилизационные расчеты окажутся сорванными. Что касается до организации интендантского довольствия, то его нужно считать находящимся в зародыше. Практикуемый постой войск, предоставление солдату кормить самого себя, практика квитанций... все это пережитки прошлых времен, от которых современная военная система решительно отмазывается, допуская их в редких исключениях.

Говоря о тыле и снабжении армии, нужно выделить денежное довольствие; оно очень мизерно.

Денежное довольствие

Денежное довольствие регулярных войск в различных провинциях неодинаково. Размер месячного жалования, по-видимому, зависит от дороговизны провинциальной жизни. Так, например:

Гератская провинция		Мазар-и-Шерифская				
Пех.	Артил.Кон.	Пех.	Артил.Кон.			
Сипай 4 р.	— 8 р.	5 р. 20 к.	5 р. 85 к.	13 р.		
Хавалдар	5 р. 60 к.	— 12 р.	6 р. 50 к.	8 р. 85 к.	—	
Сунахдар	8 р. 60 к.	9 р. 60 к.	16 р.	14 р. 95 к.	—	39 р.
Кифтан	14 р. 60 к.	— 24 р.	22 р. 75 к.	39 р. 85 к.	52 р.	
Кумайдан	36 р. 60 к.	— 40 р.	59 р. 50 к.	—	—	

Корнейль	80 р. 60 к.	—	—	71 р. 50 к.	—	130 р.
Биргит	120 р. 60 к.	—	—	130 р. 50 к.	—	—
Джарнейль	160 р. 60 к.	—	—	385 р. 50 к.	—	—
Наиб-саяр	160 р. 60 к.	—	—	650 р. 50 к.	—	—
Супех-саяр	400 р. 60 к.	—	—	975 р. 50 к.	—	—

На 5 р. 20 к. пехотинцу, а кавалеристу на 13 рублей содержать себя с семьей очень трудно [Жители должны продавать военным все для них необходимое по определенной, значительно уменьшенной таксе.], если не невозможно, особенно при существующих штрафах; — вот одна из главных причин антидисциплины в войсках. Офицерское содержание обер-офицеров 8–14 рублей в пехоте и 16–52 рублей в коннице заставляют офицеров штрафовать и брать взятки с солдат, а при командировках и с населения. Кандагарская провинция, Газаристан и некоторые другие округа помогают натурой и деньгами выставленным ими рекрутам.

Жалованье милиционеров еще меньше. У Иванова приводятся другие нормы жалования, выраженные в рупиях и не отнесенные к какой-либо провинции [Гамильтон приводит жалованье в кабульских рупиях, и оно равно приведенному нами. М. Грулев, со слов газарейского хана, приводит такие же данные. См. М. Грулев, “Соперничество России и Англии в Средней Азии”. — СПб., 1909 г., стр. 189.]. Эти нормы почти втрое выше приведенных нами, но, поскольку автору удалось почерпнуть цифры из надежных источников, у меня сведений нет. Некоторое увеличение жалования возможно, так как жизнь в Афганистане дорожает и нормы Абдурахмана (он первый ввел определенное в войсках жалованье) были бы теперь слишком низки. Кроме того, в свое время имелись сведения, что при своем восшествии на престол в октябре 1901 года эмир Хабибулла-хан увеличил жалованье военных чинов на 25%; например, пехотинцу с 8 до 10 рупий, кавалеристу с 20 до 25 рупий, милиционеру с 6 до 8 рупий и т. д. Но едва ли произошло со времени Абдурахмана тройное увеличение жалования.

Численность афганской армии

Выяснив организацию афганской армии, остановимся на общей ее численности. Я думаю, что численность афганской регулярной армии в мирное время можно считать круглой цифрой в 90 тысяч, как на этом единогласно сходятся русское и английские специалисты. Что касается резерва, то о нем нет никаких указаний, хотя отрицать его наличность решительно нельзя. Я полагаю, его цифра может быть предположена косвенным путем. Афганцев в стране можно считать 1½ миллиона и, значит, полное военное напряжение они дадут 150 тысяч, т. е. 10%. Понимая политику эмиров, нужно думать, что эта масса должна быть пропущена тем или иным путем через ряды войск. Если в регулярной армии насчитывать 90 тысяч и допускать, что большинство ее состава будут афганцы, то разница между 150 тысячами и 90 тысячами, т. е. 60 тысяч, и будет приблизительной величиной резерва.

Численность милиции определить еще труднее. В 1894 году Артамонов определял ее в 23 тысячи, но это автор, не заслуживающий никакого доверия. Мы знаем только, что милиция подразделяется на пешую (хассадары), сведенную в команды (байраки) по 100 в каждой, и на конную (саркари-сур), сведенную тоже в сотни (турпы). В военном отношении милиция очень неудовлетворительна, и ее правильнее причислить к ополчению, как и делают некоторые специалисты.

Наконец, величину ополчения (включая в таковое и милицию) можно определить приблизительной цифрой в 400–500 тысяч.

Получим такую таблицу численности афганской армии на случай войны:

- 1) Регулярная армия в мирное время 90.000
 - 2) Резерв 60.000
 - 3) Ополчение и милиция 400–500 тысяч
- Итого 550–650 тысяч

Иванов определяет цифру вооруженных сил Афганистана, какую таковой может выставить в случае войны, в 900 тысяч; исходит он при этом из, несомненно, ошибочного определения численности населения Афганистана в 11–14 миллионов. Абдуррахман в своей автобиографии упоминает об идеальном числе обученных воинов для Афганистана, определяя его в 1 миллион. Эта цифра, конечно, должна иметь некоторый симптоматический смысл, но сказать об ней, как и о цифре Иванова, решительное слово не приходится. Во всяком случае, приведенная нами цифра 550–650 тысяч должна считаться скорее преуменьшенной, чем преувеличенной.

Упомянутая выше цифра регулярной армии выведена из числа тактических единиц и их штатной численности.

Штатная численность афганской армии лет 10 тому назад определялась довольно правильно.

Она сводилась к следующей таблице.

Название частей	Офицеров	Солдат			
Штаб. Обер	Унтер	Рядовые	Нестроевые		
Пальтан (пехот. батальон)	2	12	66	свыше 600	2
Рисалле (кав. полк)	2	12	66	свыше 300	18
Артилл. батарея	—	1	11	92	2
Саперная рота	—	1	9	74	2

тогда же число тактических единиц определялось:

- 1) Пехота — 80 батальонов (пальтанов);
- 2) Кавалерия — 40 полков (риссале);
- 3) Артиллерия — 100 полевых и горных батарей;
- 4) Инженерные войска — 2 полка (20 рот) сапер-минеров.

Иванов о числе тактических единиц говорит неясно. Общее число пальтанов он определяет “около сотни”, из них приблизительно одна четверть принадлежит кавалерии; значит, 75 пальтанов и 25 риссале. Между тем, в его таблице распределения пальтанов по гарнизонам я нахожу общую сумму их равной 94, без упоминания, что в них разумеются и кавалерийские полки. Распределение по гарнизонам такое: в Герате — 20 пальтанов, Мазар-и-Шерифе — 12, Меймене — 6, Кандагаре — 16, Кабуле — 22 и Джелалабаде — 18.

Для полной характеристики афганской армии мне было бы нужно остановиться вниманием на какой-либо из войн, ведомых Афганистаном, чтобы обрисовать, как эта армия ведет себя на войне, как протекает ее мобилизация, каковы ее стратегия и тактика, организация ее тыла и т. п., но недостаток времени заставляет меня от этого отказаться. Чтобы восполнить этот пробел, сделаю выписку из докладной записки Иванова о последней войне Афганистана с Индией (Англией) в мае–июне прошлого 1919 года:

Третья англо-афганская война

“Образовалось три фронта: 1 (Восточный) Ягистанское направление, командовал Сапехсаяр Сали-Магомет 2 (Южный) Кандагарское направление, командовал Надыр-Хан [В настоящее время “военный министр”, пользующийся вниманием эмира. Один из немногих (среди знати и чиновничества) руссофилов.], и 3 (Северный) Читральское направление. Наибольшее значение придавалось южному фронту. Туда было направлено наибольшее количество лучших регулярных войск, до 12.000 человек, не считая значительного количества местных партизан. Успехи, достигнутые на этом фронте, вначале были довольно значительны. Было занято 6 городов, в том числе Курма, Туткай и Таль; в последнем было захвачено много воинской добычи и особенно винтовок. Афганцы на этом фронте потеряли до 5.000 человек, англичане до 6.500. Роковым оказалось для Афганистана восточное направление. Со стороны Афганистана на нем оперировало до 12.000 человек, главным образом, местных партизан, больше всего из племени африди. Сначала успехи были значительны. Англичане отходили к линии своих фортов. Пешавер казался под угрозой удара. Но скоро англичане, оправившись в прекрасно известной им местности, перешли в наступление, развернув все действия своей техники и пустив в ход аэропланы.

Аэропланы, между прочим, совершили налет на Джелалабад, где 11 мая сожгли базар. 2 мая, в первый день Рамазана, английские аэропланы появились над Кабулом и бросили 6 бомб. Одна попала в военный завод, вреда не причинила; другая — во дворец, — поврежден забор; третья попала в эмировскую конюшню для выючных лошадей. Убито и ранено около 40 лошадей.

Афганское воинство обратилось в позорнейшее бегство, Джарнейли и офицеры подавали пример трусости, вся техника была брошена: аэропланы буквально наводили ужас на афганцев. Потери афганцев на этом фронте до 3 тысяч человек, в том числе 1.000 регулярной пехоты, погибшей в одном бою. Потери англичан до 4.000 человек. Неудачи на этом фронте пытались объяснить подкупом командующего Сали-Магомета, который до сих пор сидит в тюрьме.

На северном фронте афганских сил было до 10.000 человек, в том числе 3.000 регулярных войск. Потери афганцев до 2 тысяч человек, англичан до 3 тысяч пятисот человек.

Интересно отметить, что немцы, наши бывшие военнопленные, и чины англо-турецкой миссии в начале войны предлагали эмиру свои услуги. Афганцы со свойственным им недоверием к туркам и самомнением отказались от их услуг. Только после разгрома восточного фронта эмир спешно на автомобиле отправил к Джелалабаду несколько немецких офицеров и унтер-офицеров, которые кое-как остановили паническое бегство эмирского воинства.

Военные действия продолжались всего около полутора месяца. Полное отсутствие общего командования, несостоятельность офицерского состава, неналаженность снабжения армии во всех отношениях, острая финансовая нужда государственной казны, потерявшей свой главный источник дохода — ввозные и вывозные пошлины, — и ужас афганцев перед аэропланами заставили эмира поспешить с началом мирных переговоров. Мир был заключен на условиях далеко не блестящих, хотя и менее тяжелых для Афганистана, чем это можно было ожидать; независимость Афганистана все же была признана”.

На этом я и кончаю свой краткий, по необходимости, очерк вооруженных сил Афганистана. Афганская армия сильна своим духом, выносливостью, патриотизмом и знанием местности, но все, что улучшает армию с технической стороны, находится у нее

только в зачаточном состоянии, и потому эту армию мы должны считать не армией европейского образца, а небольшой армией азиатского народа, бедного и отсталого, но мужественного и свободолюбивого.

Глава восьмая

Стратегические пункты Афганистана. — Пути сообщения. — Обыкновенные пути сообщения. — Западная группа путей. — Центральная группа путей. — Восточная группа путей. — Пути для связи. — Общий вывод о путях.

Стратегические пункты Афганистана

Перехожу к вопросу о стратегических пунктах Афганистана, о крепостях и об его путях сообщения (оперативных и др.).

Прежде всего о стратегических пунктах. Если вы посмотрите на карту Афганистана, то перед вами такая картина: внутри неправильного, изломанного четырехугольника находится первоклассный горный хребет, проходящий по диагонали и разветвленный на западе тремя раструбами; хребет в дальнейшем на юге-западе, на севере и юге переходит в равнину. Весь центр военно-географической тяжести, центр обороны страны сводится к треугольнику горных высот, с вершинами в Герате, Кабуле и Кандагаре, вокруг которого всегда и обосновывалась история обороны Афганистана. Если мы под этим углом рассмотрим оборону страны, то картина этой обороны будет ясна. Не упускайте при этом из виду, что горная часть Афганистана является частью, проходимой только по узким и трудным дорогам, по определенным перевалам через Гиндукуш, в известную пору, т. е. вообще проходима условно.

Народы Востока давно знали про неисчислимо богатую Индию [И народы Запада слыхали про нее давно. Приезжавшие в Москву в 1520 г. генуэзец Павел Центурионе и в 1537 венецианец Марко Фоскарини задавались целью завязать с Индией торговые сношения. Если верить безыменному сочинителю “*Relatione dell Imperio di Moscovia*”, подобная же мысль занимала уже Ивана Грозного. Перед нами уже практические задачи. Слухи же об Индии в Европе всегда были крепки, а с Крестовых походов были определены. Вопрос о сношении Индии с Западом в древнейшие времена прекрасно разработан в труде: Н. G. Rawlinson, *Intercourse between India and the Western World*. — Cambridge. 1916, 192.], на дороге к которой стоял горный Афганистан, и мысль преодолеть его твердыню был исторически известной среднеазиатской темой. Эта задача, хотя и связанная тесно с вопросом о завоевании Индии, сама по себе оставалась очень крупной особой, занимавшей в процессе захвата Индии первый и неизбежный этап. Над этим этапом работали Александр, Чингиз, Тимур и многие другие. Как овладеть Афганистаном? Надо было овладеть его жизненным центром. Этот центр не был постоянным, но более устойчивым его районом был район Кабула [В истории нет лучшей иллюстрации значения Кабула и связи его с судьбой Индии, как долголетняя борьба из-за Афганистана, а точнее из-за Кабула между сыновьями Бабура — Гамайуном и Камрадом, причем город несколько раз оказывался во власти то одного, то другого брата. И только окончательное и прочное закрепление Кабула за Гамайуном дало ему возможность обратить свои взоры на Индию и вновь ее вернуть в свою власть. См. Malleson, *History of Afghanistan*, стр. 122–180.]. Правда, к XI столетию центр был около Газни, позднее переходил в область западных разветвлений Гиндукуша, некоторое время процветал Герат, но в большинстве случаев центром тяжести все же оставался Кабул. Почему первая задача при завоевании Афганистана, чтобы потом проникнуть в Индию, сводилась всегда к захвату Кабула. Например, в свое время Бабур, основатель династии Великих Моголов, шел в снежную

пору Газарейской дорогой, иногда по грудь в снегу, только для того, чтобы внезапно захватить Кабул. Отсюда понятно, что среди всех пунктов, которые интересны в Афганистане, центральным и главным пунктом как всегда был, так и теперь является современная столица Афганистана, город Кабул, с населением в 60 тысяч. Его значение текущее усугублено тем, что он является центром власти и политической жизни страны, а его значение — вечное — обуславливается тем, что Кабул является узлом путей, сходящихся к нему из Афганского Туркестана и Гератской провинции через Гиндукуш и его разветвления и затем сложным пучком расходящихся из него на Газни (Кандагар) и через проходы в Сулеймановых горах к реке Инду. Город окружен старым валом с 7 воротами в нем; имеется старая цитадель. Современное значение и этого вала, и этой цитадели, конечно, нулевое. Окружающие высоты представляют хорошую и сильную позицию, существенную часть которой составляют небольшие укрепления в Шир-Пуре, в 2 верстах севернее города. Подробности этих укреплений нам неизвестны, но нужно предугадывать на указанных высотах ряд небольших фортков и заранее оборудованных артиллерийских позиций [Подробности о Кабуле можно найти у Гамильтона, Грулева, Мартина и, вообще, в любом английском сочинении по Афганистану.].

Но чтобы достигнуть этого жизненного центра с севера, необходимо (всегда и ныне) преодолеть преграду р. Аму-Дарья, пройти предгорья Гиндукуша и затем форсировать самый Гиндукуш. Эта тройная линия преград исторически и создавала три линии обороны, причем последняя — Гиндукуш, как слишком сильная естественно и доступная лишь в ограниченное время года, обычно почти оставалась без всяких искусственных усиления. В настоящее время Аму-Дарья, как преграда, потеряла свое прежнее значение и по историческим причинам, а в новейшее время и по техническим, но в старые времена ее не оставляли без внимания, и остатки крепостей, вроде Термеза, говорят о правильной когда-то мысли задерживать северного противника у этой преграды всеми возможными ресурсами.

В северных предгорьях Гиндукуша было интересно задержать противника у начала предгорий, когда он с берегов Аму-Дарья дебушировал весь открытый и хорошо учитываемый, когда он должен был преодолеть песчаные пространства, прилегающие к реке, когда он двигался вперед, имея в тылу опасную преграду в лице той же великой реки. Эта мысль уже с давних пор заставляла властителей укреплять такие степные города, как Шибархан, Балх, Мазар-и-Шериф, Таш-Курган и Кундуз, которым и теперь принадлежит известное военное значение. Но старая несколько разбросанная мысль ныне упрощена и сконденсирована в виде возведения на одном из наиболее важных операционных путей крепости Дейдади, расположенной в 56 верстах к югу от Термеза и в 8 верстах на юго-запад от Мазар-и-Шерифа, главного административного центра Афганского Туркестана и узла путей от Аму-Дарья на Бамиан и Кабул. Это — крепость, в выборе места которой и в начертании сказывается сильное влияние европейской фортификации. Бастионные фронты удачно применены к местности, профиль приближается к европейской; крепость командует местностью и имеет сильную фронтальную оборону. Крепость эта может быть признана серьезным препятствием при наступлении к Кабулу.

Но, естественно, линия степных городов не обеспечивала от проникновения в предгорья Гиндукуша предприимчивого противника, почему в них всегда было разбросано множество мелких укреплений. Эти укрепления, как зависящие исключительно от капризного и своеобразного рельефа предгорий, не вылились ни в линию, ни во что-либо систематическое, они разбросаны пятнами, привязанные или к важным горным проходам, или к историческим позициям. Некоторые из этих укрепленных пунктов дошли до наших дней, не потеряв и ныне своего значения.

Из наиболее интересных — следует упомянуть: Сары-Пуль, Гейбаг, Гарден-Диван и Бану.

Наконец, на самом Гиндукуше, насколько мы знаем, нет каких-либо подготовленных позиций. Из старых фортов в Бамиане сохранилась крепостца Саркари, замыкающая узел важных (в некоторой степени колесных) путей от Мазар-и-Шерифа и Герата к Кабулу. Имелись слухи, что афганцами что-то предпринимается на перевалах, но пока это только слухи.

Относительно всех этих старых пережитков военного искусства, уцелевших до наших дней в предгорьях Гиндукуша, надо сказать, что ныне они могут поразить своей скромностью и примитивностью, для современной артиллерии они, например, сущий пустяк, но... прежде всего, как доберется до них современная артиллерия? Важное условие для всякого из этих фортиков то, что он обычно замыкает собою дорогу. Представьте себе, что по бокам крепости, на откосах гор будут построены форты, будет поставлена вовремя артиллерия, и тогда потрудитесь форсировать это дефиле. Все эти крепостцы имеют значение по мысли, которая в них вложена, и по местности, где они расположены. Раз современное искусство не опоздает усилить техникой один из этих старинных фортов, о чем, вероятно, англичане позаботятся, то перед вами будут прочно обеспеченные пункты.

Таким образом, северный фас горного массива, открытый в сторону России, обеспечен до некоторой степени сначала Аму-Дарьей, затем линией степных городов и группой старых фортов в предгорьях и, наконец, тем, что, может быть, имеется на самых перевалах. Если к этим трем линиям обороны успеют подойти англичане с их техникой и деньгами, то наше продвижение к Гиндукушу встретит огромное препятствие. Это нужно учитывать определенным образом.

Но Гиндукуш обходится на западе или кружным путем на Кандагар, или проходом в него с запада по Газарейской дороге. В начале того и другого пути стоит Герат, которому после Кабула и принадлежит в Афганистане наибольшее значение. Прежде всего, это — главный город Гератской провинции, которая является в Афганистане, наиболее богатой и которую можно рассматривать, как передовую базу при нашем наступлении [О Герате можно найти у тех же авторов (кроме Мартина), на которых сделана ссылка для подробностей о Кабуле. Более новую справку см. в Энциклопедическом Словаре Сытина, том VII, статья о Герате моя и Шварца. О значении Герата и о плодородности долины мы находим указания у многих англичан. Конолли был приведен в восторг плодородием долины и думал, что армия могла бы в ней жить целыми годами. (Conolly, Journey to the North of India, Vol. II, page 324), Кратко, но выразительно говорит о значении Герата историк Kayl, повторяя известное наименование его “воротами Индии”, а долину иллюстрируя, как “житницу Средней Азии” (Kayl, History of the war in Afghanistan, Vol. I, pp. 212-213). Стоит еще упомянуть о словах В. Макнагтена, чрезвычайного посла в Кабуле, к генерал-губернатору Индии Окленду: “Герат может быть рассматриваем как ось, около которой будут вращаться все операции, направленные с целью ниспровержения нашего могущества и наших интересов в Индии”. Те же самые впечатления от Герата и долины мы находим и у более поздних посетителей, каковы Лемсден, Иет и др. G. B. Malleson написал книгу, посвященную Герату, называемую “Herat the Granary and Garden of Central Asia”. В другой своей книге “The Russo-Afghan Question” он посвящает Герату несколько ярких строк (122–130) и, обрисовывая его значение, ссылается на авторитет Нэпира Магдальского, Гамлея, Роулинсона, Робертса и Мак-Грегора.]. Затем, это — город большого прошлого, город исторический. Ныне это — большой административный и политический центр. Наконец, Герат — узел путей, идущих из Закаспийской области и

далее следующих на Кабул и Кандагар. Герат в политических сочинениях принято называть “ключом Индии”. Давнишняя поговорка гласит: “Кто владеет Гератом, тот владеет Кабулом, а кто владеет Кабулом, тот владеет Индией”. В настоящее время Герат представляет собою значительный город, с населением в 18.000 жителей. Город окружен глиняной стеной, толщиной 9–14 футов, высотой 18 футов, с банкетом в 7½ футов высотой, бойницами, фланкирующими башнями; в ограде 5 ворот. У северного фаса ограды две цитадели: старая, в виде 4-угольной азиатской калы с фланкирующими башнями, обороноспособность слабая; и новая в виде 4-угольного выступа в стене, с наружным рвом и фланкирующими башнями. Герат после Кабула, как я упомянул, играет вторую роль, и на него должно быть обращено серьезное внимание.

Кроме указанных пунктов, нужно упомянуть еще о следующих, имеющих то или иное военное значение.

Кандагар — узел путей, идущих от Сеистана, Герата и Газареджата в долину Инда, когда-то столица Афганистана. Ныне центр сильно быющей политической жизни [Подробности можно найти у Гамильтона или у авторов 1-й или 2-й англо-афганских войн. История доказывает значение Кандагара. До осуществления похода на Индию Бабуром этот город уже был в его власти и в момент движения на Индию со стороны Кандагара направлялся специальный отряд, обеспечивавший правый фланг Бабура. Надир-Шах должен был предварительно завладеть Кандагаром, устроить там базу и только после этого он предпринял свой поход на Индию. В обеих войнах англичан с Афганистаном Кандагар играет видную роль. В настоящее время, по свидетельству очевидцев, в Кандагаре жизнь бьет ключом, особенно торговая, и он мало чем уступает Кабулу] .

Файзабад и Зебак — узлы путей от Аму-Дарьи через проходы в Гиндукуше на Читрал, к открытому флангу английской укрепленной границы.

Себзевар — у выхода из 100-верстной гористой и бесплодной полосы, с юга охватывающей долину Герата.

Фарах и Лаш-Джувейн — на флангах узкого промежутка среди сходящихся горными массивами Каина и Сиях-Куха, по своим топографическим свойствам, а также богатству края представляющего много удобств для активной обороны.

Гиришк — узел путей от Герата и из Газареджата к Кандагару; господствует и над путем из Сеистана к Кандагару.

Келат-и-Гильзаи и Газни — на сообщениях Кандагара с Кабулом, а Газни, кроме того, — исходный пункт лучших путей через Сулеймановы горы к Инду.

Пути сообщения

Теперь перейду к изложению вопроса о путях сообщения в Афганистане. Здесь в изложении возможны два угла зрения: или рассматривать эти пути через Афганистан только как часть путей для дальнейшего продвижения к Индии, или рассматривать их по отношению только к самому Афганистану. У исследователей вы чаще найдете первый угол зрения. Если бы вы рассматривали эти пути только по отношению к Афганистану, то пришлось бы ограничиться теми, которые подводят к Кабулу или взаимно соединяют важные пункты Афганистана. На самом же деле, исследователи, рассматривая пути Афганистана, доводят их до важных районов Индии или, по крайней мере, до реки Инда. Почему они это делают? А потому, что они рассматривают Афганистан как территорию подступов к Индии, считая при военном исследовании Афганистана такой взгляд

единственно важным. Эту точку зрения, — рассмотрение путей в Афганистане только как сети направлений в Индию, и я считаю единственно разумной и справедливой, потому что трудно себе представить, что когда-либо имело смысл предпринимать военную кампанию в Средней Азии только во имя одного Афганистана. Афганистан — страна небогатая, завоевание его вызовет только ненависть гордого и свободолюбивого народа, удержать страну во власти трудно, почему и думать о том, что в будущем может назреть война только из-за Афганистана, нет смысла. Если и могут быть в Афганистане задачи, то только связанные с Индией и ее последующим покорением.

Нельзя сказать, что это легко, но нельзя забывать, что вся-то Средняя Азия, включая в нее и Афганистан, интересна лишь под тем определенным углом зрения, в основе которого лежит мировая ценность в лице Индии. Скажем более, эта военная задача, может быть, наиболее трудная во всем мире. Нельзя ни одной минуты упускать из виду необъятную ценность Индии для Англии и то упорное и длительное напряжение, которое всколыхнет эту страну от верха до низу в случае необходимости защищать свою драгоценную колонию от каких бы то ни было посягательств. Недаром в свое время Керзон, в бытность вице-королем Индии, сказал в одной из своих речей, что каждая английская семья пошлет своего единственного сына для защиты лучшего достояния Англии. Вы, может быть, слышали про тот афоризм, очень распространенный в Англии, который сводится к вопросу, что для Англии дороже — Шекспир или Индия? На него, обычно, не отвечают, но сопоставление этих двух огромных ценностей — ценности духа и ценности материальной — говорит само за себя. По приведенным соображениям, я всегда считал, что общую характеристику Афганистана, как и описание его путей, нужно делать под углом зрения достижения Индии. А для этого нельзя ограничиваться путями, замыкающимися в пределах Афганистана, а необходимо продолжать их до Индии, рассмотреть часть путей в наших пределах и не упустить из вида пути, идущие возле Афганистана, например, пути через Памир.

Во всякой современной стране приходится пути сообщения рассматривать по трем видам: железнодорожные, водяные и обыкновенные, т. е. грунтовые, но Афганистан столь беден и отстал, что первые два вида у него отсутствуют: он не имеет ни железнодорожных, ни водяных путей. Таковыми считать, например, некоторые сплавные участки р. Кабула или левую половину р. Аму-Дарьи не приходится. Конечно, я должен был бы остановиться на железнодорожных и водяных путях тех районов России и Индии, которые прилегают к Афганистану, но за краткостью времени обхожу этот вопрос; о нем я упомяну в приложении к моим лекциям. Сейчас рассмотрю обыкновенные пути Афганистана.

Обыкновенные пути сообщения

Главное значение в районе Афганистана, несомненно, принадлежит, обыкновенным путям сообщения, потому что только они одни прорезают всю его территорию и многие из них совпадают с теми операционными направлениями, которые существуют между нашими среднеазиатскими владениями и р. Индом.

Все эти пути разделяются на поперечные, прорезающие район с юга на север, связывающие наш Туркестан с Индией, т. е. пути наступления, и продольные, прорезающие район с запада на восток, связывающие между собою поперечные пути, т. е. пути для связи.

В свою очередь поперечные пути, в зависимости от характера местности и расположения тех или других предметов действий, распадутся на три группы: западную, из нашего Кушкинского района через западный Афганистан к британскому Белуджистану, или пути Кандагарского направления; центральную, с берегов Аму-Дарьи через западный

Гиндукуш к Кабулу и Пешаверу, или пути Кабульского направления, и восточную, с Памирского нагорья через восточный Гиндукуш, Читрал или Гильгит к Пешаверу, или пути Памирского направления.

Западная группа путей

Западная группа путей представляет собой довольно густой пучок дорог, перехватываемых в двух местах Гератом и Кандагаром, являющимися весьма важными узлами путей сообщения. Но так как число путей в различных участках этого пункта не одинаково, то будет более удобно рассмотреть пути западной группы по участкам: от нашей границы до Герата, от Герата до Кандагара и вкратце от Кандагара до р. Инда.

От вероятных пунктов сосредоточения наших войск в Кушкинском районе (Ак-Рабата, Кушки, и Тахта-Базара) к Герату ведут 5 путей, пересекающих Паропамизский хребет на участке от перевала Хумбоу до перевала Зармаст (участок шириной 130 верст). Паропамизский хребет имеет на этом участке наибольшую высоту между перевалами Ардеван и Зармаст, а наименьшую — между перевалами Чашма-Себз и Хумбоу; западнее последнего хребет вновь повышается.

Наиболее длинными путями (220 и 222 верст) являются самый западный и самый восточный, а самым коротким (114 верст) является центральный через перевал Ардеван.

Два западных, — от Ак-Рабата через перевалы Хумбоу и Чашма-Себз, — длинны, заключают по 7 больших переходов [Количество переходов во всех случаях определено в зависимости от местоположения населенных пунктов, в коих имеется вода.], но вполне доступны для колесного движения без разработки; однако водою, топливом и продовольственными средствами не обеспечены. Два восточных, — от Кушки через перевалы Ардеван и Хазрет-и-Баба, — короче (особенно Ардеванский), заключают по 6 обыкновенных переходов, но для колесного движения требуют разработки: Ардеванский путь — на перевале, а Хазретский — на всем протяжении. Водою обеспечены оба, но топлива и продовольственных средств нет. Только при выходе в долину Герируда на всех четырех путях явится возможность рассчитывать на местные средства.

Имея в виду, что цель движения наших войск к Герату будет, по всей вероятности, заключаться в овладении этим городом до прибытия к нему на помощь англо-индийских войск, — быстрота производства всего нашего движения к Герату приобретает главное значение, — и в этом смысле необходимо отдать предпочтение Ардеванскому пути, как кратчайшему (114 верст) и для колесного движения требующему только незначительной разработки на перевале. Двигаясь по нему, пехотные части могут достигнуть Герата в 6 или даже в 5 переходов, а конница будет в окрестностях его на третьи сутки. Но так как движение войск по одной дороге растянет их в глубину на несколько переходов, то выгоднее будет двинуть войска сразу по двум средним путям: от Ак-Рабата через Чашма-Себз и от Кушки через Ардеван. При выступлении обеих колонн в один и тот же день, они одновременно выйдут в долину Герируда, именно на 6 день, одна у Росанака, другая у Герата, на фронте в 50 верст, — а на 9–10 день все силы сосредоточатся к Герату.

Кроме этих четырех путей, существует пятый: от Тахта-Базара через Кала-Ноу и перевал Зармаст к Герату. Он заключает 8 больших переходов (222 верст), в горах, представляет собою вьючный путь; перевал труден. Водою, топливом и продовольственными средствами обеспечен слабо. Этот путь для движения значительного отряда с обозами совершенно непригоден, но весною отряд в несколько сотен коней может двигаться по нему с успехом, ибо в это время здесь изобилует подножный корм.

Таким образом, при движении к Герату местность легко доступна, укрепленных пунктов, способных задержать наступление, не имеет, но бедна водою, топливом и продовольственными средствами вплоть до долины Герируда. Население смешанное; афганцев — едва пятая часть.

Когда вы будете детально изучать число верст и связанное с ними число переходов в Азии, то вас поразит такого рода факт; например, через Хумбоу значится пространство в 220 верст, а переходов указано 7, в то время как в случае движения через Чашма-Себз пространство исчисляется в 209 верст, а переходов значится 8, т. е. меньше верст, но более переходов. При ближайшем знакомстве с условиями передвижения по Азии вам это станет понятным; тут приходится рассчитывать не по европейскому масштабу, считаясь только с протяжимостью местности, которая в среднем одинакова и одинаково проходима. В Азии дорога идет известными рубежами от колодца к колодцу, от кишлака к кишлаку, и эти рубежи властно определяют величину перехода, — то идете 10–12 верст, то не менее 50. Вы видите, что распределение переходов зависит не от пространства и свойства грунта, а от группировки населенных пунктов и водных источников, по преимуществу.

На участке между Гератом и Кандагаром количество путей значительно меньше, чем до Герата. Здесь имеется всего две сквозных дороги, качество и степень проходимости которых весьма различны в разных местах их огромного протяжения. Встречающиеся на пути города Себзеvar, Фарах и Гиришк, расположенные в плодородных и густо населенных долинах рр. Адраскана, Фара-руда и Гильменда, естественно, образуют на них ряд промежуточных баз, которые дадут возможность облегчить движение.

Для движения от Герата к Кандагару можно воспользоваться двумя путями, идущими до Фара-руда на юг, а потом — на юго-восток. Первый путь (сначала западный, а потом южный) идет от Герата через ущелье Сенгуа-Киссах на Себзеvar; отсюда — на Фарах, Диларам, Гиришк к Кандагару; всего — 570 верст. Второй путь (сначала восточный, а потом северный) идет от Герата через Шах-Бидское ущелье и Адраскан на Джембран; отсюда — на Даулетабад, Вашир, Гайдерабад к Кандагару; всего — 540 верст. Протяжение обоих путей почти равно и составит 24–25 переходов, или около 1 месяца марша. Пути идут, в среднем, на расстоянии 30 верст один от другого и оба пересекаются реками: Адрасканом, Фара-рудом, Хаш-рудом, Гильмендом и Аргендабадом. Все эти реки летом проходимы вброд, весною же и осенью — многоводны, быстры и требуют устройства мостов.

Для задержания на этих путях, противник может воспользоваться позициями: на переправах, особенно у Гиришка, у Себзеvara и на линии Фарах–Ляш-Джувейн.

За исключением первых 6–7 переходов (от Герата до Себзеvara), где пути проходят через отроги Сиях-Куха, на остальном протяжении они пересекают равнинную, слегка волнистую местность. На всем протяжении от Герата до Кандагара, оба пути пригодны для колесного движения. Топлива нигде нет. Водою и продовольственными средствами пути обеспечены весьма слабо и неравномерно [Так как избытка хлебов, за удовлетворением годовой потребности населения, почти во всем Афганистане нет, то те небольшие количества местных средств, которые могут быть найдены войсками в период времени после окончания полевых работ, следует признать необходимыми для продовольствования самого населения и лишь временно неизрасходованными. Добровольно, на условиях покупки, население, вероятно, их не уступит, так как уступка запасов обрекла бы его на голод. Поэтому, в случае необходимости по тем или иным

причинам обратиться к сбору местных средств, придется прибегнуть к реквизициям. Нельзя при этом забывать, что подобный образ действий англичан приводил к поголовному восстанию населения (1879–1880 гг.), а это сильно затрудняло охрану сообщений.]: от Герата до Адраскана (6 переходов) оба пути лишены средств и воды; от р. Адраскана до Хаш-руда (8 переходов) средства и вода в крайне незначительном количестве могут быть встречены на 1-м пути и почти отсутствуют на 2-м; от Хаш-руда до Гильменда (5 переходов) на средства и воду в слабой степени можно рассчитывать на 2-м пути, но их совершенно нет на 1-м; от реки Гильменда до Кандагара (5 переходов) в урожайные годы на обоих путях можно рассчитывать на небольшое количество местных средств, ибо местность густо населена и возделана.

От Кандагара до Кветты — 220 верст или 12 переходов. Первые 7 переходов, до Ходжа-Арманского хребта, войска могут двигаться по английскому шоссе и нескольким грунтовыми дорогам, вообще годным для колесного движения. Далее — движение будет происходить по английской военной дороге. Удобство его будет зависеть от степени умышленной порчи построенных англичанами дорог.

Препятствиями на первых 7 переходах служат многочисленные реки, пересекающие пути, с хорошими арьергардными позициями; затем Ходжа-Арманский хребет с 3-мя проходами, запертыми английскими фортами; наконец пути преграждаются Пишинским укрепленным лагерем. Водой пути обеспечены хорошо. Продовольственных средств недостаточно.

Сводя все сказанное о Кандагарском операционном направлении, приходим к заключению, что все его протяжение от Кушки через Герат на Кандагар составляет около 700 верст или 31 переход.

К выгодам этого направления следует отнести:

1. Возможность подвозить войска по железной дороге в самый район сосредоточения на границу, имея здесь, кроме того, опорный пункт — крепость Кушку.
2. На всем протяжении возможно колесное движение, причем войска могут пользоваться двумя параллельными путями, в расстоянии 30 верст один от другого, проходящими по местности в общем равниной, несколько населенной и не представляющей значительных естественных препятствий.
3. В 6–7 переходов оно приводит к Герату, — пункту чрезвычайной важности, и к долине Герируда, — единственной безусловно изобилующей хлебом местности Афганистана, — давая в то же время возможность базироваться на богатейшую персидскую провинцию Хоросан [От Герата через Кусан до персидской границы — 130 верст по двум допускающим колесное движение дорогам.].

Невыгоды его:

1. Значительная длина.
2. За исключением долины Герата, необеспеченность водою, топливом и продовольственными средствами.
3. Небезопасность от удара во фланг: а) из Сеистана, б) из Газареджата и в) через Белуджистан с моря, что до некоторой степени вероятно при господстве флота англичан

на море и подчинении их влиянию Белуджистана [Это звучит несколько странно, но, тем не менее, мысль оперировать, например, на Герат со стороны моря часто встречается в текущей военной литературе Индии. Я укажу на подробную статью в “The Pioneer Mail”, вышедшую лет 20 тому назад и принадлежавшую высшему офицеру англо-индийской армии. Таких статей всегда немало.].

4. Оно преграждается довольно сильною крепостью Гератом и упирается в хорошо укрепленную часть английской границы.

Я с вами дошел до Кветты. От Кветты до р. Инда (Суккур) останется еще 370 верст. Относя более подробное описание пути в приложение, скажу только, что это путь трудный и в естественном отношении, и в смысле вероятных мероприятий со стороны англичан. Главными естественными на нем препятствиями являются: Боланский проход, идущий на протяжении 94 верст (до селения Дадар) узкими долинами и ущельями, сжатыми крутыми хребтами (иногда до нескольких десятков шагов) и маловодная, нестерпимо знойная пустыня Тап. Наличие Боланского прохода и пустыни Тап вынуждают пользоваться обходными путями: Питинской военной дорогой (станция Гарнай–Лорилай–форт Мунро–Дера-Гази-Хан на р. Инде), шоссированной дорогой в 335 верст длины и обходной дорогой через Келат (Кветта–Келат–Котра–Гандова–Лархан паромная переправа на Инде), очень длинной (589 верст) и очень трудной.

Центральная группа путей

Пути центральной группы, от р. Аму-Дарьи через Кабул к реке Инду, для удобства описания могут быть разбиты на участки: от Аму-Дарьи до городов степной полосы Афганского Туркестана, от последних через Гиндукуш до города Кабула и от Кабула до реки Инда.

От переправ на Аму-Дарье до степных городов пролегают десять путей:

1. Керки–Андхой–Меймене — 220 верст (8 переходов).
2. Керки–Шибархан–Мазар-и-Шериф — 242 версты (10 переходов).
3. Керки–Ахача–Балх–Мазар-и-Шериф — 227 верст (9 переходов).
4. Керки–Босага–Ак-Таг–Нимлик–Мазар-и-Шериф — 129 верст (9 переходов).
5. Чушка–Тузар–Шор-Тепе–Майдан-дивал–Мазар-и-Шериф — 72 версты (3 перехода).
6. Патта-Гисар (Термез)–Мазар-и-Шериф — 56 верст (2 перехода).
7. Патта-Гисар–Таш-Курган — 70 верст (3 перехода).
8. Кабадианская переправа–Таш-Курган — 32 версты (1 переход).
9. Тахта-Куват–Кундуз — 54 версты (2 перехода).
10. Хазрет-Имамская переправа–Кундуз — 55 верст (2 перехода).

Эти десять коротких путей не представляют никаких серьезных препятствий для колесного движения, исключая небольших песчаных участков, несколько затрудняющих движение; по этим путям войска, сосредоточенные у переправ на Аму-Дарье, могут быть

быстро передвинуты на линию Мазар-и-Шериф, Таш-Курган и Кундуз, откуда им и будет предстоять дальнейшее движение через Гиндукуш в долину реки Кабула и далее к Инду. Однако для этого дальнейшего наступления имеется уже значительно меньше удобных путей, потому что остальная страна, вплоть до окрестностей Пешавера, представляет собою систему высоких и труднодоступных хребтов.

Пути, соединяющие степную полосу Афганского Туркестана с долиной р. Кабула, могут быть подразделены на две группы: Бамианскую, которая ведет в обход Гиндукуша через Бамианский проход и доставляет выход в долину реки Кабула с запада, и Чарикарскую, ведущую через Гиндукуш, сходящуюся у города Чарикара и подходящую (через равнину Кухи-Даман) к Кабулу с севера.

Бамианская группа, в свою очередь, состоит из следующих двух путей:

1. Мазар-и-Шериф—Дехи—пер. Задигао—Бамиан—пер. Унам—Кабул, 526 верст или 23 перехода и
2. Таш-Курган—Гейбаг—Курган—Дуаб—пер. Кара-Кутал—Бамиан—пер. Унай—Кабул, 496 верст или 20 переходов.

Оба эти пути проходимы для колеса только на некоторых участках, вообще же представляют большие затруднения при движении; в некоторое же время года — зимою и в периоды таяния снегов — пути становятся почти непроходимыми. Их достоинство: обилие воды, травы, дерева и частое расположение селений.

В своем изложении я всегда оттенял мысль считаться лишь с перевалами Гиндукуша, но не с перевалами его предгорий или разветвлений, между тем последние также сильно затрудняют пути, и с ними считаться необходимо. Возьмите, например, первый из приведенных двух путей; он весь покрыт перевалами. Прежде чем вы достигнете Бамианского прохода, вам необходимо будет преодолеть пять перевалов: Дандан-Шикан, Думбы-Уштур, Чахар-Асман, Зардагао и Шибарту, из которых первые два (особенно Дандан-Шикан) очень трудны и едва доступны для колесного движения. Но и по миновании Бамианского ущелья серия перевалов не кончена, и до достижения вами благодатной долины реки Кабула на вашем пути будут еще три больших перевала: пер. Кашка (Малый Ирак 8.570 футов), пер. Большой Ирак (13.443 футов) и пер. Унай (11.300 футов). Всего на пути восемь перевалов.

Связью между приведенными двумя путями может служить дорога: Дехи-Дарваза—пер. Балагали—Дуаб, 74 версты. Этот путь идет к юго-востоку, по гористой местности, хорошо населенной; колесное движение возможно:

Чарикарская группа состоит тоже из двух путей:

1. Таш-Курган—Гейбаг—Сейхтут—Души—пер. Чардара—Рангар—Чарикар—Кабул, 371 верста или 16 переходов и
2. Кундуз—Алибад—Джуи Калан—Ярам—пер. Хавак—Чарикар—Кабул, 416 верст или 17 переходов.

Оба эти пути представляют значительные затруднения, но, что главное, они являются колесными путями. Доступность их ограничивается 8–9 месяцами в году, хотя второй вариант, если правильны сведения о зимней очистке перевала Хавак, может допустить

движение и в течение всего года. Обилие воды, продовольствия, дерева и травы — достоинство этих путей.

От Кабула к реке Инду ведут два пути:

1. Кабул–Буткак–Хурд-Кабул–Джагдалак–Джелалабад–Хайберский проход–Пешавер–Атток, 373 версты или 20 переходов.
2. Кабул–Шейх Абад–Куши–пер. Шутургардан–пер. Пейвар–Кутал–Курам–Тал–Когат–Кушальгар, 447 верст или 23 перехода.

Оба эти пути доступны для колесного движения, хотя в некоторых местах и потребуют разработки дороги (Шутургарданский пер., Хурд-Кабульское ущелье и др.). Лучший из них и более короткий — первый, через Джелалабад и Дакку. Более серьезными на этих путях преградами являются тактические, например, Хайберский проход на первом и форты Курам и Тал — на втором. Тактическая непреодолимость Хайберского прохода побудила создать в обход его два пути: один северный от Дакки вдоль течения реки Кабула, между нею и хребтом Тартура (Татра), через Лой-Шильман, Шагидмиан и Шахгай к Пешаверу, всего 66 верст от Дакки; и второй южный, следующий от Али-Маджида к юго-западу на селения Шара, Чин, далее через Безарскую долину, через пер. Сисоби до афганского селения Чинар; длина этого варианта — 47 верст [Подробности в книге генерального штаба полковника Полозова, “Северо-Западная граница Индии”].

Рассматривая центральную группу путей, мы находим следующие в ней плюсы и минусы.

К выгодам ее относятся:

1. Возможность подвести войска по железной дороге непосредственно в пограничные укрепленные пункты Керки и Термез, т. е. подводить войсковые массы на исходную линию нашего развертывания при условии большого обеспечения Аму-Дарьей и возможности в 1–2 дня овладеть линией степных городов [По последним сведениям этот железнодорожный путь разрушен, станции уничтожены и путь на многих участках разобран. Конечно, это дело временное.].
2. Значительно меньшая длина сравнительно с Кандагарским направлением.
3. Проводит к овладению столицею Афганистана — Кабулом.
4. Пролегая по горам, ими же обеспечивается от фланговых ударов значительных отрядов.
5. Хорошо снабжена водою и топливом.
6. Достаточно обеспечена продовольственными средствами.

Невыгоды ее:

1. Она пересекается грозными препятствиями для движения войск и провоза жизненных и боевых припасов; на двух лишь путях допускает колесное движение — полевая артиллерия во всяком случае пройдет с трудом.
2. Проходима не круглый год.

3. Встречает наиболее сильную афганскую крепость Дейдади и несколько укреплений в горах, запирающих единственно возможные для движения наших войск пути.
4. Выводит к сильно укрепленной части английской границы.

Вот что можно сказать вкратце о путях двух операционных направлений — Кандагарского и Кабульского; их достоинства и недостатки ясны. Сравним их между собою.

Прежде всего Кандагарское — длиннее Кабульского: от Кушки до Кандагара 700 с лишним верст, от Аму-Дарьи до Кабула 400 с лишним. Там нет воды, здесь сколько хотите, там травяного покрова нет, здесь он есть. Затем, на Кабульском — много поселков, на Кандагарском — их очень мало. Но здесь зато ровный колесный путь, вы идете с полным обозом и артиллерией, а через Гиндукуш идти трудно, приходится перекладываться на выюки. Затем, на Кандагарском оперативном пути движение круглый год, на Кабульском — зимой оно исключается. Перед вами два направления, каждое со своими положительными и отрицательными сторонами. Но если вы и ту, и другую сеть путей продолжите до реки Инда, то ваша оценка станет еще более затруднительна: каждый из добавков до реки Инда имеет также свои отрицательные и положительные стороны и еще более усложняет задачу. Лишь ясно выявляется разница в общих расстояниях. Если вы сложите минимальные расстояния от Аму-Дарьи до одного из степных городов, от одного из них до Кабула и от Кабула до Инда, то в сумме получится 800 верст с небольшим лишком; если вы тот же расчет сделаете для Кандагарского направления, то для общего расстояния между Кушкой и рекою Индом получите цифру в 1250 верст. Итак, Кандагарское направление насчитывает 1250 верст. Кабульское — 800. Там 60 переходов, а здесь 40. Если это взвесить, то перед вами, оставляя все остальное без внимания, крупная разница во времени для преодоления. Для достижения Инда через Герат–Кандагар нужны 2 месяца, для достижения Инда через Гиндукуш и Кабул — месяц и 10 дней; разница почти на целый месяц.

Если вы теперь спросите, какому же направлению нужно отдать предпочтение, то я предоставляю вам самим решать этот вопрос. Он труден, так как для определенного предпочтения тому или другому направлению нет вполне веских данных. Наука рекомендует в таком случае расширить масштаб исследования. Один из лучших способов в данном случае спросить историю. История скажет, что, несмотря на первоклассность Гиндукуша, труднопроходимость долин, крутые подъемы, зимою бураны и снежные заносы, угрозу фланговых позиций, победители шли почти без исключения все Гиндукушским направлением. Насколько сейчас помню, в истории не было ни одного крупного похода на Индию, который всецело не замыкался бы в Кабульском направлении. Александр Македонский, после покорения Бактрии (нынешних Афганского и русского Туркестана), Чингиз в своем налете на Индию (летом 1221 года), Тимур в походе ранней весной и летом 1398 года на Индию, Бабур во многих из своих операций на Кабул и др. обычно пользовались Кабульским направлением [Желающих ознакомиться с походами полководцев Азии по наиболее непосредственным и сырым источникам (хорошо обработанных, законченных трудов нет) могу указать: а) на работу I. W. M'Crindle, *The Invasion of India by Alexander The Great*; Westminster, 1896, где приведены нужные места из Арриана, Курциуса, Диодора, Плутарха и Юстина; б) М. И. Иванина, “О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингиз-хане и Тамерлане”, СПб., 1875; в) мемуары Бабура, или Бабур-Намэ. В подлиннике они изданы Н. Ильинским, Казань, 1857 г. На персидский язык мемуары были переведены в 1590 году Абдар-Рахимом-Мирзой-ханом. На английский язык с этого персидского текста сделан был перевод (1826 г.) John Leyden'ом и W. U. Erskine'ом. Французский перевод имеется

Pavet de Courteill'я (с тюркского оригинала). На русском языке были переведены лишь части труда, и притом очень неудачно.].

Только один поход Надир-Шаха на Индию был предпринят на Кандагарском направлении, но это потому, что персам нельзя было идти иначе: их база вся была на западе [Подробности о походе можно найти в труде С. О. Кишмишева “Походы Надир-Шаха в Герат, Кандагар, Индию”, Тифлис, 1889 г., стр. 147–211. Сам по себе труд очень не серьезен, так как в основе его лежат слабые работы Malcolm'a “Histoire de la Perse”, Мирза-Мехти “История Надира” и др. Ошибки на каждом шагу. Вроде, например, того, что Бабур родился в Файзабаде (стр. 150), Акбар — сын Бабура (150); описание Сулеймановых гор (стр. 152–153) самое сказочное, поход Чингиза на Индию отнесен к 1197 г. (стр. 162) и т. д.]. Но этого мало; завоеватели не только предпочитали Кабульское направление Кандагарскому, они предпочитали его даже в ту пору, когда Гиндукуш, казалось, более всего был недоступен. Я указывал уже на операцию Бабура на Газарейской дороге, на операцию Тимура, в пору похода уже очень старого человека, которого в некоторых местах спускали по кручам на шкурах и веревках [Приведу еще один красноречивый пример. В течение длительной борьбы между сыновьями Бабура, Гамайуном и Камрадом, в сороковых годах XVI столетия, каждый из них не один раз форсировал Гиндукуш и притом в разное время года. Из этих форсирований выдающееся было совершено Камрадом в зиму 1547 г., когда принц должен был идти по глубокому снегу, среди непрерывных метелей и выюг. Путь его шел чрез пер. Чар-Дара, Malleson, “History of Afghanistan”, стр. 141–142.]. Такие примеры показывают, что полководцы шли чрез Гиндукуш даже в зимнюю пору, преодолевая несказанные трудности, но поражая врага неожиданностью. Отсюда позволительно сделать вывод, что Гиндукушское направление должно же иметь преимущественное значение, и если бы нам пришлось оперировать в этих местах, главные силы было бы правильнее направить именно в этом направлении и только некоторые демонстративные, — в каком-либо другом.

Восточная группа путей

Нам остается рассмотреть пути восточной группы. Некоторые исследователи эти пути для удобства рассмотрения разбивают на два участка: от Памиров и Аму-Дарьи до линии Читрал–Гильгит и от этой последней линии до пределов Пенджаба. Другие разбивают пути восточной группы на две подгруппы: Бадахшанскую и Памирскую. Невходя в оценку этих методов исследования, упомяну вкратце наиболее видные маршруты:

1. Куляб–Самти бало–Рустак–Файзабад–Зебак–пер. Дора–Читрал, 446 верст или 20 переходов [О Памирских путях мною подробнее будет сказано в другом месте.]
2. Долина Алая (Дараут–Курган)–пер. Терс–Агар–Тахта–Горум–пер. Карабулак–пер. Марджанай–Хоргош–Кала-и-Пяндж–пер. Очиль–Читрал, 636 верст или 32 перехода.
3. Долина Алая (Сарыташ)–пер. Кизил-арт–Памирский пост–пер. Борогиль–Дарбанд–Читрал, 673 версты или 33 перехода.
4. Долина Алая (Сарыташ)–пер. Кизил-арт–пер. Кошбель–Таш-Курган–пер. Мын-Теке (Килик)–Гунза–Гильгит, 626 верст или 32 перехода.

Для достижения Северной окраины Пенджаба у Ноушеры и Равальпинди возможны следующие два маршрута:

5. Читрал–Дир–Мианкала–пер. Малаканд–Ноушера, 225 верст или 10 переходов.

6. Гильгит–Бунджи–Астор–пер. Камри–пер. Трагбал–Сринагар–Мэри–Равальпинди, 490 верст или 20 переходов.

Пересчитав эти пути, я отдал дань обстоятельности исследования, но вы должны представить себе ясно общую картину всех этих путей. Только тот, кто не шел ими и не видел тех диких бесприютных местностей, по которым следуют эти пути, спокойно их пересчитает и группирует в отдельную сеть путей, в особое операционное направление. Но человеку, который бывал в этих районах, все эти перечни кажутся ненадежной, нежизненной бухгалтерией. Что можно сказать об этом направлении? Оно имеет в сумме от 700 до 1100 верст. От исходных районов до линии Читрал–Гильгит 450–600 верст, да отсюда до Пенджаба 200–500 верст. Но, говоря о Памирских путях, на первый план нужно ставить топографию местности. Она прежде всего очень высока; в среднем она приподнята на 12 тысяч футов. Это превышение уже одно заставляет ваш организм приспособляться, перерабатываться, повышать количество кровяных шариков, учащать пульс. Путник не может спать на левом боку, всякое движение вызывает сердцебиение, нужны 3 недели, чтобы вполне приспособиться к этим высотам. Когда снаряжали наш Памирский отряд, то перед походом производилось специальное исследование людей; их, например, заставляли пробегать известное расстояние, влезать на стенку, а затем три раза подряд прочитать вслух “Отче наш”. Таких считали годными. Если не предпринять предосторожностей, то бывают несчастные случаи. Один офицер у меня, идя из Оша на Памир, вместо одного перехода сделал сразу два и умер у Бордабы от разрыва сердца: он слишком быстро поднимался. Не забудьте, что на Памирском направлении надо миновать одиннадцать хребтов, идти по перевалам на 16–17–18 тысяч футов. Прошли вы через Восточный Гиндукуш, вы спускаетесь в трущобы, о которых говорили с ужасом еще китайские пилигримы, что “там водятся драконы”. Если взвесите еще то обстоятельство, что здесь карнизами выются тропы, преграждаемые пропастью, если не забудете, что здесь нет дров, нет хлеба и 9 месяцев стоит стужа, то говорить о Памирском направлении, учитывая его, как операционный путь, думать, что посылка 300 кавалеристов здесь возможна, это равносильно значительному фантазированию. В науке это направление учитывается, но только для полноты картины. В истории, правда, был один случай, в виде полусказочного нашествия Угуз-Хана на Индию, который с отрядом в 40 тысяч всадников перевалил через Малый Тибет (перевалы Мустаг или Каракорум), прошел северными предгорьями Гималаев и лавиной спустился по их южным склонам на столицу Северной Индии того времени, Дели. Но было ли это в действительности, ученые сомневаются, хотя в областях военной истории Азии много было сказочного и невероятного. Конечно, базироваться на таких исключительных случаях не годится.

Наконец, надо вспомнить, что на Восточном Памире ютится не более 1.800 человек каркиргизов, которые кое-где прокармливаются, бродя с места на место, живут впроголодь, терпят стужу и голод. Взвесив все эти данные, мы не должны ставить рядом с Кандагарским и Кабульским направлениями Памирского, оставив за ним разве только подсобное или демонстративное значение. Но я не могу скрыть от вас, что англичане, по видимому, смотрят на Памир с некоторой тревогой и недоверием. Они тратят много денег на Дардистан и Гильгитское Агентство, много здесь в свое время произвели рекогносцировок, вели специальные войны (например, Гунза-Нагарскую). А Дюранд, например, в начале своего труда [“The Making of the Frontier” или мой перевод “Созидание границы”, стр. 36–37. Здесь можно найти (в тексте и в моих примечаниях), что англичанами предпринимаюсь для обеспечения своей северной границы.] прямо предостерегает против будущего “головореза”, вроде Скобелева, который по “Памирскому мосту” может внезапно нагрянуть на Северную Индию и заставить запылать всю Индию вообще.

Все заставляет меня сказать, в конце концов; что Памирское направление многотрудно и тяжкопреодолимо, но для Азии вообще и для Индии в частности, как внезапный стратегический сюрприз, оно может сыграть роль... совсем от него отказываться не нужно, как вообще нельзя на войне упускать из вида какую бы то ни было возможность.

Пути для связи

Нам остается рассмотреть продольные пути или пути для связи. Оставляя в стороне менее важные, упомяну следующие три:

1. Бала-Мургаб–Меймене–Шибархан–Мазир-и-Шериф–Кундуз–Файзабад, 733 версты или 30 переходов. Путь этот очень важен, как связывающий наступающие из наших пределов колонны. Почти на всем своем протяжении он является колесным, в некоторых местах потребуются разве небольшая обработка. Встречающиеся на пути перевалы (Шибакли, Эрганяк, Латабанд, более высокий, Ян-Дарья, Алучахам, Тешкан и Даряим) не велики, но как неразработанные для колесного движения, представляют некоторые затруднения. Грунт неодинаковый; — кроме обычной горно-степной местности, встречается песчаная и, как исключение, болотисто-низинная. На всем протяжении много обработанных земель, часто встречается вода, подножного корма много и во многих местах сбор продовольственных запасов не затруднителен, особенно в крупных селениях. Отношение к нам жителей будет или безразличное, или скорее дружественное, но едва ли враждебное.

2. Герат–Дженгелабаз–Гермаб–Мушак–Гжамрес–Кабул, 632 версты или 28 переходов. Это так называемый Газарейский путь. Этот путь некоторое время был предметом упорного внимания штаба бывшего туркестанского военного округа, которому приходилось долго довольствоваться слухами о работах по созданию Газарейской дороги, о телеграфе вдоль ее, о расположенных вдоль рабатах, пока посылка специального разведчика, прошедшего этой дорогой от Герата до Кабула, не выяснила истинной картины дела. Оказалось, эта дорога естественная, разработанная лишь в некоторых местах, и то поверхностно. Почти на всем своем протяжении она колесная, небольшие же выючные ее участки могут быть разработаны для колесного движения без особого труда. Воды на пути много, травяной покров обилен. Селения, особенно в средней части пути, попадаются часто и сбор продовольственных запасов не затруднителен. Отношение к нам жителей не выяснено, но относиться к ним, как к горцам и свободолюбцам, надо очень осмотрительно [В последние дни этой дорогой прошли наши специалисты, в общем подтверждающие сказанное. Конечно, ни телеграфа, ни телефона нет, дорога не разработана, а разве расчищена, мосты кавказского типа, но работы приличные. Колесо пройдет первые 6–7 переходов от Герата.].

Наконец,

3. Кандагар–Келат-и-Гильзаи–Газни–Кабул, 474 версты или 23 перехода. Это очень известный путь, по которому не раз шли английские отряды и о котором можно встретить упоминания в описаниях англо-афганских войн и в путешествиях. Весь путь хороший колесный, годный для перевоза осадных орудий. На пути много селений, вода и продовольствие — в изобилии. Население — чисто афганское, гордое, мстительное и разбойничье. Отношение к нему с нашей стороны должно быть осмотрительно и в бытовом отношении, и в военном.

О путях второстепенных или о путях местного назначения я говорить не буду, так как это не отвечает масштабу принятого мною изложения. Вы найдете об них в тех источниках, которые я вам указал в начале курса.

Общий вывод о путях

Общий вывод о путях Афганистана может быть лишь тот, что эта страна крайне ими бедна; железнодорожных и водных путей она совсем не имеет, шоссейных также нет. Имеются лишь пути обыкновенные и по своему устройству примитивные; страна располагает тем, что послала природа и в каком виде послала. Сетка путей до крайности редка. Есть огромные площади, почти не перерезываемые путями, как, например, площадь Бала-Мургаб–Обе–запад Кухи-Баба–Меймене или площадь Герат–Кандагар–Газни–р. Герируд.

Несомненно, при таком жалком обеспечении путями Афганистан может жить только полудикой жизнью, лишенной культуры и промышленности.

Что же касается военной стороны дела, то беспутье страны делает ее почти недоступной, во многих местах непроходимой, лишает возможности для наступающего держать связь между отдельными отрядами и вообще делает страну весьма пригодной для пассивного сопротивления. Гордый и свободолюбивый характер народа и огромная горная площадь вполне гармонируют с этим бездорожьем, делая страну очень трудной для завоевания, а особенно — для удержания во власти.

Глава девятая

Политическое значение Афганистана. — Отношения России и Англии к Афганистану. — Первый период русско-английских отношений. — Первая англо-афганская война 1838–1842 гг. — Значение Крымской войны. — Второй период русско-английских отношений. — Значение русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — Вторая англо-афганская война 1878–1882 гг. — Третий период среднеазиатских отношений России и Англии.

Политическое значение Афганистана

В заключение я должен остановиться на выяснении политического значения Афганистана. Прежде чем приступить к политической оценке того или другого объекта, необходимо определенно установить, какую этот объект может представлять реальную неприкрашенную ценность в международном отношении, и какова его духовная и материальная ценность сама по себе, и только установив такую оценку, мы можем подойти к попытке решить политический вопрос в том или другом направлении. Из дальнейшего моего очерка вы увидите, что мы производили несколько попыток наступления на Афганистан, правда, несолидных, можно сказать, несуразных. Что касается англичан, то, не считая их бесчисленных политических работ и денежных трат, они вынуждены были вести с Афганистаном три войны: первую англо-афганскую — 1838–1842 гг., вторую — 1878–1881 гг. и третью в позапрошлом году, продолжавшуюся полтора месяца — май–июнь.

Невольно возникает вопрос, чем обуславливаются эти старания добиться влияния в Афганистане и даже овладеть им?

Кроме этих войн, мы видим, что существует столетняя давность явных и тайных пререканий, длительная и неустанная политическая борьба между Англией и Россией из-за достижения влияния на Афганистан. По этому поводу имеется огромная политическая литература, которая упорно повторяет мысль, особенно в английских источниках, о роли и значении Афганистана. Незнакомый с содержанием и духом этой литературы, а особенно с ее нервной и самоуверенной убежденностью, рискует быть совершенно сбитым с толку.

Дело в том, что вся эта литература чисто-политическая, т. е. нервно-пристрастная, по скрытым целям агитационная, сильно лживая, далекая от научного, уравновешенного и честного объективизма; но ее обилие (разумею английскую), ее однообразный тон, ее самоуверенность должны на всякого читателя произвести несомненное впечатление. Скажу более. Эта однообразная и упорная литература сильно влияет на всю Европу, чуть ли не на весь мир. Особенно это сказывается на типе ходячих мнений об Индии, как теме общемировой. Конечно, Афганистан составляет тему во много раз более скромную и знать ее — удел только специалистов. Те, которым это знать нужно, уже давно поняли упомянутую однобокость и глубокий эгоизм английского политического освещения и принимали даже определенные меры к освобождению европейской мысли в азиатских вопросах от ига британского освещения [Укажем для примера на руководящую статью “L’oeuvre du Comité”, стр. 2. Bulletin du Comité de l’Asie Française. — Avril, 1901 г.].

Подойдем к реальной оценке Афганистана. Может ли быть Афганистан сам по себе ценен? Мы имеем перед собою страну с пятью миллионами населения, очень бедную, примитивную, без техники, без культуры; по-видимому, нет смысла ни для нас, ни для англичан тянуться за этой полудикой, неуравновешенной, всегда взбудораженной страной. Чего мы могли бы достигнуть, обладая ею? О минеральных богатствах нечего и говорить, они не велики, да и не определены; придать земле культурность можно, но это потребовало бы много времени, огромных трат и сулило бы все же скромные результаты. А что такое эти пять миллионов населения? В значительной части своей это кочевники, значит полудикари, слабо трудящиеся, небрежные, вяло-хозяйственные. Ясно, Афганистан сам по себе никакой цены не представляет. Но этого мало. Это — горная [“The country of rocks and stones”, как говорят англичане в своих политических сочинениях. См., например, Thorburn. Asiatic Neighbours, p. 93.] страна, лишенная дорог, с отсутствием технических удобств, с разрозненным и ненадежным населением; а это ненадежное население сверх того свободолюбиво, отличается гордостью, дорожит своей независимостью. Последнее обстоятельство поведет к тому, что, если этой страной и можно овладеть, то удержать ее в руках очень трудно, на заведение администрации и заведение порядка потребуется столько ресурсов, что страна этих трат никогда не вернет: ей вернуть их не из чего.

Поэтому мы должны сказать определеннейшим образом, что в истории столетней борьбы между Англией и Россией Афганистан сам по себе никакой роли не играл, и ценность его всегда была косвенная и условная. Если вдуматься в существо его политической ценности, то она, главным образом, сведется к тому, что Афганистан включает в себе операционные пути на Индию. История блестяще это иллюстрирует: она насчитывает 20 великих нашествий на Индию на пространстве четырех тысячелетий. Все эти нашествия показывают, что издавна народы-властелины стремились в Индию, обычно с целью наживы, и всегда они шли через Афганистан. Других дорог не было. И вот это обстоятельство, что Афганистан замыкает указанные пути, делает его политически ценным, придает ему определенный удельный вес и дает ключ к решению вопроса, об основной причине борьбы, которая идет между Англией и Россией. Еще Александру Македонскому приписывают фразу, что только Индия даст ему ключ к удержанию в своей власти Азии [Упоминает В. Кряжин в труде “Сумерки Востока” (М., 1919. С. 4.)]. Эта идея ясно сознавалась как его предшественниками, так и его последователями. Важность же Индии всегда отражалась на важности неминуемого преддверия к Индии, каковым был Афганистан.

Поэтому и мое освещение политического значения Афганистана будет исходить из того угла зрения, что сам по себе Афганистан ни в экономическом смысле, ни в финансовом,

ни в каком-либо другом значения не имеет; но, являясь постоянным преддверием к Индии, значение которого он не утерял и поныне и никогда не утерять, он является существенным политическим фактором и значительной политической величиной. Являясь постоянным объектом жадных пожеланий и завоеваний, Индия остается этим объектом и теперь, и та страна, которая в старые годы приводила к захвату этой мировой драгоценности, естественно, приведет к таковому и теперь.

Отметим, что в Афганистане завоеватели задерживались мало, сопротивления в нем особенного не встречали, но это в свое время не умаляло политического значения за этой страной. Главное сводится к тому, что Афганистан — единственное преддверие в Индию, и — другого нет. Посмотрите на карту и расцените дороги, ведущие к Индии. Начнем с Белуджистана.

Вы знаете из истории, что Александр Македонский отступал из Индии вдоль морского берега, и это стоило ему больших трудов и лишений. Первое арабское завоевание, относящееся к концу VII века, тоже направлялось этим путем, но эти два частных случая мы вправе рассматривать, как исторические исключения, не более; притом в них сухопутные операции комбинировались с морскими, т. е. это были, как определяет стратегия, сложные операции. Очевидно, Белуджистан не приведет завоевателя к Индии. Через Памир пробраться в Индию крайне трудно, перевалить через Гималаи еще труднее. В свое время я уже говорил, насколько трудно движение отрядов Памирским направлением. Говоря о Гималаях, вам пришлось бы только сгустить краски. Отсюда единственным плацдармом для проникновения в Индию остается Афганистан. Строго говоря, все попытки захвата Афганистана обычно были только подготовкой захвата Индии, но это всегда скрывалось и по политическим, и по военным расчетам; стараются указанную роль Афганистана и смысл подготовленных в нем работ скрыть и англичане. В свое время, когда я читал в 1908 году публичную лекцию в Петрограде относительно русско-английского соглашения 1907 года, в котором говорилось и о Тибете, и о Туркестане, и о Персии, но ничего не было сказано об Индии, я подчеркивал эту манеру британского политического лицемерия. Эту же мысль я провел также в моем труде “Индия, как главный фактор в Средне-Азиатском вопросе”.

Итак, повторяю, — Афганистан интересен только потому, что сосед с Индией, а главное — включает в себя единственную сеть путей, ведущих в Индию.

Есть указания на большую широту политического значения Афганистана, по крайней мере, в прошлом. Например, в труде Charles Simond [L’Afghanistan. Les Russes aux portes de l’Inde. Paris, 1885. 323.] мы встречаем упоминание о той мысли древних географов (ее приводит и Elisée Réclusb *Geographic universelle. L’Asie antérieure*), что между Тураном (теперешним Туркестаном), Ираном (Персия) и Гиндом (Индия) лежит “промежуточная страна”, по которой народы достигают одного из приведенных трех государств и для каждого из которых та страна является преградой. Конечно, эта крупная мысль была ярко обдоказана длинными страницами истории, и против нее спорить нельзя, но для переживаемого нами исторического момента, когда Персия или Туркестан, как объекты завоеваний, значительно утратили свою ценность, а Индия ее сохранила или даже усугубила, будет более правильным приемом сузить приведенную выше мысль древних географов, сделав ее тем более реальной и практически ценной, т. е. отнеся значение Афганистана исключительно к Индии.

Исторически эта более узкая мысль кристаллизована была также очень давно. Не входя в подробности и отнеся фразу Александра Македонского к области, может быть, легенд,

сошлюсь на Абу-Фазля, — писателя XVI века, который сказал, что со времени глубокой древности Афганистан включал в себе ворота в Индию... [Абу-Фазль-и-Аллами — министр, друг и историк Акбара, род. в Агре в 1551 г., умер в 1602 г. Его перу принадлежит много трудов, среди которых мировую известность имеет Акбар-намэ. — Этот труд — историческая хроника — распадается на три части; первая заключает историю Тимура и его потомков, а также царствование Бабура; вторая содержит историю 46 лет царствования Акбара; и, наконец, третья, носящая оригинальное название Аин-и-Акбари (зеркало Акбара), заключает в себе административные распоряжения и статистический материал по империи Великих Моголов в 1590 г. На английском языке имеется два перевода этой третьей — наиболее важной части. Более свежий перевод принадлежит Н. Blochmann'у, Calcutta, 1873 г., in 8°.] “И какая из европейских стран, — прибавлял Абу-Фазль, тем возвращаясь к старой географической идее, — овладеет Афганистаном, та утвердит свое господство над всей этой частью (т. е. Средней Азией) земного шара” [Как на интересный образчик той же мысли, укажу на фразу в статье “Afghanistan” в *Asiatisches Jahrbuch*, а именно: “Afghanistan Durchzugsland d. vorderasiat., tatar. u mongol. Volker nach Indien”. *Asiatisches Jahrbuch*, 1913, стр. 89. В подробностях статья полна ошибок.]

Отношение России и Англии к Афганистану

Теперь я перейду к вопросу, каким образом сложились наши отношения и таковые же англичан к Афганистану? Для более конкретного понимания я разделяю этот вопрос на три периода. Первый период от египетской кампании Наполеона, от 1800 года, или с 1801 года, классического похода Павла на Индию, до начала нашего передвижения в 60-х годах в Средней Азии или до появления книги Генри Роулинсона.

Второй период — от нашего наступления в Средней Азии (или от времени появления упомянутой книги) до Памирского разграничения в 1896 году.

И, наконец, третий период от Памирского разграничения до наших дней.

Эти периоды сильно между собой разнятся по своей длительности и важности, но я считаю возможным установить их потому, что каждому из них свойственно определенное отношение к Афганистану как со стороны России, так и со стороны Англии.

Первый период русско-английских отношений

Первый период начинается с египетской кампании. Как сам Наполеон, так и другие великие люди французской революции, ясно себе представляли мысль, что главный удар могуществу Англии может быть нанесен со стороны Индии. Эту мысль разделяла и Екатерина Великая, которой французом Сен-Жени чрез принца Нассауского был представлен даже специальный проект экспедиции в Индию. Правда, анализируя египетскую кампанию, особенно если вы будете читать проект ее, вы увидите, что эта мысль мелькает там, как отдельное пожелание и лишь в словах Бонапарта или его письмах она выходит вполне наружу [Египетский поход Наполеона часто представлялся совершенно причудливой выходкой завоевателя, но новейшие исследования подтверждают (Слоон “Новое жизнеописание Наполеона I”, том I, стр. 487, 497, том II, стр. 222–226), что целью его (может быть, отдаленной) была все-таки Индия, где одновременно с походом французские офицеры и эмиссары организовали восстание местных вождей против англичан. Да и раньше существовали довольно убедительные признаки того, что Индия во всяком случае имела в виду. Например, Langfrey, работавший по архивам, приводит секретный указ директории (от 12 апр. 1798 г.), по которому Бонапарту вменялось в обязанность “овладеть Мальтой, Египтом и изгнать

англичан из всех их владений на Востоке”. Langfrey, Histoire de Nap. I, том I, стр. 360. Что касается англичан, то они быстро сообразили о цели египетской экспедиции. Лорд Уэльслей, в то время генерал-губернатор Индии, писал по этому поводу: “В некоторых письмах, полученных мною из Англии, упоминается о догадке, которая мне кажется довольно вероятной, что часть флота, собранного в Тулоне, назначается для экспедиции в Индию обыкновенным путем, мимо мыса Доброй Надежды”. (Письмо к адмиралу Рейнеру. См. Бар Барту де-Поноэн, Индия под английским владычеством, том I, стр. 226.) Президент контрольной палаты М. Докдес соглашался с Уэльслеем, но предусматривал другой, более естественный для экспедиции путь “...на Алеппо и, переправившись чрез Евфрат, по пути Александра продолжать движение по берегу этой реки до Персидского залива и далее берегом до устья Инда”. В инструкции, данной Наполеоном генералу Гардану, этот путь действительно и намечался императором.]. Хотя сама египетская экспедиция сорвалась, но в свое время она произвела немалое впечатление на общественное мнение Англии и дала сильный толчок к последующему отношению Англии как к Наполеону, так и ко всему, связанному с Индией. Наполеон в течение 10 лет (1798–1808) не покидал мысли уничтожить владычество англичан в Индии. Ему принадлежат два детально разработанных проекта похода на Индию (в 1800 и 1807 гг.) [Желающих ознакомиться с подробностями проектов обращаю к статье Баторского в “Сборнике материалов по Азии”, вып. XXIII.]. Первый предусматривал совместные действия с Россией, второй был составлен в расчете на помощь Персии. Офицеры, посланные им в последнюю, представили ему 124 маршрута, прорезывающих Персию по разным направлениям, из них 8 для прямого следования на Индию. Оба плана заслуживают более подробного упоминания.

Конец 1800 года ознаменовался нашим разрывом с Англией. 12 января 1801 года атаман Донского войска генерал Орлов получил собственноручное письмо от императора Павла I, в котором ему приказывалось выступить в Оренбург, а оттуда двигаться тремя дорогами через Бухарию и Хиву на реку Инд. Ему предлагалось разорить все английские фактории и учреждения в Индии, освободить угнетенных владельцев, “а землю привести России в ту же зависимость, в какой она у англичан, и торг обратить к нам”. Казаки, как известно, выступили в составе 22½ тысяч человек с 24 орудиями, но не успели дойти до Оренбурга, как получили известие о смерти Павла и повеление от нового государя вернуться в места своих постоянных квартир.

При Александре I мы должны были участвовать с французской республикой в походе на Индию, при пассивном содействии австрийского императора, согласившегося пропустить французские войска. В Индию должна была отправиться армия в 70 тысяч человек. Из этого числа на долю России приходилось 35 тысяч человек, из коих 25 тысяч регулярных войск и 10 тысяч казаков.

Астрабад намечался главной квартирой союзной армии и центром сообщений между Францией и Россией. От Астрабада соединенная армия должна была идти через Герат, Фарах и Кандагар к реке Инду, причем предполагалось от Астрабада до реки Инда пройти в 45 дней, а из Франции до реки Инда — в 120 или 150 дней. т. е. выступив из Франции в мае, быть на Инде к октябрю. Для обеспечения успеха из Астрабада должны были быть посланы особые комиссары ко всем ханам и владыкам с целью расположить народы в пользу союзников. Поход 1801 года оборвался, главным образом, вследствие нежелания Александра I. Наполеон, став императором, продолжал думать об этом походе, завязал сношения с Персией и в 1808 г. прислал Коленкура в Петербург с поручением окончательно добиться от императора Александра I согласия участвовать войсками в походе на Индию. Как известно, Коленкуру не удалось добиться положительных

результатов, из его миссии ничего не вышло. Напротив того, через несколько лет мы были в союзе с Англией и вели отечественную войну на ее деньги.

Первый поход для нас интересен разве как образчик стратегического и политического донкихотства. Очевидно, географические сведения о Средней Азии были в царство Павла ниже элементарных, на что красноречиво указывает маршрут Бухария–Хива–река Инд или назначенный для усмирения англичан в Индии отряд в 20 с небольшим тысяч при 24 орудиях. Много странностей и во втором проекте, хотя и созданном мыслью Наполеона; незнание, очевидно, сильнее гения. Вы помните, что от Герата до Инда 1200 верст и почти 60 переходов, между тем как в проекте Наполеона путь от Астробада через Герат до Индии намечалось пройти всего в 45 дней. Сама мизерность отряда говорит о достаточном легкомыслии составителей проекта. Конечно, сведения о Средней Азии 200 лет тому назад были слишком туманны, и этот туман, пожалуй, и является оправданием их легкого тона.

В истории многочисленных походов и еще более частых проектов похода приведенные два по своей военной ценности, может быть, и не заслуживали бы упоминания, но политическое их значение было крупно, и в нашем политическом очерке они должны занять не последнее место. Хотя к началу XIX века Россия, а особенно Франция, были далеко от Индии, но и англичане в пределах Индии еще не были господами положения. Тогда Пенджаб и Кашмир им еще не принадлежали. Они пока замыкались в Бенгалии, владели районом Калькутты и небольшим — Бомбей, т. е. жались больше к морям, самая долина Инда еще была от них далеко [При небольшом, но очень умело изложенном труде Arthur'a D. Innes'a имеется наглядная картина постепенного захвата англичанами Индии, относящегося к моментам 1783, 1808, 1833 и 1858 гг. Вторая схема отвечает году первых сношений англичан с Афганистаном: *A short history of the British in India*, by Arthur D. Innes, London, 1902, стр. 328.]. Но во всяком случае присутствие англичан в Индии уже сознавалось широко и передовым умам было ясно, что они недалеки, от полного захвата Индии, чем и нужно объяснить создание указанных проектов. Сами же эти проекты со своей стороны создают тревогу для англичан, указывают опасный подход к Индии и впервые обращают их взоры к Афганистану.

Когда Наполеон посылает в Персию генерала Гардана в 1807 году, англичане в противовес этому посылают в Афганистан в 1808 году свое первое посольство под главенством Эльфинстона. Основная цель посольства сводилась в том, чтобы помешать Персии принять активное участие в русско-французском нашествии на Индию. В этом духе и был заключен союз с Шах-Шуджей, тогдашним владельцем Афганистана. Вообще, первая четверть прошлого столетия была тою порою, когда англичане находились под психозом проектов Наполеона, и все их взоры были обращены на Персию, как первый плацдарм, подводивший наступательные колонны к Индии. Отсюда понятно то крупное значение, которое приписывалось в это время Хоросану, восточной провинции Персии, а особенно Герату, главному городу Хоросана. Тогда-то у всех на устах в Средней Азии была известная фраза Надир-Шаха, последнего из завоевателей Индии: “Хоросан, это — сабля Персии; кто владеет Гератом, тот держит ее в руках и может стать владыкой мира”.

Нужно оговорить, что миссия Эльфинстона своей политической цели не достигла, как показали последующие события, но для науки она принесла много услуг. Сам Эльфинстон, оставивший, как я упоминал, классическое для своего времени сочинение об Афганистане, его молодые спутники, создавшие потом имена своими трудами, вроде Кеннингеяма, Макартнея, Стрэча, Ирвина, вскрыли огромную географическую тему, о которой дотоле судили разве только по греческим, арабским или китайским географам, и дали миру науки исключительный по своим размерам материал.

1808 год во всяком случае должен быть отмечен, как год начала установления английской связи с Афганистаном. В то время мы вели отечественную войну и, естественно, о Средней Азии, в частности, об Афганистане, не думали. Что же в это время там делалось? В Афганистане в это время шли большие неурядицы. Афганистан раздробился на части с Кабулом, Кандагаром и Гератом во главе. Лишь в 1823 году Дост-Магомету, родоначальнику нынешней династии Баракзаев, удалось объединить большую часть земель Кабульско-Газнийских. Дост-Магомет, как сильный монарх, желал подчинить себе весь Афганистан, но встретил препятствие со стороны английского правительства, и потому стал заигрывать с Россией. Здесь выдающуюся роль сыграл наш агент поручик Виткевич, который сильно вредил англичанам.

Каковы были задачи Дост-Магомета, первого преобразователя Афганистана? Его политическая цель сводилась к следующему: объединить Афганистан, собрав воедино все афганские племена, затем уберечь себя от Персии, откуда были попытки покорения его страны, а в вопросе об отношениях к Англии и России, по неизвестным до сих пор соображениям, он потянулся в сторону России, к англичанам же отнесся пренебрежительно. Дост-Магомет стал, по выражению англичан, заигрывать с Россией, и в Кабул был послан наш поручик Виткевич, человек исключительной энергии и дарований; этот человек много сделал и сделал бы еще больше, если бы не был глубоко одинок. За его спиной стояли 2–3 чиновника министерства иностранных дел, и только [История Виткевича осталась и до сих пор невыясненной. Его преждевременная кончина, столь же темная, как и начало его карьеры, грубо оборвала сильно взятый им политический курс, может быть, слишком ранний. Как известно, Виткевич покончил с собою, прибыв в Петроград и найдя в нем холодный прием. Англичане злорадно передают, что граф Нессельроде будто бы не принял представлявшегося Виткевича и приказал ему передать, что “поручика Виткевича он не знает, слышал лишь о каком-то авантюристе Виткевиче, который в последнее время был занят разными интригами в Кабуле и Кандагаре, не имея на них никаких уполномочий”. Kaye, History of the war in Afghanistan, vol. I, p. 209.]. Это была та пора, когда мы оказывали на Персию большое влияние и ею занимались. Афганистан же являлся для нас лишь каким-то политическим капризом, не более.

Итак, в 1823 году происходит объединение Афганистана. То обстоятельство, что со стороны Афганистана было “заигрывание” с Россией, потревожило Англию и создалась необходимость относительно Афганистана иметь какой-либо определенный политический курс; и тот период, который я наметил, как период от начала египетской кампании до 60-х годов прошлого столетия, проникнут стремлением Англии захватить Афганистан в сферу своего политического влияния. Таковой захват сводился пока к двум главным целям: иметь своего представителя при эмире и лишить Афганистан права сношения с иностранными государствами. Эта идея захвата Афганистана под свой политический контроль доминирует во весь этот период. Что касается России, то я должен повторить, что за этот период относительно Афганистана у нас никакой политической идеи не создалось, как не было ее и в последующие периоды.

На первых порах Англия резко сорвалась. Сначала она пробовала бороться с Дост-Магометом путем дипломатии и денежных соблазнов. Но Дост-Магомет был человек сильный и упорный; соблазны Англии не привели ни к чему. Тогда англичане решили силой покончить с Афганистаном, возвести на престол нового эмира взамен непокорного Дост-Магомета, раздробить Афганистан и подчинить его своему контролю.

Первая англо-афганская война 1838–1842

Осенью 1838 г. была сформирована армия для вторжения в Афганистан, которому была объявлена война. Армия состояла из бенгальской колонны в 9.500 человек при 38.000 прислуги и носильщиков и 30.000 верблюдов, которая должна была собраться в Фирознуре и, соединившись с 6.000 местных афганцев, сторонников Шах-Шуджи, враждебных Дост-Магомету, двинуться на Шикарпур, где к ней присоединялась бомбейская колонна в 5.600 человек. Целью обеих колонн был Кандагар. Третья колонна должна была идти на Кабул, 6 марта 1839 года бенгальская и бомбейская колонны прибыли в Боланский проход. Здесь сопротивления они не встретили, и, пройдя проход, провозгласили эмиром Шах-Шуджу. Затем англичане отправили отряд в 5.000 человек в Газни и взяли его штурмом. Тогда Дост-Магомет бросил Кабул и ушел на север в Афганский Туркестан. 7 августа 1839 года англичане вошли в Кабул.

В это время нашей задачей было укрепить и расширить пределы Персии, которая была под нашим влиянием, и с этой целью мы помогли ей в гератском вопросе, окончившемся ничем из-за интриг англичан. Кроме того, в Афганистане мы всячески старались упрочить положение Дост-Магомета, но делали это чисто платонически. В ноябре 1839 года мы решили покончить с хивинским вопросом и послали экспедицию Перовского. Одновременно с этим афганское население, зная о нашем движении, само встрепелось и приняло сторону Дост-Магомета. Началось движение против англичан. Дост-Магомет набрал значительное войско, переправился через Гиндукуш и нанес сильное поражение англичанам у перевала Первандара. Такой успех сильно напугал англичан; они не знали, что делать, но им помог сам Дост-Магомет, добровольно явившийся в их лагерь. Что побудило этого крупного человека на сказанный шаг — далекий ли расчет, надежда ли на британское милосердие или что другое, это осталось темным. Англичане арестовали его и отправили в Индию в ссылку.

Афганцы взволновались, началось брожение, разразившееся через год и годовщину битвы у Первандара 2 ноября 1841 года страшным восстанием. Много англичан из миссии было убито. Начальник английского отряда, стоявшего у Кабула, впал в нерешительность и дал возможность афганцам окружить себя и разбить в сражении. Затем начальник штаба был изменнически приглашен афганцами для переговоров и убит, а отряд в количестве 4.500 человек отступил на Джелалабад. По пути англичане были систематически истреблены на перевалах афганцами. Хотя впоследствии англичане и отомстили, послав из Кандагара отряд в 15.000 человек, который разбил афганцев у Хурд-Кабула и ограбил город Кабул, но все же, в конце концов, англичане должны были совсем уйти из Афганистана.

В кампанию 1838–1842 гг. англичане потеряли более 30 тысяч человек и свыше 50 тысяч верблюдов. Издержали более 100 миллионов рублей. В конце концов, англичане принуждены были выпустить из плена Дост-Магомета, который снова принял бразды правления и счастливо процарствовал до 1863 года.

В трудах Соболева, Григорьева и некоторых англичан вы найдете обстоятельную оценку этой войны с точки зрения военной и политической. Едва ли в истории имеется другой пример столь нагло начавшейся кампании и столь печально окончившейся.

Но какой прослед оставила эта оригинальная война в народном сознании Афганистана? Прослед для англичан крайне невыгодный. Война приподняла лишь самоуверенность и гордость народа, иллюстрировала перед ним военную немощь Альбиона и его непопулярность в Средней Азии. В сборнике афганских песен, относящихся к тридцатым и сороковым годам прошлого столетия, вы найдете явный отпечаток этого печального для англичан проследа. В Азии без войны не обойдетесь — она неизбежное доказательство и подкрепление вашей силы, — но война должна быть решительная и победоносная. Первая

англо-афганская война много повредила англичанам, понизила их престиж [К такому, приблизительно, выводу пришел и Kaye, лучший историк первой англо-афганской войны. Он говорит в своем заключении: “After an enormous waste of blood and treasure, we left every town and village of Afghanistan bristling with our enemies”; или: “In their place (вместо прежнего почета в Афганистане) we left galling memoirs of the progress of a desolating army”; или: “There was scarcely a family in the country which had not the blood of kindred to revenge upon the accursed Feringhees. The door of reconciliation seemed to be closed against us...” и т. д. History of the war in Afghanistan, by John William Kaye, London, 1890, vol. III, стр. 399.], и только наша небрежность и отсутствие в нужную минуту политического чутья дали возможность Англии поправиться и уже не войной, а другими средствами поддержать колебавшийся авторитет страны-владычицы.

Что делаем мы в это время? Мы передаем Герат Персии, хотя ненадолго, затем сами идем на Хиву. Оба этих акта не были ни планомерными, ни серьезными. Все же в это время нам уже стало ясно, что если не мы, то, по крайней мере, англичане придают Афганистану серьезное значение, и что в этой стране заложены пружины крупных политических достижений. Но и Англия к этому моменту выяснила, что, если Россия сейчас активно действовать и не может, то в ближайшем будущем она, во-первых, будет в силах предпринять более реальные шаги в этом направлении и, во-вторых, достаточно одного приближения России в поле зрения Афганистана, чтобы за этим последовали самые серьезные результаты.

Неудачи в Афганистане и наше наступательное движение в Средней Азии явились одной из причин к участию Англии в войне 1854–1855 гг., хотя для нас налицо были и более непосредственные причины. Нужно вспомнить, что в это время наше стремление к Средиземному морю было в большом размахе, идеология православного креста на Софии и освобождение братьев-славян от турецкого ига достигали полного расцвета. Все это было слишком опасно для главной коммуникационной линии, связывающей Индию с Англией, той самой линии, значение которой возрастало с каждым кубом вынутой земли строившегося тогда Суэцкого канала.

Значение Крымской войны

В истории среднеазиатского вопроса крымская кампания сыграла крупную роль, предопределяя надолго политическую и военную ориентацию Англии и России. Гибель нашего средиземного флота пресекла в корне и надолго наши завоевательные тенденции, связанные с проливами и Царьградом. Но эта же гибель, слишком принизившая нас по отношению к Англии, заставила искать иных дорог для восстановления нашего на нее влияния, или правильное — ее от нас зависимости. Крымская война, главным образом, и выявила смысл наших будущих подходов к Индии, т. е. вскрыла существо среднеазиатской проблемы. Хотя было ясно, что мы в Средней Азии еще слишком слабы и вести наступательных операций против Индии не можем, но уже важно было теоретическое или пока кабинетное сознание, что дорога к восстановлению нашего международного равновесия с Англией пролегла по Средней Азии, а не направлялась, как раньше, к Средиземному морю, и что пока далеким фонарем, освещающим этот крупный путь, была Индия.

Эта опознанная к моменту Крымской кампании мысль, а к концу ее окончательно созревшая, интересно отразилась на тогдашних проектах походов на Индию. Так, Чихачев предлагал послать в Астрабад экспедиционный корпус и занять Герат, а оттуда послать 30 тысяч на Кандагар и Дерез-Измаил-Хан и далее на Лагор. Следовательно, план осуществлялся при содействии Персии и Афганистана.

Был еще план Хрулева приблизительно в том же роде.

В этих планах мы видим совпадение и баз, и операционных направлений. Я уже упоминал, что походов на Индию было бесконечное множество; история только великих походов насчитывает их до 20. Эти походы, или лежащие в их основе планы, могут быть подразделены на две группы: европейскую и азиатскую. Первая группа походов менее многочисленная и реже удачливая обычно базировалась на Европу и велась в направлении с запада на восток или с северо-запада на юго-восток. Вторая группа базировалась на Азию (в частности, Туркестан или древний Туран) и велась в направлении с северо-востока на юго-запад или с севера на юг. К первой группе походов или проектов принадлежат походы Александра Македонского, Надир-Шаха (в 1735 году... последний из великих походов), или проекты Наполеона, Чихачева, Хрулева. Вторая группа была осуществлена в жизни (вероятно, много в свое время было и разных планов, как о том можно судить по мемуарам Бабура) Димитрием Бактрийским, скифами или саками, Чингизом, Тимуром и многими другими.

Указанные выше проекты Чихачева или Хрулева интересны не своим существом или содержанием. Они, если хотите, так же поверхностны, как проекты Наполеона, и немногим выше причудливого похода Павла, но они показывают определенное и реальное направление политической мысли России по отношению к Средней Азии; они показывают, что со времени Крымской кампании перед Россией встала более конкретная и реальная проблема. Что эта проблема была реальна, это подтвердили шестидесятые и семидесятые годы наших завоеваний в Туркестане. Постепенно, как колосья под косою, падают Ташкент, Хива, Самарканд, Бухара, Коканд. Никогда еще в Средней Азии мы не достигали таких быстрых и ярких успехов. Как и нужно было ожидать, наши успехи очень переполошили англичан и привели их к выводу, что их старая политика по отношению к Афганистану, состоящая в том, чтобы путем разных и довольно пассивных мер добиться над ним своего контроля (наличность резидента в Кабуле и запрет внешних сношений), была ошибочна, она не давала каких-либо обеспечивающих Индию результатов. Стало ясно, что центр тяжести не в самом Афганистане, а в России и именно: в степени активности ее среднеазиатской политики и в степени ее отдаленности от Афганистана. И вот задача — всеми мерами остановить наступательное движение России и смирить активность ее политики — и составляет основной тон британских интересов во втором из рассматриваемых нами периодов (от шестидесятых годов прошлого столетия до Памирского разграничения).

Второй период русско-английских отношений

Этот второй период открывается знаменитым меморандумом сэра Роулинсона, который в 1868 году был им подан консервативному статс-секретарю по делам Индии [Он после, вместе с другими статьями того же автора, был опубликован в классической книге, уже мною упомянутой “England and Russia in the East”]. В нем автор, ввиду угрожающих Индии успехов России, настаивал на необходимости занятия Кветты, учреждении британского резиденства в Кандагаре и т. п., в нем же автор настаивал на вмешательстве в дела Афганистана “во имя интересов мира, торговли, нравственного и материального развития” как Индии, так и самого Афганистана. Конечно, не эти стилистические красоты составляли зерно книги Роулинсона. Одна мысль, проходившая красной нитью через весь труд, дала ему историческую ценность; мысль о том, что Россия неудержимо приближается к Индии: она была изложена Роулинсоном очень живо и выразительно.

“Если набросить на карту Азии, — говорит Роулинсон, — следы движения русских в отдельные периоды, то каждого поразит сходство этих движений с операциями армии, ведущей параллели против осажденной крепости. Первая параллель может быть отнесена к концу сороковых годов; она тянулась от северного края Каспийского моря Оренбургской и Сибирской линиями, севернее общей степи, к Иртышу. Стратегически эта линия может рассматриваться только как наблюдательная линия.

Вторую параллелью, которая должна представить собою демонстративную линию, будет подготовляемая ныне [Т. е. около конца 60-х годов.] Россией граница; она протянется от Красноводского залива к Аму-Дарье, в пункте на юге Хивы, и отсюда вдоль Аму-Дарьи до Памира. Эта параллель будет выдвинута «на 1500 верст» против первой.

Третья параллель, как естественное следствие предшествующих операций, должна будет пойти от Астрабада, в юго-восточном углу Каспийского моря, вдоль персидской границы к Герату и отсюда по нагорью Газары к Пянджу (Оксусу) или, что также возможно, через Кандагар к Кабулу. Утвердившись на такой линии, Россия добьется несокрушимой позиции”.

Во всем этом винегрете, состряпанном из военной, политической, географической и др. приправ, мог разобраться, вероятно, только сам, ныне покойный, автор; но эта белиберда произвела в свое время большое впечатление на общественное мнение Англии. Игра с военной терминологией и полная беспорядочность в ее применении могут сбить человека, даже внимательно штудирующего роулинсоновские параллели. Не забавно ли наблюдать за Индией с наших старинных “линий” или демонстрировать с линии Красноводск–Аму-Дарья? И причем тут какое-то случайное подобие (чисто внешнее, географическое) параллелей, когда содержание настоящих и роулинсоновских никак нельзя сблизить между собою? Во сколько бы раз был более прав Китай, если бы он по поводу казацких движений начал так же злоупотреблять фортификацией, как это делал английский ученый? Но цель — обратить внимание Англии на глухие углы Средней Азии — была достигнута. Общественное мнение было так встревожено, что английское правительство вступило в переговоры с Россией о целях и пределе русских завоеваний. Переговоры привели к установлению северной границы Афганистана, при этом князь Горчаков передал, что “государь считает Афганистан вне сферы влияния России”. Казалось бы, англичане могли успокоиться, но наши дальнейшие успехи в Хиве и Коканде переполнили чашу терпения, и британцы сделали все возможное, чтобы побудить Турцию к войне с Россией, чтобы остановить наше дальнейшее расширение, ибо после Севастопольской кампании сама Англия не решалась выступить активно против нас.

Тем, кто интересуется среднеазиатским вопросом под углом политического разума, книгу Роулинсона — может быть экстравагантную и нервную, но глубоко интересную, — прочесть необходимо.

В тесной связи с книгой Роулинсона должна быть поставлена записка Мак-Грегора об обороне Индии, составленная в 1889 году в бытность его генерал-квартирмейстером англо-индийской армии [Она, будучи в свое время очень секретным документом, была искусно нами выкрадена и незамедлительно переведена. См. “Сборник материалов по Азии”, выпуски XIII и XIV.]. Она содержит подробный и обстоятельный план, в деталях порою глубоко циничный и наглый, сводящийся к целому ряду предупредительных мер против России, с целью не только приостановить ее наступательное движение в Азии, но и совершенно вытеснить ее из азиатских пределов. “Оборона Индии” является недостижимым образчиком жестокости и человеконенавистничества, подсказанных автору больным патриотизмом и непомерным служебным честолюбием.

Приведенные два сочинения отражают своим содержанием и тоном весь смысл второго периода взаимоотношений Англии и России. На протяжении его Англия ставит себе главной политической задачей в Средней Азии задержать Россию всеми имеющимися ресурсами на приличном удалении от Афганистана (а значит и Индии) и ослабить ее среднеазиатский размах... Правда идея первого периода — достижение контроля над Афганистаном — еще не была изжита англичанами, и вторая англо-афганская война велась еще под этим знаменем, но идея уже потухала, так как отчасти была осуществлена; кроме того, для англичан было ясно, что центр тяжести с 60-х годов был перенесен на деятельность и шаги России... их нужно было приостановить во что бы то ни стало.

Но и со стороны России мы видим большие достижения в области среднеазиатской проблемы. В России начинают понимать, что лежащая недалеко от нас Индия является в наших руках огромным политическим козырем, что, благодаря этому географическому благоволению судьбы, мы можем оказывать огромное влияние на Англию и притом одним лишь фактом осуществления нашей угрозы по адресу ее драгоценной колонии. В наших политических кругах начинает выявляться та плодотворная мысль, что на все против нас посягания и интриги Англии мы с большим успехом можем ответить соответствующим нажимом в Средней Азии.

Характерным отражением этой мысли является проект Скобелева перед русско-турецкой войной и наши демонстрации после этой войны. На них интересно остановиться. Существо проекта Скобелева сводилось к следующим трем пунктам: 1) открыть переговоры с кабульским эмиром, поддерживая их посылкою корпуса в Кабул. 2) Заняв Кабул, войти в сношение со всеми недовольными в Индии, дать им организацию и общее управление. 3) Собрать массу иррегулярной кавалерии и бросить ее в Индию, как то сделал Тимур. Даже поверхностный взгляд должен показать вам, что между этим проектом и проектами Наполеона, Чихачева или Хрулева пролегает целая пропасть. В проекте мы находим три последовательных этапа, очевидно, выясненных путем внимательного изучения лучших азиатских образчиков завоевания Индии. Намеченное операционное направление выбрано разумно и также продиктовано уроками истории. Даже подробности и детали, хотя проект создан наскоро, являются жизненными и целесообразными.

Что касается демонстраций после войны 1877–1878 гг., то они типичны не своей фактической стороной, а, главным образом, интересны идеей, вложенной в эти демонстрации. Ввиду враждебного положения, занятого Англией перед берлинским конгрессом, Александр II повелел из Петро-Александровска на Аму-Дарье двинуть отряд Гротенгельма к Чарджую, здесь к нему должны были присоединиться войска Закаспийского края. Генерал Кауфман должен был двигаться через Бухару из Самарканда на Балх, Бамиан и Кабул. Генерал Абрамов должен был идти из Самарканда через Алай на Читрал и Кашмир. В общем, это была типичная демонстрация, ибо все три колонны были численностью в 20 тысяч человек.

Все три колонны почти застыли в своих исходных районах, за исключением разве отряда Абрамова, который прошел сравнительно далеко в незнакомый до того момента Памир и, хотя не оказал какого-либо политического влияния на Индию, но, имея в своем составе крупные научные силы, вроде Северцова, сыграл для науки большую роль. Организационная и техническая разработка демонстраций, как видите, была еще очень несовершенна, я бы сказал, даже наивна. “Мы не знали, — откровенно высказал один генерал, — ни местности, по которой придется идти, ни населения, с которым встретимся”. Но о чем говорят эти технические несовершенства? А только о том, или

преимущественно о том, что среднеазиатская проблема и после войны 1877–1878 гг., хотя уже и разгаданная в своем существе, практически доработана не была, оставаясь мыслью кабинетной, далекой еще от разумной и деловой реализации.

Значение русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Про войну 1877–1878 гг. нужно сказать, как и про крымскую, что она являлась для России видным этапом в прозревании и выяснении среднеазиатского вопроса. С момента ее мы еще более углубили этот вопрос и даже подвели его к некоторым практическим осуществлениям, правда, еще очень несовершенным. Вообще, мы в Азии учились опытом войн, т. е. теми моментами грозных переживаний, когда политические центры и тяготения выявились очень выпукло, и когда Англия, в частности, раскрывала тайники ее интриг, забот и опасений.

Итак, русско-турецкая война дояснила нам “Ахиллесову пяту” Англии, и мы после войны перешли в поле практических нажимов. Сверх уже упомянутых демонстраций мы завязали сношения с тогдашним эмиром Афганистана Шир-Али-Ханом, который к нам относился очень благосклонно. И эти сношения не походили уже на прежние. Они не ограничивались посылкой какого-либо молодого человека “за его счет и риск” [Характерно, что и Англия в свое время переживала такие же приемы политико-военных рекогносцировок и создания политических влияний посредством посылок одиноких людей: таковы знаменитый Бернс, Стодарт и Конолли, казненные в Бухаре в 1842 году и др.] или очень секретным “письмом туркестанского генерал-губернатора к кому-то”; поступлено на этот раз было прямо и решительно, что на Востоке всегда ценится. Из Ташкента было снаряжено большое посольство к эмиру генерала Столетова. Правда, выбор главы посольства был не из особенно удачных, и по обычаю не были предусмотрены последствия нашего сильного шага, но тон по отношению к Афганистану и англичанам впервые был взят настоящий. Брошенную нами перчатку Англия должна была поднять, и Средняя Азия пережила еще одну войну, так называемую вторую англо-афганскую 1878–1882 гг.

Вторая англо-афганская война 1878–1882 гг.

Эта война стоит на перепутьи между первым и вторым периодами англо-русского политического состязания, хотя по времени лежит во втором периоде. Руководящими целями, проникавшими эту войну, были: возможно полное достижение контроля над Афганистаном и остановка активных притязаний России. Наиболее крупными фактами этой войны были следующие: англо-индийская армия в 35.000 человек вторгнулась в Афганистан тремя колоннами: пешаверская, ген.-лейт. Брауна, в 16.000 человек — двинулась через Хайбер к Дакке и Джелалабаду; афганцы от Хайбера отступили без поражения. Курамская — 6.000 человек, генерала Робертса, двинулась долиною реки Курама и 18 ноября 1878 года штурмовала Пейвар-Кутальский перевал. Штурм был неудачный, через два дня последовал новый штурм и Робертс овладел перевалом. Южная колонна Стюарта, в 11 тысяч человек двинулась Боланским проходом. 26 декабря была стычка у Тахт-и-Пуля, 27 был занят Кандагар.

Афганская армия вдруг исчезла. Эмир Шир-Али-Хан, наш сторонник, оставил Кабул, удалился в Мазар-и-Шериф [Исчезновение армии, удаление эмира в Афганский Туркестан очень характерны для манеры ведения войны афганцами; они говорят о глубокой склонности и привычке народа к партизанским действиям.], а управление государством передал своему сыну Якуб-Хану. В Афганистане стоял полный хаос, и афганцы вели между собой бесконечные распри. Но вскоре афганцы опомнились и бросились на

сообщения англичан. Тыл англичан пришел в полное расстройство. Неудачи в борьбе за сообщения заставили англичан бросить свои мечты о завоевании Афганистана, и они только старались обеспечить свою коммуникационную линию.

На их счастье, в феврале 1879 г. Шир-Али-Хан умер и Якуб стал государем. Новый эмир не понял трудного положения англичан и поторопился заключить с ними Гандамакский мир 15 мая 1879 г., по которому: 1) Афганистан уступил англичанам все проходы, ведущие из Индии; 2) сношения Афганистана должны вестись через английское правительство; 3) в Кабуле должен быть английский резидент и 4) эмиру ассигнована пенсия в 60 тысяч фунтов в год. Резидентом в Кабуле был назначен Каваньяри. Этот Гандамакский мир, правда, случайный, отмечает собою линию наивысших достижений Англии по отношению к Афганистану; позже ей пришлось довольствоваться более скромными уступками [Текст Гандамакского мирного договора желающие найдут в I выпуске “Англо-авганской распри” Л. Н. Соболева, стр. 137–141. Характерно, что фанатики из англичан не были довольны даже этим мирным договором. См., например, статью Роулинсона в “The Nineteenth Century” от 1879 г., в которой автор укоряет авторов договора за возвращение Афганистану Кандагара, что было сделано по договору, и вообще считает последний неполным и “не без пятен”].

Народ был возмущен договором, и 3 сентября того же года майор Каваньяри и его конвой были убиты.

Пришлось начинать новую войну и идти на Кабул. Робертс наскоро собрал армию и двинулся на столицу Афганистана. На дороге в Куше явился к Робертсу Якуб-Хан, прося защиты и мира. Робертс принял его надменно, грубо третировал его и отправил в Индию; впоследствии его лишили престола.

Не доходя 15 верст до Кабула, Робертс встретил афганскую армию в количестве 7.000 плохо вооруженной милиции. В сражении при Чар-Азиабе (по Курамской дороге) он разгромил их (у него было 5 тысяч) и занял 12 октября Кабул, где произвел такую дикую расправу над афганцами, что даже английский парламент содрогнулся [О жестокостях Робертса, а, в частности, английских офицеров и солдат британские газеты в свое время были полны изумительных подробностей. Особенную тревогу вызвала статья известного юриста Гаррисона, помещенная в “The Fortnightly Review” от 1879 г. под заглавием “Военное право в Кабуле”. — “Английская армия, — говорит в статье Гаррисон, — наиболее часто, чем какая-либо другая армий в свете, занимается вешаньем, расстреливанием или наказанием военнопленных”]. Афганцев охватил горячий патриотизм, и Робертсу вскоре пришлось спасаться в укрепленный лагерь под Ширпуром у Кабула. У Робертса было 10 тысяч человек, и к нему шли подкрепления: 12.000 от Пешавера, 9.000 по Кураму и 9.000-ый отряд шел из Кандагара. Успехи англичан в битве под Газни в апреле 1880 года не успокоили страну, и англичане прямо не знали, как им разделаться с этой грязной историей. По счастью, Россия выпустила из своих пределов Абдуррахман-хана, внука Дост-Магомета.

Он появился в Бадахшане, где жители Гиндукуша провозгласили его эмиром. Англия охотно его признала, и 24 июля 1880 года он был провозглашен эмиром в Кабуле. Робертс помог ему утвердиться, разбив противника Абдуррахмана Эюб-Хана, правителя Герата.

Затем был заключен в 1880 году новый Раваль-Пиндский договор, по которому Англия давала Афганистану субсидию и сохраняла за собой право политических сношений с Афганистаном, но отреклась от прежнего Гандамакского договора и отозвала свои гарнизоны.

Результаты и второй англо-афганской войны были крайне печальны. Англия по отношению к Афганистану не достигла каких-либо удовлетворительных результатов, несмотря на обилие принесенных человеческих жертв и миллионы потраченных рупий.

Но повторяю, вторая война по своим целям скорее относится к первому периоду. Характерной же особенностью второго периода является систематическое стремление Англии приостановить наше наступательное движение в Азии. Для этого были все средства хороши. Типичными были: придирки ко всякому нашему боевому успеху, улавливание нас в дипломатической фальши и в данных обещаниях, создание рубежей, как преград для дальнейшего движения, устройство многочисленных разграничительных комиссий с непременно участием в них англичан, хотя дело касалось лишь нас и Афганистана, систематическая травля России в печати, и не одной только английской, усиленные рекогносцировки и шпионаж [У М. А. Терентьева приведены интересные примеры этих рекогносцировок и шпионажа, а также типы агентов. См. М. А. Терентьев. “История завоевания Средней Азии”, СПб., 1906. Том I, стр. 118–120, 382; том III, стр. 139–142, 249.] и т. п. Второй период тянулся тридцать лет и его внешняя картина была такова: Россия победоносно шла вперед, расширяла и укрепляла свои позиции оружием, имея много разумных и реальных причин для таковой активной политики; Англия, видя в каждом шаге России посягательство на Индию, нервничала и боролась средствами дипломатии, деньгами и интригой. Подробности этой борьбы вы найдете в любой из английских книг, посвященных отношениям Англии и России в Средней Азии [Наиболее свежие и обстоятельные: Bruce, *The Forward Policy and its Results*; Chirole, *The Middle Eastern Question*; труды Кепзона; Holdich. *The Indian Borderland*; Lansdell, *Russia in Central Asia*. Старый труд Робертса, *Forty-one Years in India*, Skrine and Ross, *The Heart of Asia*. Jate A. C. *England and Russia Face to Face*.]. Для меня довольно будет указать только наиболее крупные факты этого периода. Наши первые шаги в Средней Азии после перехода нами реки Сыр-Дарьи, взятие, например, Чимкента, вызвали в Англии тревогу и запрос британского правительства. Русское — в лице министра иностранных дел, князя Горчакова — с места в этих ответах (а такими ответами переполнен весь период) взяло тон уклончивый, чисто дипломатический, оправдывающийся, что было недостойно России, по существу бесполезно и ненужно, а для Азии неумно.

Чего можно было тогда опасаться со стороны Англии? Немногого. В Индии она еще так недавно овладела Пенджабом, т. е. только что подошла к среднему Инду, на севере она далеко еще не достигла Гиндукуша, поэтому Россия того времени в Азии была для британцев неуязвима, вполне гарантирована от непосредственных ударов Англии. Кого она могла поднять против нас? Никого. Персия была слишком для нас слабый соперник. В Афганистане Шир-Али-Шах тщетно старался укрепить свою власть и наладить хотя бы видимость порядка. Других наемников для боевых ударов не было. Конечно, Англия могла создать нам затруднения в Европе что-то вроде второй Крымской войны, но для этого с нашей стороны было достаточно не создавать европейских поводов, что было не так уже трудно. Что же до наших среднеазиатских успехов, то они Европу не интересовали и были предметом тревог и зависти только для Азии. Наше министерство иностранных дел, видимо, упустило из вида эту большую и реальную данную и стало на дорогу самооправданий, подтасовок и объяснений. Передам наиболее крупные факты борьбы во втором периоде.

По поводу взятия Чимкента и Туркестана [Разумеется, город.] Горчаков дал пояснение, что оно вызвано грабительским и предательским характером кочевников, живущих на границе России, что последняя достигла теперь нужных ей пределов, войдя в соприкосновение с более солидными и крупными государствами; “последние с

достаточной географической точностью определяют предел, до которого мы должны были продвигаться и на которой мы должны остановиться”.

Конечно, жизнь не оправдала этих дипломатических изворотов, и, как в свое время язвительно заметил Роулинсон, не успели высохнуть чернила, которыми был написан манифест (разумеется, заявление Горчакова от ноября 1864 г.), как Россия двинулась по Средней Азии дальше. Взят был Ташкент, за ним Ходжент, окружено было Кокандское ханство, и русские войска подошли к границам Бухары; вскоре затем был занят Самарканд, и лишенная воды Бухара сдалась на милость победителя. Последовал новый ряд запросов со стороны Англии, среди которых достойно упоминания предложение Кларендона в 1869 году, образовать из Афганистана нейтральную зону. Эта смешная мысль доставила в свое время много хлопот, и англичане ее сумели утилизировать в виду все более осложнявшихся отношений между Россией и Англией. Князь Горчаков принял предложение Кларендона с большой охотой, причем в своем ответе оговорился неосторожной фразой, что государь “считает Афганистан стоящим совершенно вне сферы влияния России”. Эта историческая фраза наделала нам в свое время много хлопот, и англичане ее сумели утилизировать вкривь и вкось. Ее пришлось повторить тому же Горчакову в 1875 году, она была сказана еще раз Гирсом 2 октября 1883 года мистеру Кеннеди и т. д.

Что касается проекта Кларендона, то англо-индийское правительство поняло, что центральная властьхватила через край, что для Англии отказаться от влияния на Афганистан невозможно. Проект рассосался сам собою в процессе двухлетних дипломатических переписок, и Англия вновь вернулась к системе запросов и требований ответов. Мы имели малодушие и неразумие вновь отвечать, формулируя нашу мысль тем, что “Россия не имеет более намерения продвигаться дальше на юг и считает расширение своей территории, как увеличение слабости”.

Этот длительный и своим содержанием пустой диалог между двумя странами завершился соглашением 1873 года, по которому Россия согласилась признать Аму-Дарью от озера Зор-куля до впадения в нее реки Кокчи северной границей Афганистана. Это соглашение является крупнейшим актом второго периода наших отношений с Англией. Оно представляет собою первую осуществленную Англией попытку наметить определенный рубеж, за который не должна переходить Россия.

Но как ни первоклассна Аму-Дарья, как рубеж, она не захватывала своим течением всей границы нашей с Афганистаном. И естественно, скоро нашелся пролом, в который и стала прорываться наступательная энергия России. Этим проломом оказалось пространство между Зюльфагаром и Аму-Дарьей. Первая половина восьмидесятых годов прошлого столетия полна пререканий между Россией и Англией, касающихся этого участка. Англия оживила свои старые приемы: запрос, посылка агентов, газетная травля, политические памфлеты. Из Мерва был сделан “ключ” и к Герату, и к Афганистану, и чуть ли не к Индии... Но все это не остановило России, и в феврале 1884 года Мерв пал. После повторных настояний со стороны Великобритании было решено собрать в октябре англо-русскую разграничительную комиссию в Серахсе, также занятом Россией. Но вместо “rendezvous” последовал захват нами Пули-Хатума, пункта, которому англичане склонны были придавать нервно-преувеличенное значение. Начались обсуждения о “законности” наших действий перепиской между Петроградом и Лондоном, Кабулом и Калькуттой; наша дипломатия оправдывалась, а русские войска, продолжая свое дело, в 1885 году овладели Зюльфагаром и Ак-Рабатом и сделали движение в направлении на оазис Пендэ, имеющий действительную ценность.

Англия пережила минуты серьезных колебаний, был уже отдан приказ о “мобилизации двух армейских корпусов” [Так говорилось Абдуррахману на дурбаре в Раваль-Пинди; мудрый эмир едва ли был введен в заблуждение звучным словом “корпус”.], отозван был Лемеден, председатель разграничительной комиссии с английской стороны; все говорили о войне. Англичане не довольствовались угрозами дипломатического характера. Они всячески подстрекали пограничные афганские войска к активному выступлению, обещая всяческое содействие. В одном случае, у Таш-Кепри, наглое поведение афганцев привело 30 марта 1885 года к боевому столкновению, в котором афганский отряд был разбит наголову, а группа британских провокаторов постыдно бежала с поля сражения, оставив все свое имущество, включая и сапоги, которых второпях не успели надеть. Кушкинский эпизод (по нашей терминологии) возымел свое разумное влияние: комиссия собралась вновь и 12 ноября 1885 года был вбит первый пограничный столб, а в сентябре 1886 года комиссия кончила свои работы. Правда, не все было удачно в работах комиссии; поправки и дальнейшие обсуждения были перенесены в Петроград, где зимой 1887 года окончательно и была установлена северо-западная граница Афганистана с Россией, о которой я уже говорил раньше [Подробности о событиях и переговорах между Россией и Англией за 1872–1885 гг. можно найти в издании Министерства Иностранных дел, *Авганское Разграничение (Delimitation Afghane)*. СПб., 1886, 379.].

Путем таких соглашений Англии удалось положить предел нашим наступлениям и нашей “угрозе” Индии, но ей скоро пришлось убедиться, что есть еще один путь, на котором она не поставила барьера; этим путем был Памир. Здесь нас попробовали остановить двумя способами: во-первых, науськивая Абдуррахмана на захват правобережных Вахана, Шугана и Рушана, якобы раньше принадлежавших Бадахшану. Небольшие отряды афганцев перешли Пяндж и продвинулись на восток до пределов киргизского Памира, но жестоким разгромом афганского отряда у Соматаша на реке Аличуре 22 июня 1892 года и еще одним поражением у Бадахшанской границы дело было поправлено, а вместе с ним была возвращена англичанам и должная податливость. Вторым приемом была научная попытка, играя на “истинном верховьи Аму-Дарьи”, удержать нас гораздо севернее, чем это надлежало по соглашению 1873 года. Не так эта научная казуистика, как два хороших боевых урока, побудили англичан и на Памире прибегнуть к разграничительной комиссии, которая в 1896 году и установила существующую ныне пограничную линию.

Памирской разграничительной комиссией и кончается второй период, в течение которого Англия всеми способами хотела приостановить наше наступление и положить ему предел, а Россия, дипломатически оправдываясь и обороняясь, шла неудержимо вперед, применяя вооруженную силу.

Третий период среднеазиатских отношений России и Англии

Третий период среднеазиатских сношений Англии и России я отношу к последним двадцатым годам. В нем красной нитью проходит мысль о неизбежности столкновения с Россией и вместе с тем мысль о необходимости провидеть реальные возможности, из этой коллизии вытекающие. Старая мысль — достижение контроля над Афганистаном — бесповоротно брошена, так как ясно понято, что Афганистан сам по себе беден, слаб и бессилен, что влияние, достигнутое над ним, не сулит ничего определенного. Вторая мысль, руководившая вторым периодом, остановить Россию дипломатическими приемами и договорами, оказалась нереальной. Англия должна была в конце концов задуматься не над тем, как обеспечить Индию от приближения России, а как выйти победительницей из той среднеазиатской войны, которую она стала считать неизбежной. Что же заставило Англию извериться в силе договоров и мирных приемов остановить Россию? Причин было немало. Я ограничусь пересчетом лишь некоторых.

1. Постепенная и неустраняемая естественность коммерческих и других сношений России с Афганистаном. А между тем такая связь была чревата огромными последствиями, с которыми Англия была не в силах бороться.

2. Личная политика покойного эмира Хабибуллы-хана, который, несмотря на свою лень и небрежность во внутренних делах, внешнюю политику повел довольно твердую и независимую. Позорная миссия Дэна в марте 1905 года, ничего не добившаяся у эмира и только усилившая его титул, блестяще показала и бессилие Англии, и независимость эмира.

3. Несомненное закрепление военной мощи Афганистана и большое обеспечение его военно-техническими ресурсами. Англия и в этом отношении, сколько вице-король Керзон ни приостанавливал военных грузов, также оказалась бессильной приостановить накопление боевых средств.

4. Нараставшая в русском общественном сознании необходимость непосредственных сношений с Афганистаном, даже более, позорность отсутствия таких сношений. Русская печать (“Новое Время”, “С.-Петербургские Ведомости” и др.) подняла в первых годах двадцатого столетия определенный голос о нашем дипломатическом представительстве в Кабуле. Туркестанский генерал-губернатор возвратил в Афганистан несколько дезертиров, сопровождая их специальной запиской. Он же для поздравления Хабибуллы-хана проектировал послать в Кабул мусульманскую депутацию. Еще раньше генерал Куропаткин, будучи военным министром, при посещении Туркестана в 1901 году, выпустил из мервской тюрьмы 6 афганских шпионов и послал их в Афганистан с доброжеланиями новому эмиру... Словом, долгая плотина, запиравшая для России двери в Афганистан, готова была прорваться окончательно.

Эта и другие причины заставили Англию посмотреть на среднеазиатскую проблему новыми и трезвыми глазами. Это новое понимание, проникающее последний период, сводится к тому, что война с Россией неминуема и надо думать, как к ней подготовиться и как ее вести. Афганистан в этой борьбе рассматривается только, как невольный плацдарм, на котором или могут разыгаться боевые столкновения, или по которому русские войска пойдут почти беспрепятственно. Практический вопрос, вытекающий из этого нового политического *credo* Англии, сводится к тому, как оборонять Индию.

Всякая оборона может быть пассивной или активной, и соответственно этому у англичан за последние 30 лет идет борьба между сторонниками того и другого плана.

Сторонниками пассивной обороны считаются такие знатоки Афганистана, как лорд Роберте, лорд Лоренс, лорд Нэпир Магдальский, Мансфильд, лорд Чельмсфорд. Они говорят, что в Афганистане нельзя быть уверенным, что это — дикая и враждебная страна [Сторонники пассивной обороны, — большей частью люди, побывавшие в Афганистане во время 2-й англо-афганской войны и озлобленные своими неудачами там. Поэтому верить искренно в союз с афганцами они не могут, таким оптимизмом они не страдают, почему и стоят за оборону пассивную, т. е. на территории Индии.], что с занятием его коммуникационная линия очень удлиняется, а средства и резервы удаляются.

Кроме того, по их доводам, северо-западная граница, т. е. местность между Индом и Кабул–Газни–Кандагар, очень сильна в смысле оборонительном, а местность у Кандагара и Кабула очень слаба в том же смысле. При вынесенной вперед обороне англо-индийская

армия очутится впереди сложных дефиле, которые при неудаче могут способствовать ее поражению, а при удаче сильно затруднять коммуникацию, т. е. подвоз к армии.

Русским войскам придется до реки Инда пройти слишком большое расстояние, что потребует страшно много войск на сообщения, затруднит подвоз и сделает тыл их армии для афганцев легко уязвимым: следовательно, армия, которая подойдет к Инду, будет сильно ослаблена и обтрепана.

Эта партия требует развития сообщений вдоль северо-западной границы для быстрого сосредоточения сил в нужном и угрожаемом пункте. Кроме постройки самых серьезных укрепленных районов у Кветты и Пешавера, она же рекомендует обеспечить доступный для переправы участок реки Инда между Калабагом и Дери-Измаил-Ханом и запретить долговременными укреплениями выходы из долины рек Курама, Точи и Гомула.

Относительно обороны северной границы эта партия советует встретить русских при дебушировании их из гор, и потому не занимать выдвинутых позиций в Читрале и Гилгите, не строить к этим пунктам военных дорог, а предоставить самой местности остановить наступающего. Ядро армии должно быть у Лагор–Раваль-Пинди.

Критики пассивной обороны (в пределах Индии), защищая активную оборону, говорят, что оборона за Сулеймановым хребтом на линии Пешавер–Банну–Дера-Гази-Хан–Джакобабад даст возможность России занять Афганистан, утвердиться в нем, продолжить железную дорогу от Кушки на Герат и Кандагар, а также к Кабулу и таким образом устранить все трудности по продовольствию и сосредоточению войск. Оборонительная линия слишком длинна, и потому возможен прорыв ее русскими, раз в их руках будут находиться перевалы и проходы Афганистана, и, следовательно, их действия будут скрыты от взоров англичан.

Таким образом неизвестность и разделение сил будут на стороне обороны, а инициатива действий, сосредоточенность войск и свобода демонстраций — на стороне русских.

Критики пассивной обороны Индии за Сулеймановым хребтом, но с выдвинутым флагом к Хаджи-Амранскому хребту (один из вариантов пассивной обороны) считают и этот план негодным: 1) оборона укреплений у Пешавера, Банну, Дера-Измаила, Суккара и Кветты приводит к пассивно-кордонной системе. Войска разбросаны, прикованы к отдельным пунктам и обречены на бездействие и слабость, что подрывает дух обороны; 2) положение английских войск на пишинской позиции сделается рискованным, когда русские займут большую часть Афганистана, так как они могут прорвать английские сообщения и обойти тыл.

В общем, подобный план обороны, по их мнению, отдает Афганистан в руки русских, привлекает Афганистан на сторону сильнейшего, а также дает возможность русским поднять против англичан все воинственные племена северо-западной Индии.

Покойный Китченер был сильный сторонник активной обороны, план которой подробно разработан Мак-Грегором [Изложение идей Мак-Грегора можно найти в “Сборнике материалов по Азии”. Выпуски XIII и XIV.], Беллем [Перевод статьи можно найти в томе XVI “Сборника материалов по Азии”. В основе статьи лежат два положения: 1) оборона Индии основана на обороне Афганистана и 2) границей должен быть хребет Гиндукуш со всеми его западными отрогами, северными и западными склонами.] и другими. Они требуют прочного утверждения британского владычества над Афганистаном или, по крайней мере, распространения “цивилизующего” влияния Великобритании среди

афганского населения, а затем требуют немедленно же настоять на проведении на афганской территории густой сети колесных и железных дорог.

Вместе с тем оборона должна быть выдвинута, по их мнению, до самого Герата, а для операций здесь против русских придется действовать в тыл русским со стороны Хоросана. Оборона Кабула и Кандагара должна вестись впереди этих пунктов. Словом, Афганистан по отношению к Индии, — говорит Белль, — должен играть роль передовой фортификационной постройки или гласиса, употребляя излюбленное слово политических сочинений англичан. По-видимому, планы эти восторжествовали вполне, так как миссия Дэна в Кабуле руководствовалась вышеуказанными принципами, предполагая, между прочим, создать на реке Гильменде серьезную оборонительную линию. Во всяком случае, надо полагать, что в случае войны с нами англичане постараются захватить раньше нас линию Кабул–Кандагар (450 верст), что значительно укорачивает существующую линию Пешавер–Кандагар или Суккур (725 верст). Останутся ли англичане на таком среднем решении или выдвинутся до линии Герата, — это будет зависеть от многих комбинаций, но, главным образом, от энергии и удачи наших действий, а также от личности англо-индийского главнокомандующего, который должен верить если не в англо-индийские войска, то, по крайней мере, в себя, как выдающегося полководца.

В связи с этим новым течением среднеазиатской проблемы, конечно, лежит большой и старый вопрос о возможности русского похода на Индию. Без его надежного выявления остаются непонятными те два течения английской мысли, о которой я вам сказал, но коснуться этого большого вопроса я совершенно не могу за недостатком времени. Он принадлежит к той категории глубоких и сложных тем, по поверхности которых скользить было бы преступлением.

Последним политическим актом, устанавливающим взаимные отношения России и Англии касательно Афганистана, является конвенция 18 (31) августа 1907 года [Подлинный текст англо-русской конвенции 13 августа 1907 года по делам Афганистана гласит:

“Высокие договаривающиеся стороны, в видах обеспечения совершенной безопасности на обоюдных границах в Средней Азии и поддержания в этих областях прочного и продолжительного мира, заключили следующую конвенцию:

Статья I. Правительство его британского величества объявляет, что оно не имеет намерения изменять политического положения Афганистана.

Правительство его британского величества обязуется кроме того осуществлять свое влияние в Афганистане только в миролюбивом смысле и оно не примет само в Афганистане и не будет поощрять Афганистан принимать меры, угрожающие России.

Со стороны своей российское императорское правительство объявляет, что оно признает Афганистан находящимся вне сферы русского влияния, и оно обязуется пользоваться для всех своих политических сношений с Афганистаном посредством правительства его британского величества; оно обязуется также не посылать никаких агентов в Афганистан.

Статья II. Так как правительство его британского величества объявило в договоре, подписанном в Кабуле 21 марта 1905 года, что оно признает соглашения и обязательства, заключенные с покойным эмиром Абдуррахманом и что оно не имеет никакого намерения вмешиваться во внутреннее управление афганской территорией, Великобритания обязуется не присоединять или занимать, в противность сказанному договору, какой-либо

части Афганистана и не вмешиваться во внутреннее управление этой страной, с оговоркой, что эмир будет пополнять обязательства, уже принятые им по отношению к правительству его британского величества в силу вышеупомянутого договора.

Статья III. Русские и афганские власти, особо к тому назначенные, на границе или в пограничных провинциях, могут впредь установить непосредственные взаимные сношения, чтобы улаживать местные вопросы не политического характера.

Статья IV. Правительства России и Великобритании объявляют, что они признают по отношению к Афганистану принцип торгового равноправия и соглашаются в том, что все облегчения, которые были или будут приобретены впредь для торговли и торговцев английских и англо-индийских, будут равным образом применяемы к торговле и торговцам русским. Если развитие торговли укажет на необходимость в торговых агентах, оба правительства, условятся о мерах, какие следует принять, принимая, конечно, во внимание верховные права эмира.

Статья V. Настоящие соглашения войдут в силу лишь с момента, когда британское правительство заявит российскому правительству о согласии эмира на условия, выше постановленные”.]. Конвенцией этой Россия окончательно признала Афганистан находящимся вне сферы русского влияния и обязалась для всех своих политических сношений с ним пользоваться посредством британского правительства; она обязалась также не посылать никаких агентов в Афганистан.

В своей публичной лекции в Петрограде я в свое время подробно останавливался на этом акте, и желающие могут найти его в моей брошюре “Англо-русское соглашение 1907 года”. Этот акт по его существу я отношу ко второму периоду наших среднеазиатских сношений с Англией, не признаю за ними никакого удельного веса и могу допустить его разумность (для Англии) только лишь с точки зрения каких-то европейских, теперь после мировой войны понятных достижений. Новым в нем, на первый взгляд, кажется допущение непосредственных приграничных сношений неполитического характера, но практически этим не введено чего-либо нового. Такие сношения всегда были, они слишком неизбежны, чтобы их можно было бы устранить какими-либо путями. Как можно было провести такую обособленность приграничного населения, например, у берегов Пянджа, где на одной стороне живет один брат, на другой — другой брат, где жену себе бухарский таджик берет с “афганской стороны”, где ишан в духовном отношении правит целым рядом кишлаков, независимо от их расположения на левой — или на правой стороне Пянджа. Затем, как курьез, все статьи были поставлены в зависимость от согласия на них афганского эмира, и я не слышал, чтобы он и до сих пор оповестил мир о своем согласии [Это подтверждает и недавно вышедшая “Синяя Книга” “Индия — ...”. Сборник донесений нашего генерального консула в Индии за годы 1913–1917. См. эту книгу, стр. 2. Москва, 115 стр., изд. 1918 г.].

В заключение своего политического очерка об Афганистане я должен сказать о последних моментах наших с ним сношений. Подчеркиваю две стороны дела. Во-первых, советская Россия беспрепятственно и, видимо, легко установила непосредственные сношения с Афганистаном, что раньше не давалось, и на каковой акт старое правительство склонно было смотреть, как на *casus belli*. Оказалось, это было простым политическим миражем. Россия имеет теперь в Кабуле своего представителя, посылала в Афганистан свое посольство, принимала в Москве афганскую миссию, имеет с Кабулом систематическую связь. Правда, Англия вела с Афганистаном войну, но, быстро ее выиграв, она ничего победой не приобрела и на сношения России с Афганистаном принуждена смотреть сквозь пальцы... Специалисты давно предвидели подобный исход, и не один раз

говорили, что при сильном и решительном языке Англия, по существу, очень слабая в Средней Азии, всегда должна будет пойти на уступки.

Вторым и более существенным моментом является совершенно правильный взгляд советской России на среднеазиатскую проблему. Она видит в ней единственный или, по крайней мере, главный рупор, через который можно разговаривать с Англией, рассчитывая на ее более искреннее внимание; в Индии она видит не только теоретическую “Ахиллесову пяту” английского могущества, но действительную уязвимую точку британского империализма. Я не знаю подробностей и целей, но, несомненно, советская Россия работает определенным образом в духе этого понимания. С ним я, давно проводивший эти идеи, не могу не согласиться. Я могу разойтись, как специалист, в некоторых технических способах и расчетах, и проектированная посылка, например, по Памиру конного отряда, о чем я слышал, едва ли снискала бы мое одобрение, но это детали, а порой даже и мелочи. Основная идея остается правильной и она должна дать искомые политические плоды. Я много раз говорил в жизни, что Индия является самой дорогой, но и самой уязвимой ценностью Англии. Если вы хотите ниспровергнуть господствующего над миром властителя или, как иногда говорят, мирового аристократа, то бейте его по Индии; если вы хотите подорвать капиталистическую над миром тиранию Англии — бейте ее по Индии.

Но вы зададите мне вопрос, а как отзовется на это битье сама Индия? Что представляет она собою? Вопрос, естественно, вытекающий из всего того, что я говорил об Афганистане; я на него пока отвечу следующим. В одном из храмов Японии посетителям показывают статуи трех обезьян, из которых одна изображена с закрытыми ушами и глазами, другая — с открытыми ушами, но с закрытыми глазами, и, наконец, третья — с открытыми ушами и глазами, но с рукою, закрывающей рот. По толкованию японцев, первая обезьяна представляет Индию, которая и по сей час “ничего не видит и не слышит”, вторая — Китай, который “хотя и слышит, но еще не видит” и третья — Японию, которая “все слышит и все видит, но до поры до времени молчит”.

Вот какой бедной обезьяной, ничего не видящей и ничего не слышащей, т. е. ничего не понимающей, представляет себе Индию весь Восток вместе с ее властителями-англичанами. Я обрисую Индию в свое время и в своем месте далеко непохожей на этот печальный и уродливый образ. Но это после. Ныне я заканчиваю свой краткий очерк об Афганистане, краткий по недостатку времени и материала; но, если вы получили представление об этой стране, бедной и нескладной своим содержанием, как о главнейшем преддверии в Индию, я буду считать свою основную мысль выраженной удачно.